

А. БОГДАНОВЪ

ИНЖЕНЕРЪ МЭННИ

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ
РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ ПЕТРОГРАД-
СКАГО СОВѢТА РАБОЧИХЪ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХЪ
ДЕПУТАТОВЪ
ПЕТРОГРАДЪ
1919

В. А. Х. Х.

А. БОГДАНОВЪ.

ИНЖЕНЕРЪ МЭННИ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ИЗДАНИЕ 3-е.

ИЗДАНИЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ депутатовъ.
1918 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе переводчика	5
Прологъ	14
1. Мэнни	
2. Нэллa	21
Часть I.	
1. Планъ Великихъ Работъ	29
2. Темныя тучи	34
3. Объясненіе	42
4. Судъ	45
Часть II.	
1. Нэтти	48
2. Возвращеніе	59
3. Отецъ!	62
Часть III.	
1. Двѣ логики	66
2. Арри	72
3. Глубже и глубже	74
4. Враги и союзники	82
5. Легенда о вампирахъ	89
6. Вампиръ	93
Часть IV.	
1. Сердце Нэллы	102
2. Образы смерти	105
3. Завѣщаніе	109
4. Къ восходу солнца	112
Эпилогъ	114

Изъ письма д-ра Н. Вернера литератору А. Богданову.

.....Слѣдовательно, сомнѣній никакихъ быть не можетъ: Леонидъ живъ и находится у «нихъ».....

Его рукопись, столь загадочнымъ образомъ попавшую въ мои руки, пересылаю Вамъ. Это—романъ, переведенный имъ съ марсіянскаго языка.

Май 19.....г.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Послѣ событій, описанныхъ мною въ книгѣ «Красная Звѣзда», я вновь живу среди своихъ друзей—марсіанъ, и работаю для дорогого мнѣ дѣла—сближенія двухъ міровъ.

Марсіане рѣшили на ближайшее будущее отказаться отъ всякаго прямого, активнаго выѣшательства въ дѣла Земли; они думаютъ ограничиться пока ея изученіемъ и постепеннымъ ознакомленіемъ земного человѣчества съ болѣе древней культурой Марса. И я вполне согласенъ съ ними, что осторожность необходима въ этомъ дѣлѣ. Такъ, если бы открытія ихъ науки о строеніи матеріи стали теперь извѣстны на Землѣ, то у милитаризма враждебныхъ другъ-другу націй оказались бы въ рукахъ истребительныя орудія невиданной силы, и вся планета въ нѣсколько мѣсяцевъ была бы опустошена.

При Колонизаціонномъ Обществѣ марсіанъ образовалась особая группа Распространенія Новой Культуры на Землѣ. Я въ этой группѣ взялъ на себя наиболѣе подходящую мнѣ роль—переводчика; для той же цѣли мы надѣемся въ близкомъ будущемъ привлечь еще нѣсколькихъ земныхъ людей разныхъ національностей. Задача эта вовсе не такъ проста, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Трудности при переводѣ съ единого марсіанскаго языка на земные неизмѣримо больше, чѣмъ при переводѣ съ одного земного языка на другой; а полная и вполне точная передача мыслей псдлинника часто даже невозможна.

Представьте себѣ, что вамъ пришлось бы современное научное произведеніе, психологическій романъ, политическую статью переводить на языкъ Гомера или церковно-славянскій... Я сознаю, на-

сколько для насъ, людей Земли, неестно это сравненіе; но, къ сожалѣнію, оно не преувеличено: разница двухъ культуръ приблизительно такая же. Не тотъ строй жизни, другія отношенія, иной весь опытъ людей. Множество понятій, тамъ—вполнѣ выработанныхъ и привычныхъ, здѣсь отсутствуютъ совершенно. Идеи, тамъ настолько общепринятыя, что ихъ даже не высказываютъ, а постоянно подразумеваютъ, здѣсь—нерѣдко воспринимаются, какъ нѣчто непонятное, невѣроятное или даже чудовищное, — въ родѣ того, какъ атеизмъ для благочестиваго католика среднихъ вѣковъ или свободная любовь для мѣщанина старыхъ временъ. Языкъ мыслей можетъ различаться гораздо больше, чѣмъ языкъ словъ; первый бываетъ иногда совершенно несходенъ даже тамъ, гдѣ второй кажется однимъ и тѣмъ же.

Наибольшая трудность, какую встрѣчаетъ на своемъ пути новая идея, — это чаще всего именно трудность ея перевода на обычный языкъ. Когда Коперникъ и Бруно и Галилей говорили, что земля вращается, самыя слова ихъ были почти для всѣхъ тогда еще непонятны: «вращаться» означало, прежде всего, опредѣленные живыя ощущенія, связанныя съ круговымъ движеніемъ человека или окружающихъ его предметовъ; но какъ-разъ такихъ ощущеній въ данномъ случаѣ не было. Эта исторія повторялась и еще теперь повторяется на каждомъ шагѣ.

Теперь вы легко поймете, каковы препятствія при переводѣ съ языка другой культуры, притомъ болѣе сложной и высокой. Очевидно, что надо начинать съ наиболѣе легкаго. Этимъ объясняется выборъ, который сдѣлала для перваго раза наша группа. Мы взяли историческій романъ моего друга, писательницы Энно, романъ изъ эпохи, приблизительно соотвѣтствующей нынѣшнему періоду земной цивилизаціи:—послѣднимъ фазамъ капитализма. Изображаются отношенія и типы, родственные нашимъ, а потому и сравнительно понятныя для земного читателя. Сама Энно бывала на Землѣ и знаетъ нѣкоторые изъ нашихъ языковъ, такъ что могла отчасти помочь мнѣ въ работѣ, но только отчасти; отвѣтственность за форму изложенія въ цѣломъ—если стоить говорить объ отвѣтственности—я долженъ принять на себя.

Марсианскіе мѣры, вѣсы, счисленіе времени я повсюду, разумеется, замѣнялъ земными; названія странъ, морей, каналовъ, гдѣ

возможно, — тѣмъ, которыя приняты теперь на картахъ земныхъ астрономовъ, т.е. греческими и латинскими обозначеніями Скіапарелли. Но въ романѣ рѣчь идетъ нерѣдко о подробностяхъ, совершенно недоступныхъ нашимъ телескопамъ, — о городахъ, горныхъ цѣпяхъ, мелкихъ заливахъ; тогда я либо просто переводилъ марсіанское названіе, либо старался передать его смыслъ подходящей греческой формой въ духъ тѣхъ же обозначеній Скіапарелли.

Теперь мнѣ надо ввести читателя въ ту обстановку, среди которой разворачивается дѣйствіе романа.

* * *

Марсъ по астрономическому возрасту вдвое старше Земли; благодаря этому онъ маловоденъ. За долгіе милліоны лѣтъ большая часть воды его океановъ успѣла просочиться въ глубину его коры; теперь всѣ моря на Марсѣ составляютъ лишь половину его поверхности, и притомъ они гораздо менѣе глубоки, чѣмъ земныя. Суша сплошнымъ континентомъ занимаетъ три четверти сѣвернаго полушарія и около четверти южнаго, охватывая нѣсколько небольшихъ внутреннихъ морей; остальное пространство занимаетъ Южный океанъ со множествомъ острововъ; изъ нихъ нѣкоторые довольно обширны. Материкъ прорѣзанъ по всѣмъ направленіямъ знаменитыми каналами.

Такова картина въ настоящее время; но не совсѣмъ такова была она триста лѣтъ тому назадъ. Если бы Галилей и Кеплеръ обладали современными телескопами, то все-таки на ихъ картахъ Марса не оказалось бы ни огромнаго большинства нынѣшнихъ каналовъ, ни даже нѣкоторыхъ внутреннихъ морей и озеръ. Въ дѣйствительности «великихъ каналовъ» тогда вовсе и не было, а было нѣсколько широкихъ морскихъ проливовъ, ошибочно относимыхъ къ числу каналовъ земными астрономами. Начало «великихъ работъ» было положено инженеромъ Мэини всего 250 лѣтъ тому назадъ. Историческая необходимость породила это чудо труда и человѣческой воли.

Исторія марсіанъ въ основныхъ чертахъ похожа на исторію земного человѣчества: такой же путь отъ родового быта черезъ феодализмъ къ господству капитала и черезъ него — къ объединенію труда. Но болѣе медленнымъ темпомъ и въ болѣе мягкихъ тонахъ шло это развитіе. Природа Марса не такъ богата, — зато и жизнь его была не такъ расточительна, какъ земная. Огонь и кровью залита каж-

дая страница исторіи на Землѣ, залита настолько, что лѣтописцы и историки долго почти ничего другого не могли вычитать изъ нея. Конечно, и на Марсѣ насиліе, разрушеніе, истребленіе сыграли свою роль; но тамъ она никогда не была такъ чудовищно-грандіозна. Медленнѣе шло марсіянское человѣчество, но никогда оно не знало ни худшихъ формъ нашего рабства, ни гибели цѣлыхъ цивилизацій, ни такихъ глубокихъ и жестокихъ реакцій, какъ наши. Даже безчисленныя войны феодализма, нѣсколько тысячелѣтій тамъ царившаго, были сравнительно чужды того безсмысленно-звѣрскаго оуныя кровью, какое отличало феодальныя войны у насъ: за жестокими битвами тамъ рѣдко слѣдовали массовое убійство и опустошительный грабежъ мирнаго населенія. Сквозь варварство эпохи пробивалось какое-то инстинктивное уваженіе къ жизни и труду.

Почему это было такъ? Бѣдна и сурова была природа планеты, и опытомъ тысячъ поколѣній накоплялось смутное сознаніе того, какъ трудно восстанавливается разрушенное. Меньше было и разъединенія между людьми: ближе были другъ-другу разныя племена и народности, легче общеніе. Суша не разорвана широкими океанами и морями на самостоятельныя материки, горныя цѣпи не столь высоки и непроходимы, какъ на Землѣ; передвиженіе много легче, благодаря меньшей силѣ тяжести: вѣсъ вѣсѣхъ предметовъ болѣе чѣмъ въ два съ поговинной разѣ меньше, чѣмъ у насъ. Разныя языки, выйдя изъ одного общаго начала, никогда не удалялись до познаго расхожденія, и уже въ феодальную эпоху, съ учащеніемъ дальнихъ походовъ и торговыхъ сношеній, вновь стали сближаться между собою; къ ея концу это были скорѣе областныя нарѣчія, чѣмъ отдѣльные языки. Взаимнаго пониманія между людьми было больше, единство ихъ опыта глубже.

Около 1000 года послѣ Р. Х., по нашему счету, феодализмъ въ большинствѣ странъ Марса уже доживалъ свое время. Денежное хозяйство за предыдущіе пятьдесятъ вѣковъ успѣло проложить себѣ дорогу, и торговый капиталъ все рѣшительнѣе оспаривалъ у стараго землевладѣнія власть надъ обществомъ. Повсюду шла культурная революція, но еще въ религіозной оболочкѣ—подъ видомъ реформачіи древнихъ феодальныхъ религій. Крупные князья и короли, «собиратели земель», пользовались положеніемъ, чтобы подорвать силу свсего наиболѣе опаснаго соперника—жречества—и утвердить

монархическую систему. Около 1100 года на мѣстѣ прежнихъ тысячъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ имѣлось уже только около двадцати бюрократическихъ монархій, а большая часть гордыхъ феодаловъ поступила на службу и ко двору королей.

Но за это время распространились мануфактуры, и капиталъ еще выросъ. Ему стало тѣсно подъ опекой полицейскаго государства, и онъ началъ свою освободительную борьбу. Приблизительно отъ 1200 до 1600 года идетъ, подъ его невидимымъ руководствомъ, рядъ политическихъ революцій въ разныхъ странахъ.

Въ концѣ XIV вѣка началась промышленная революція, вызванная появленіемъ машинъ, и ходъ развитія сталъ ускореннымъ. Къ 1560 году не только повсюду, кромѣ немногихъ отсталыхъ окраинъ континента, водворился демократическій строй, но было достигнуто еще нѣчто большее—почти полное культурное и политическое объединеніе. Выработался общій литературный языкъ, поглотившій большинство прежнихъ областныхъ діалектовъ, и создалась, путемъ войнъ, частью договоровъ, гигантская Федеральная республика, охватившая около трехъ четвертей планеты. Оставалось довершить дѣло завоеваніемъ нѣсколькихъ полуфеодалныхъ государствъ, и это было систематически выполнено федеральнымъ правительствомъ за послѣдующіе полвѣка.

Около 1620 года было покорено послѣднее независимое государство,—страна, обозначаемая на нашихъ картахъ, какъ «Таумазія Феликсъ» (Счастливая Страна Чудесъ), гдѣ властвовалъ древній домъ герцоговъ Альдо. Таумазія представляетъ большой южный полуостровъ континента, отъ котораго она теперь, впрочемъ, совсѣмъ отдѣлена каналами съ ихъ озерами. Въ тѣ времена обитаемой была только прибрежная полоса Таумазіи, обращенная къ Южному Океану; вся внутренняя часть, гдѣ теперь находится огромное «Озеро Солнца», представляла безводную пустыню. Населеніе—нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ и рыбаковъ—отличалось суровыми, простыми нравами, консерватизмомъ и религіозностью; хозяйство было еще, главнымъ образомъ, натуральное, отношенія между феодалами и крестьянствомъ вполне патріархальныя. То была настоящая Вандея. Она и сыграла въ исторіи Марса роль Вандеи.

Старый герцогъ Альдо не пережилъ крушенія. Но остался его сынъ и наслѣдникъ, молодой Ормэнъ. Когда Федеральная республика

объявила войну Таумазин, онъ находился во Центрополисѣ, главномъ городѣ республики, куда пріѣхалъ для переговоровъ. Тамъ онъ и былъ задержанъ на все время войны. Республика не конфисковала помѣстій герцогскаго дома, и, не имѣя политической власти, Ормэнъ Альдо сохранилъ значительную долю земель Таумазин въ качествѣ помѣщика. Внѣшнимъ образомъ онъ вполне примирился со своимъ новымъ положеніемъ. Каждый годъ онъ на нѣсколько мѣсяцевъ пріѣзжалъ въ Центрополисъ и велъ тамъ жизнь милліонера изъ золотой молодежи, дѣлая видъ, что совершенно не интересуется политикой. На самомъ же дѣлѣ онъ внимательно наблюдалъ отношенія общественныхъ силъ и искалъ связей среди недовольныхъ элементовъ—остатковъ духовенства и аристократіи, а также разныхъ сепаратистовъ, мечтавшихъ о восстановленіи независимости родныхъ окраинъ. Остальное время онъ проводилъ у себя, въ Таумазин, развѣзая по всему ея протяженію подъ предлогомъ охоты или хозяйственныхъ расчетовъ съ арендаторамъ.

Почва для его агитаціи была самая благопріятная. Его поддерживала не только сила завѣтовъ прошлаго и все вліяніе духовенства на темную массу, но еще больше—мучительная экономическая эволюція страны: вторженіе торговаго и ростовщическаго капитала. Налоги, установленные центральнымъ правительствомъ, сами по себѣ не были бы тяжелы, но ихъ надо было уплачивать деньгами, а деньги составляли рѣдкость въ Таумазин. Крестьяне изстари привыкли жить прямо продуктами своего труда, дополняя недостающее сосѣдскимъ обмѣномъ, для котораго не требуется денегъ; натурой отбывался и повинности по отношенію къ помѣщикамъ; даже подати старому герцогскому правительству на девять десятыхъ вносились продуктами и работами. Теперь же надо было въ опредѣленное время года платить сборщикамъ налоговъ огромныя, по тогдашнимъ крестьянскимъ понятіямъ, суммы денегъ; надо было что-нибудь продавать для этого, продавать во что бы то ни стало. Такъ масса населенія попадала во власть скупщиковъ и пріѣзжихъ торговцевъ, которые пользовались обстоятельствами безъ пощады: покупали по ничтожнымъ цѣнамъ, давали взаймы по неоплатно-ростовщическимъ процентамъ, навязывали свои товары, часто вовсе не нужные крестьянину, кулаческими договорами присвоивали хлѣбъ на кормъ и будущій уловъ рыбы и еще увеличивали свои барышни систематиче-

скимъ надувательствомъ, противъ котораго темное населеніе было беззащитно. Съ торговлей новые соблазны и потребности проникали въ крестьянскую среду, но для ихъ удовлетворенія опять-таки нужны были деньги, и это помогало хищникамъ усиливать свою эксплоатацию. Разореніе быстро подвигалось впередъ, а съ нимъ росло въ Таумазіи пародное недовольство.

Послѣ двадцати лѣтъ невидимой работы Ормэна Альдо съ его друзьями, все было подготовлено какъ нельзя лучше: десятки тысячъ энергичныхъ людей готовы были подняться по первому сигналу, и масса понемногу ввезеннаго оружія лежала въ подвалахъ разбросанныхъ по всей странѣ замковъ. Оставалось выжидать удобнаго момента. Тѣмъ временемъ Ормэнъ рѣшилъ позаботиться о продолженіи своей династіи. Онъ женился на юной дочери одного изъ крупныхъ помѣщиковъ, горячаго участника въ заговорѣ. О любви въ этомъ бракѣ не было и рѣчи: двадцать лѣтъ политики и дипломатіи сдѣлали изъ Ормэна мрачную, несимпатичную фигуру. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ молодая женщина оказалась беременна; тогда Ормэнъ отослалъ ее въ одинъ изъ самыхъ дальнихъ замковъ, гдѣ она могла находиться въ безопасности на случай возстанія. Спустя еще нѣсколько мѣсяцевъ Ормэнъ получилъ два радостныхъ извѣстія: у него родился наследникъ; а надъ всей республикой разразился жестокій промышленный кризисъ. Лучшаго случая нельзя было и желать,—Ормэнъ поднялъ старое знамя герцоговъ Альдо.

Борьба была упорная, но слишкомъ неравная. Ормэнъ обнаружилъ большой талантъ полководца и одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ; но республика вскорѣ мобилизовала громадную армію; а другихъ серьезныхъ возстаній, на которыя рассчитывалъ герцогъ Альдо, нигдѣ не произошло. И такова ироническая логика жизни, что какъ-разъ война съ Таумазіей помогла республикѣ быстрѣе оправиться отъ экономического кризиса: вынужденныя огромныя покупки и заказы правительтва сразу улучшили положеніе нѣсколькихъ отраслей производства, а за ними послѣдовали и другіе. Черезъ годъ все было кончено: герцогъ Ормэнъ погибъ съ оружіемъ въ рукахъ, Таумазія была покорена навсегда. Феодальная идея больше не воскресала.

Вдова Альдо вмѣстѣ съ ребенкомъ была, по распоряженію правительства, переселена въ Центрополисъ—очевидно, для удобства

надзора. Эта столица находится въ нѣсколькихъ тысячахъ километровъ отъ Таумазіи, среди континента, на берегу внутренняго моря, называемаго Нильскимъ озеромъ; она расположена при устьѣ широкаго и очень длиннаго пролива Инда, связывающаго Нильское озеро съ Жемчужнымъ заливомъ Южнаго океана. Молодая женщина вскорѣ умерла отъ тоски по далекой родинѣ. Мальчикъ выросъ среди чужихъ людей; онъ былъ воспитанъ въ республиканскихъ идеяхъ. Его звали, какъ и отца, Ормэнъ; но онъ впослѣдствіи всегда подписывался «Мэнни»; это—то же самое имя, только въ демократической формѣ, — наподобіе того, какъ у насъ коронованную особу называютъ «Іоаннъ», а обыкновеннаго человѣка—Иванъ.

Изъ Мэнни вышелъ первоклассный ученый—физикъ и инженеръ. Нуждаться ему никогда не приходилось, хотя все имущество отца было конфисковано: отъ родственниковъ по матери ему осталось порядочное наслѣдство. Это позволило ему въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, совершить рядъ смѣлыхъ и дальнихъ путешествій по великимъ пустынямъ континента. Въ тѣ времена меньше половины суши было заселено: системы каналовъ не существовало, и вся внутренность материка, около трехъ пятыхъ его поверхности, была лишена воды. Въ этихъ путешествіяхъ, очевидно, и зародился его планъ Великихъ Работъ.

Первымъ полемъ инженерской работы Мэнни явилась Ливія. Эта страна, расположенная близъ экватора, у обширнаго залива Большаго Сырта, пользуется у земныхъ астрономовъ незаслуженно плохой репутаціей. Скіапарелли нашелъ, что большой западный полуостровъ Ливіи скрылся подъ водою въ нѣсколько лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ это просто невольная ошибка наблюденія. У береговъ Ливіи находится огромная, длинная отмель; на ней марсіяне долго разводили гигантскія плантаціи одной водоросли, волокна которой примѣнялись для производства тканей. Цвѣтъ ея, красный, какъ и у всѣхъ растений планеты, создавалъ иллюзію, будто тамъ суша. Новая техника производства одежды сдѣлала излишнимъ разведеніе водоросли, и иллюзія исчезла. Въ небольшой заливъ къ сѣверу отъ этой отмели теперь впадаетъ каналъ Непентесъ; идя къ востоку, онъ въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ отъ моря образуетъ озеро Мѣрисъ, вдвое больше нашего Ладожскаго; затѣмъ направляется дальше, загибаясь дугой нѣсколько къ сѣверу, и черезъ озеро Три-

тона сливается съ цѣлой системой другихъ каналовъ. Мэнни про-
рылъ первую часть канала Нэпентесъ, отъ моря до озера Мѣрисъ.
Озеро это тогда и образовалось среди пустыни, благодаря тому, что
часть ея представляла впадину, дно которой было значительно ниже
уровня моря.

Въ силу такихъ же условій, проведенные инженеромъ Мэнни
черезъ Таумазію каналы Нектаръ и Амброзія породили озеро Солнца—
внутреннее море, размѣромъ въ половину Каспійскаго.

При жизни самого Мэнни была закончена только небольшая
часть нынѣшней сѣти каналовъ; но почти вся она была уже на-
мѣчена въ проектахъ, выработанныхъ имъ и его продолжателемъ,
инженеромъ Нэтти.

Эти два человѣка — главные дѣйствующія лица романа.

Леонидъ Н.

ПРОЛОГЪ.

1. Мэнни.

Официальное совѣщаніе по вопросу о каналѣ черезъ Западную Ливію было созвано зимой 1667 года, по земному счету, въ министерствѣ Общественныхъ Работъ. Среди сотни участниковъ находились представители главныхъ банковыхъ картелей, а также наиболѣе заинтересованныхъ промышленныхъ трѣстовъ и крупнѣйшихъ частныхъ предпріятій, цѣлый рядъ знаменитыхъ ученыхъ и выдающихся инженеровъ, депутаты парламента и делегаты отъ правительства. Министръ открылъ собраніе краткой рѣчью, въ которой выяснилъ его цѣль.

— Вы всё, я полагаю,—сказалъ онъ,—уже знакомы въ общихъ чертахъ съ проектомъ инженера Мэнни Альдо по его замѣчательной книгѣ «Будущее Ливійской пустыни». Общество и парламентъ отнеслись со вниманіемъ къ этому проекту; о томъ свидѣтельствуетъ даже присутствіе здѣсь. По предложенію Центральнаго Правительства, самъ авторъ сдѣлаетъ намъ сегодня докладъ, въ которомъ конкретнѣе изложитъ техническую и финансовую сторону дѣла. Правительство обращается къ вашей высокой компетентности, придавая важное значеніе вашимъ мнѣніямъ и совѣтамъ. Было бы очень желательно, чтобы совѣщаніе въ цѣломъ смогло прійти къ опредѣленному принципиальному выводу, за—или противъ проекта. Дѣло идетъ о мирномъ завоеваніи новой страны для человѣчества, но также о затратахъ, исчисляемыхъ отъ одного до двухъ миллиардовъ.

Затѣмъ онъ далъ слово докладчику.

Сначала Мэнни сказалъ и точно, съ цифрами и чертежами, которые тутъ же воспроизводились фонаремъ на экранѣ, описавъ рельефъ мѣстности.

— Я самъ со своими помощниками,—сказалъ онъ,—произвестъ новый промѣръ Ливійской котловины отъ юга къ сѣверу и отъ востока къ западу: указанія прежнихъ путешественниковъ были слишкомъ приблизительны и неполны. Пространство нѣсколько болѣе шестисотъ тысячъ квадратныхъ километровъ заключено со всѣхъ сторонъ между горами, достаточно высокими, чтобы не пропускать дождевыхъ облаковъ. Съ юга и съ запада эти горы довольно близко подходятъ къ океану, а на сѣвѣрѣ и на востокѣ за ними начинаются другія пустыни. Когда-то вся котловина была морскимъ дномъ; но съ тѣхъ поръ уровень океана сильно понизился, она отдѣлилась отъ него и высохла; однако, ея центральная часть и теперь, какъ вы можете видѣть по чертежамъ поперечныхъ разрѣзовъ, остается ниже поверхности океана отъ 50 до 200, мѣстами даже до 300 метровъ. Это пространство, размѣромъ около 50 тысячъ квадратныхъ километровъ, немедленно было бы вновь затоплено, если бы удалось привести его въ сообщеніе съ Океаномъ. Тогда весь климатъ страны рѣзко измѣнился бы.

— Въ настоящее время, это сплошная безводная пустыня, гдѣ поверхностный слой песку измелчился въ пыль, гибельную для легкихъ и для глазъ. Тамъ нѣтъ оазисовъ, которые могли бы служить этапами отдыха для путешественниковъ. За послѣднія сто лѣтъ изъ восьми экспедицій, проникшихъ въ глубину пустыни, двѣ не вернулись вовсе, остальные потеряли часть сотрудниковъ. Наша экспедиція была оборудована лучше всѣхъ прежнихъ, но зато, правда, и работала гораздо дольше; она возвратилась въ половинномъ составѣ; кромѣ меня одного, всѣ были серьезно больны. Особенно тяжелы нервныя заболѣванія—отъ полного однообразія окружающей среды и совершеннаго отсутствія въ ней звуковъ. Тамъ настоящее царство молчанія.

— Когда въ Ливіи удастся создать внутреннее море, то вся она станетъ иной. Влага, испаряемая тропическимъ солнцемъ съ поверхности этого моря, будетъ задерживаться горами, окружающими котловину, и сбѣгать съ ихъ склоновъ обратно въ видѣ ручьевъ и рѣчекъ, давая не богатое, но достаточное орошеніе. Почва пустыни, по нашему анализу, обладаетъ въ избытѣкъ солями, необходимыми для жизни растений, и вода сразу сдѣлаетъ ее плодородной. При научно-правильной постановкѣ сельскаго хозяйства,

страна прокормить до 20 миллионъ человѣкъ,—а все населеніе нашей планеты сейчасъ—300 миллионъ.

— Конечно, для такой колонизаціи потребуются десятки лѣтъ. Но уже сразу послѣ образованія внутренняго моря получится легкій доступъ къ сѣвернымъ и восточнымъ горамъ Ливіи, въ которыхъ сосредоточены ея гигантскія минеральныя богатства. Тамъ еще до насъ были найдены цѣлыя скалы лучшей желѣзной руды, магнитной, и широкіе пласты каменнаго угля, выходящіе наружу въ трещинахъ и сдвигахъ геологическихъ слоевъ. Мы привезли съ собой образцы серебряно-свинцовой руды, по отзыву специалистовъ, одной изъ лучшихъ въ мірѣ, а также ртутной и даже урановой. Мы нашли районъ, гдѣ имѣется самородная платина, драгоценный денежный металл... Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы видѣли не все, а только незначительную долю,—слишкомъ мало времени и силъ было въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ Мэнни перешелъ къ вопросу о самомъ каналѣ. Выборъ мѣста не представлялъ никакихъ трудностей, такъ какъ подходящий пунктъ имѣлся только одинъ: тамъ, гдѣ котловина всего больше приближается къ восточному берегу и гдѣ горный массивъ суживается до нѣсколькихъ километровъ.

— Здѣсь,—говорилъ Мэнни,—вся длина канала не превзойдетъ 70 километровъ. У насъ уже есть каналы для судоходства вдвое и втрое длиннѣе этого. Но дѣло идетъ о томъ, чтобы наполнить и поддерживать внутреннее море. Обыкновенный каналъ просто затерялся бы въ пескахъ пустыни. Вычисленія показываютъ, что тутъ его ширина должна быть въ пять разъ, а глубина втрое больше обычной. Затѣмъ, часть его, около трети, должна пройти по скалистому грунту, и главное—приходится прорѣзывать горный перевалъ. Надо будетъ взорвать гигантскую массу известняковъ, а подъ ними даже гранитовъ, составляющихъ основаніе цѣпи. Потребуется около полумилліона тоннъ динамита. Рабочей же силы, по предварительному расчету, понадобится двѣсти тысячъ человѣкъ на четыре года, при условіи примѣненія лучшихъ и дорогихъ машинъ.

Далѣе Мэнни изложилъ финансовый планъ дѣла. Общая сумма расходовъ, если всюду брать наибольшія величины, можетъ достигнуть 1500 миллионъ. Операция, очевидно, по силамъ только государству. Въ теченіе четырехъ лѣтъ оно выпускаетъ специальный

заемъ, такъ чтобы каждый годъ покрывать и издержки работъ, и проценты по самому займу. Потомъ, когда станетъ возможна эксплуатація новой страны, и проценты, и заемъ будутъ постепенно оплачиваться продажей или сдачей въ аренду рудныхъ и плодородныхъ участковъ. Въ рукахъ государства окажется земельная собственность цѣною въ нѣсколько десятковъ милліардовъ.

Всѣ крупныя финансовыя учрежденія поддержать заемъ: для нихъ это — цѣлое поле новыхъ операцій. Множество отраслей промышленности заинтересовано въ огромныхъ заказахъ, которые будутъ порождены работами.

— Помимо всего этого, — сказалъ Мэнни, — я могу указать еще одинъ важный для всѣхъ финансистовъ и предпринимателей мотивъ, чтобы поддерживать это дѣло. Вы знаете, что за послѣдніе полтора вѣка время-отъ-времени, съ разными промежутками, происходятъ жестокіе финансово-промышленные кризисы, когда кредитъ сразу падаетъ, и товары не находятъ сбыта, при чемъ разоряются тысячи предпріятій и остаются безъ работы милліоны рабочихъ. Знаменитый Ксарма, которому его социалистическіе взгляды не мѣшаютъ быть самымъ ученымъ и глубокимъ экономистомъ нашего времени, заявляетъ, что новый такой кризисъ, сильнѣе всѣхъ прежнихъ, послѣдуетъ черезъ одинъ-два года, если только не случится расширения рынка, чего теперь, — говоритъ онъ, — повидимому, ожидать не приходится. Вы помните, что Ксарма точно предсказалъ предыдущій кризисъ, и есть всѣ основанія ему вѣрить. Но прорытіе Ливійскаго канала какъ-разъ и создастъ сильное расширение рынка, сначала благодаря самымъ работамъ, а затѣмъ благодаря включенію въ область производства цѣлой новой страны. Это должно надолго замедлить наступленіе кризиса и всѣхъ его бѣдствій.

Мэнни закончилъ докладъ указаніемъ на то, что грандіозные размѣры и огромная сложность поставленной задачи потребуютъ величайшаго единства въ ея выполненіи.

Послѣ небольшого перерыва, предсѣдатель открылъ дебаты. Для вопроса докладчику первымъ взялъ слово Фели Рао, директоръ самаго сильнаго банковаго картеля «Желѣзнодорожный Кредитъ». Это былъ сѣдой, но очень моложавый старикъ съ проницательными холодными глазами.

— Въ вашемъ докладѣ вообще не было рѣчи объ административно-организаціонной сторонѣ дѣла. Но я полагаю, что именно къ ней относилась ваша послѣдняя фраза—о необходимости единства въ выполненіи. Если я правильно васъ понялъ, то по вашему мнѣнію, руководство работами должно находиться въ рукахъ одного лица, которое само выбираетъ себѣ сотрудниковъ, сосредоточивая у себя всѣ нити дѣла и на себѣ всю отвѣтственность.

— Да, именно такъ,—отвѣтилъ Мэнни.

— Но не находите ли вы, что здѣсь затрагивается слишкомъ много и слишкомъ сложныхъ интересовъ, чтобы одному лицу было удобно брать на себя такое бремя? Не будетъ ли удобнѣе нѣкоторая коллегіальность въ руководствѣ, если не техническомъ, то административномъ? И не допустимъ ли нѣкоторый контроль, напримѣръ, со стороны организацій, оказывающихъ финансовое содѣйствіе?

— Я не думаю, чтобы такъ было лучше. Работы должны вестись по заранѣ установленному, утвержденному правительствомъ плану; коллегіальность же бываетъ полезна для выработки и обсуждения плана, а не для выполненія. Контроль долженъ быть со стороны правительства, парламента, общественнаго мнѣнія, основанный на непрерывной и публичной отчетности; въ этомъ видѣ онъ будетъ достаточенъ. Замѣчу, что и контроль правительства я представляю себѣ не такъ, чтобы оно могло во всякій моментъ вмѣшиваться во всѣ частности дѣла. Вмѣшательство мнѣ кажется умѣстнымъ лишь тогда, когда измѣняется принятый планъ дѣла, или нарушается смѣта.

— Я думаю, что мы можемъ говорить прямо, —сказалъ Фели Рао.—И справедливость, и цѣлесообразность, какъ это ясно для всѣхъ, требуютъ, чтобы во главѣ работъ стали вы. То, что вы сказали, выражаетъ условія, на которыхъ вы согласились бы взять на себя руководство дѣломъ?

— Да, на иныхъ условіяхъ я не могъ бы принять никакого участія въ немъ: либо вся отвѣтственность, либо никакой.

Въ собраніи почувствовалась атмосфера неувѣренности, колебанія, почти недовольства. Рао продолжалъ:

— Но мнѣ кажется, что въ организаціи дѣла есть вещи очень сложные, способныя отнять много вниманія, въ то же время едва

ли даже непосредственно интересны для васъ, человѣка науки... Напримѣръ, число нанимаемыхъ рабочихъ вы должны, конечно, устанавливать на основаніи своего технического плана. Но условія ихъ найма...

— Я считаю это, напротивъ, очень важнымъ именно съ точки зрѣнія успѣшности работъ. Мнѣ извѣстно, какими путями во многихъ предпріятіяхъ пытаются достигнуть экономіи на условіяхъ труда. Рабочій, который плохо питается или переутомленъ, не обладаетъ полной рабочей силой. Рабочій, который недоволенъ, угрожаетъ неожиданностями, нарушающими ходъ дѣла. Мнѣ нужна полная рабочая сила, и мнѣ не надо неожиданностей.

Фели Рао заявилъ, что у него другихъ вопросовъ пока нѣтъ. На минуту водворилось тяжелое молчаніе. Затѣмъ выступилъ инженеръ Маро, представитель трѣста взрывчатыхъ веществъ, человѣкъ еще довольно молодой, но очень извѣстный въ своей отрасли.

— Мнѣ хотѣлось бы направить обсужденіе на техническій и финансовый вопросы,—сказалъ онъ.—Вопросъ административный я считаю хотя и важнымъ, но не въ такой мѣрѣ. Со своей стороны, долженъ сказать, что тѣ гарантіи, которыя представляютъ для насъ личность инженера Мэнни Альдо, а также его пониманіе контроля и отчетности, кажутся мнѣ вполне достаточными. Рѣшающее значеніе въ этомъ случаѣ, на мой взглядъ, имѣетъ отношеніе правительства; на него, въ концѣ-концовъ, ложится отвѣтственность за всю организацію контроля: если оно посредствомъ займа даетъ средства на дѣло, то оно тѣмъ самымъ и обезпечиваетъ всѣ частные финансовые интересы; оно стоитъ между займодавцами и управленіемъ работъ. Если бы оно находило возможнымъ согласиться съ условіями инженера Альдо, то для насъ, я думаю, не было бы основанія особенно настаивать на дальнѣйшемъ ихъ обсужденіи. Въ этомъ смыслѣ я и позволю себѣ задать вопросъ присутствующимъ здѣсь представителямъ Центрального и мѣстнаго Ливійскаго правительства.

Министръ общественныхъ Работъ отвѣтилъ:

— Мы предполагали изложить точку зрѣнія правительства къ концу дебатовъ, какъ обыкновенно дѣлаемъ въ такихъ совѣщаніяхъ. Но на прямой вопросъ, во избѣжаніе неясностей, приходится отвѣчать немедленно. Прежде всего напомнимъ, что окончательное рѣшеніе принадлежитъ Центральному Парламенту. Совѣтъ же Министровъ,

предварительно обсудивъ дѣло, не нашелъ, со своей стороны, ничего непріемлемаго въ пожеланіяхъ инженера Альдо, инициатора и автора проекта.

Ливійскій губернаторъ заявилъ, что правительство штата Ливія исполнѣтъ солидарно съ Центральнымъ.

Атмосфера собранія сразу измѣнилась. Маневромъ Маро была побита главная карта оппозиціи. Обсужденіе перешло къ техничѣ работъ и къ условіямъ займовъ. Побѣда Мэнни была вѣ сомнѣніи.

Наступило обѣденное время, и засѣданіе было закрыто. Всѣ члены совѣщанія были приглашены на обѣдъ у министра. На пути въ обѣденную залу Фели Рао подошелъ къ инженеру Маро.

— Я понимаю вашу позицію,—сказалъ онъ съ видомъ добродушной откровенности.—Вы—одинъ изъ администраторовъ динамитно-порохового трѣста, а заказы въ полмилліона тоннъ очень рѣдки. Но скажите по совѣсти, гдѣ вы нашли гарантію административныхъ талантовъ Мэнни? Его техническій планъ, повидимому, неувязимъ, финансовый,—я могу сказать это,—очень хорошъ. Однако, управленіе колоссальными работами и сотнями тысячъ людей... Гдѣ и когда проявилъ онъ такія организаціонныя способности? И ему двадцать шесть лѣтъ. Не рѣшаетесь ли вы вмѣстѣ съ правительствомъ на прыжокъ въ неизвѣстное?

Загадочная улыбка скользнула по лицу Маро.

— Административные таланты?.. Какъ можете вы въ нихъ сомнѣваться? Сынъ герцога Ормэна Альдо...

Рао пристально посмотрѣлъ на собесѣдника, глаза котораго вновь стали непроницаемы.

— Я думаю, что мы столкнемся съ вами, когда придетъ время,—сказалъ финансистъ.

За обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ министромъ. Когда разговоры оживились и стали громки, Рао обратился къ сосѣду вполголоса:

— Правительству сейчасъ, конечно, спокойнѣе передать все Мэнни. Но осторожно ли оно поступаетъ, выдвигая само этого талантливаго честолюбца, и давая въ его руки огромныя средства? Не явная ли это опасность въ будущемъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ министр,—я знаю Мэнни, онъ для насъ не соперникъ, именно потому, что его честолюбіе чрезмѣрно. Можете быть увѣрены, что уже сейчасъ у него есть еще болѣе грандіоз-

мые планы, которые онъ пока скрываетъ. Быть министромъ, президентомъ республики—это не интересно для него. Скажу болѣе,—съ улыбкой прибавилъ министр:—онъ не захотѣлъ бы даже быть финансовымъ властителемъ міра. Его книга о Ливіи заканчивается словами: «Всѣ пустыни міра имѣютъ свое будущее». У него честолюбіе боговъ.

2. Н э л л а.

На южномъ берегу узкаго залива, отъ котораго теперь начинается каналъ Нэпентесъ, расположенъ террасами по склону прибрежныхъ холмовъ городъ рыбаковъ Ихтіополь. Въ тѣ времена это былъ скорѣе не городъ, а большое селеніе съ нѣсколькими тысячами жителей; большихъ домовъ тамъ было очень немного, и то большей частью общественныя зданія, остальное—деревянные домики и глиняныя хижины. Въ одной изъ такихъ хижинъ, недалеко отъ укрѣпленной насыпи, къ которой приставали мелкія суда, жилъ много лѣтъ старый рыбакъ со своимъ сыномъ. Сына звали Арри; имени отца не сохранила исторія.

Лѣтъ за шесть до начала Ливійскихъ работъ, перевернувшихъ всю жизнь Ихтіополя, старику случилось во время одного изъ его обычныхъ плаваній на своей небольшой шхунѣ подобрать шлюпку съ потерпѣвшаго крушеніе корабля. Въ числѣ спасенныхъ была красивая дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, которую звали Нэлла. Она рассказала рыбаку свою исторію.

Отецъ ея работалъ механикомъ на одномъ изъ заводовъ столицы; онъ зарабатывалъ довольно много и ничего не жалѣлъ, чтобы дать хорошее воспитаніе дочери. Случился взрывъ машины, которую подвергали испытанію; отецъ былъ убитъ на мѣстѣ. Вскорѣ умерла отъ болѣзни и мать. Администрація выяснила, что у дѣвочки былъ еще дядя, мелкій чиновникъ въ главномъ городѣ штата Мерозъ, на сѣверѣ большого Сырта. Къ этому дядѣ и рѣшили отправить дѣвочку. Но она совсѣмъ его не знала. Послѣ крушенія корабля, ихъ шлюпку нѣсколько дней носило по морю. Матросы отдавали ей свою порцію воды.

Нэлла понравилась рыбаку; онъ находилъ, что она похожа на его умершую жену. Онъ предложилъ бы ей остаться у него, но не

рѣшался: она казалась ему барышней. Когда пришелъ мэръ, чтобы спросить ее, куда она желаетъ ѣхать, она сама обратилась къ старому рыбаку и сказала:

— Я хотѣла бы жить съ вами. Вы и вашъ сынъ очень добры, а дядя мнѣ чужой. Я не буду вамъ въ тягость: я хорошо умѣю шить и буду помогать въ хозяйствѣ.

Старикъ былъ очень радъ. Нэлла внесла много свѣта и жизни въ его хижину. Когда разсѣялась тѣнь перенесенныхъ несчастій, дѣвочку, за ея привѣтливую улыбку, серебристый смѣхъ и мягкія, иногда слишкомъ тонкія для окружающихъ шутки, прозвали «Веселой Нэллой». У нея былъ прекрасный голосъ, она знала много пѣсенъ отъ своей матери и постоянно пѣла за работой. Впослѣдствіи она сама складывала пѣсни и находила для нихъ красивые мотивы. Она также много читала—все, что могла найти въ коммунальной библиотекѣ. Ради своей приѣмной дочери старикъ сталъ выписывать газету.

Такъ прошло пять лѣтъ. Дѣвочка стала дѣвушкой; Арри уже было двадцать два года. Старый рыбакъ на ловлѣ нечаянно поранилъ себя грязной острой; въ ранѣ оказалось зараженіе, и черезъ недѣлю онъ скончался. Нѣсколько мѣсяцевъ Арри съ Нэллой продолжали жить попрежнему, какъ братъ и сестра. Но вотъ Арри, вернувшись изъ необычно долгой поѣздки по морю, сказалъ:

— Нэлла, я много думалъ и вижу, что дальше такъ оставаться нельзя. Я слишкомъ люблю тебя, Нэлла; и если твое сердце ничего не говоритъ тебѣ, то мнѣ надо уйти.

Лицо дѣвушки стало печальнымъ.

— Я очень люблю тебя, Арри; никого на свѣтѣ нѣтъ для меня дороже. Но потому я и не могу обманывать тебя; и сейчасъ мое сердце сжалось, а не забилося. Уйду я, а не ты; это твой домъ, твоя страна. Ты можешь не бояться за меня.

— Я не боюсь за тебя, Нэлла, но отправиться долженъ я, потому что здѣсь все будетъ напоминать мнѣ о томъ, что невозможно. Теперь мнѣ одно спасеніе: новые люди и страны, новая жизнь; я буду искать даже другую работу. Если ты согласишься остаться тутъ, я буду, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ ты, и мнѣ легче будетъ узнавать, что съ тобой, чтобы явиться, когда я буду нуженъ.

Арри исчезъ, а Пэлла одна жила въ старомъ домикѣ. Поблѣднѣла ея улыбка, и грустно стали звучать ея пѣсни, когда въ сумерки она склонялась у окна надъ своимъ шитьемъ.

Однообразно шли недѣли и мѣсяцы. Миновалъ періодъ ночныхъ дождей, который замѣняетъ зиму въ тропическихъ странахъ Марса. Сосѣди приходили къ Нэллѣ съ вопросами по поводу странныхъ слуховъ: будто одинъ бывший аристократъ собирается высушить Ливійское море съ его песчаной банкой, на которой ловится столько рыбы, и взамѣнъ того затопить пустыню; а правительство, будто бы, разрѣшило ему это. Нэлла, которая читала не только газеты, но и книгу Мэнни, подробно объясняла, въ чемъ дѣло; мужчины успокаивались, женщины съ сомнѣніемъ качали головами. Потомъ неизвѣстное представало воочію.

Ихтіопольскій рейдъ и весь заливъ необыкновенно оживились. Ежедневно приходило съ моря по нѣскольکو большихъ пароходовъ; нѣкоторые останавливались передъ Ихтіополемъ, другіе нѣтъ, но всѣ затѣмъ уходили къ самому концу залива,—туда, гдѣ долженъ былъ начинаться новый каналъ. Съ высоты прибрежныхъ холмовъ, благодаря небольшому разстоянію—десятокъ километровъ—можно было видѣть какое-то движеніе между кораблями и берегомъ; очевидно, они что-то выгружали; что именно,—разглядѣть было нельзя; но это что-то постепенно образовывало гигантскій муравейникъ, который все дальше раскидывался и растягивался по направленію къ горамъ, составляющимъ границу пустыни. Съ огромной быстротой на красновато-сѣромъ фонѣ размножались бѣлыя пятнышки палатокъ въ двѣ полосы съ широкимъ промежуткомъ между ними; двигались и мелькали тысячи черныхъ точекъ; можно было догадаться, что это—человѣческія существа; возникали еще какія-то болѣе крупныя и неподвижныя темныя пятна,—вѣроятно, временныя зданія складовъ, а также большія машины. Въ самомъ Ихтіополѣ стало встрѣчаться много новыхъ лицъ, и говоръ съ чуждымъ акцентомъ часто слышался на улицахъ. Нѣсколько сотъ молодыхъ людей ушло изъ города на работы, гдѣ ихъ принимали охотно и платили очень хорошо. Цѣны на все поднялись и продолжали подниматься, но мало кто огорчался этимъ. Платиновыя монеты, съ ихъ глухимъ звономъ, стали падать на прилавокъ чаще, чѣмъ прежде простыя серебряныя. Лица торговцевъ и даже большинства рыба-

ковъ стали гораздо оживленнѣе; но въ то же время какая-то лихорадочная нервность примѣшалась къ ихъ движеніямъ. Много товаровъ появилось въ лавкахъ. Женскіе наряды стали новѣе, ярче; женскій смѣхъ звучалъ громче и рѣзче.

Нэлла имѣла сколько угодно работы. Большую часть дня ее можно было видѣть съ шитьемъ у раскрытаго окна. Ея выраженіе не сдѣлалось веселѣе; но когда она поднимала голову отъ работы и смотрѣла на разстилавшуюся вдаль поверхность залива, тогда въ зеленовато-синихъ ея глазахъ проходила словно далекая греза и какое-то ожиданіе. Пѣсни, тихая днемъ, громче звучала въ сумерки, когда жизнь съ ея шумомъ отъ набережной удалялась въ глубину города, и дѣвушка чувствовала себя свободнѣе.

Иногда у берега неподалеку отъ домика Нэллы приставалъ быстроходный изящный катеръ, и нѣсколько человекъ, сойдя съ него, направлялись къ ратушѣ или почтѣ. Во главѣ ихъ шелъ высокій, атлетическаго сложенія мужчина съ сѣрыми, стальными глазами. Обыкновенно эти глаза какъ-будто не замѣчали окружающаго; взглядъ ихъ, устремленный впередъ, къ невидимой цѣли, былъ неподвиженъ. Но однажды нѣжные звуки пѣсни поразили на пути вниманіе человека; онъ обернулся и увидалъ Нэллу. Ихъ глаза встрѣтились; она поблѣднѣла и опустила голову. Съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда ему приходилось итти мимо, онъ пристально взглядывалъ на красивую работницу. Нэлла не всегда опускала глаза.

Былъ странный день. Съ утра надъ далекими горами, которыя охраняли тайну пустыни, поднимались сѣрыя облака, медленно разсѣивались и вновь возникали: доносился протяжный гулъ, за которыми слѣдовали глухіе раскаты, подобные грому. Стекла дрожали въ домахъ, и были моменты, когда казалось, что земля вздрагиваетъ. Вѣтерокъ съ востока приносилъ какую-то мелкую пыль и слабый, ѣдкій запахъ. Наконецъ,—невиданное на Марсѣ явленіе,—среди дня надъ городомъ образовалась туча, и пошелъ дождь. Нэлла объяснила встревоженной сосѣдкѣ, что бояться нечего,—это взрываются гигантскія мины въ горахъ, чтобы проложить дорогу для канала. Но все-таки она и сама испытывала какое-то судорожное безпокойство.

Къ вечеру взрывы прекратились. Передъ закатомъ солнца вновь причалилъ катеръ. На этотъ разъ главный инженеръ сошелъ съ

него одинъ. Проходя мимо окна Нэллы, онъ ей поклонился. Въ его лицѣ было необычное нервное оживленіе; глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ; походка не была такой ровной и увѣренной, какъ всегда,—словно пары динамита немного опьянили его.

Наступила ночь, а Нэлла все сидѣла у открытаго окна. Она смотрѣла на темное небо съ ярко сіявшими звѣздами. Маленькое личико Фобоса скользило отъ запада имъ навстрѣчу, капризно мѣняя на глазахъ свое очертаніе и порождая отъ предметовъ блѣдныя, непрочныя тѣни; ни на какой другой планетѣ солнечнаго міра людямъ не приходится видѣть такой удивительной луны. Крошечный серпикъ Деймоса словно застылъ среди небеснаго свода; а недалеко отъ него опускалась къ закату зеленоватая вечерняя звѣзда—Земля со своей неразлучной спутницей. Зеркало залива повторяло въ болѣе слабыхъ тонахъ небесную картину. Пѣсня лилась сама собою, связывая воедино небо и море и человѣческую душу.

Когда пѣсня замолкла, послышались тяжелые шаги. Высокая фигура остановилась передъ окномъ, и мужской голосъ тихо, мягко произнесъ:

— Вы прекрасно поете, Нэлла.

Дѣвушка даже не удивилась, что главный инженеръ знаетъ ея имя. Она отвѣтила:

— Съ пѣсней легче жить.

— Если вы позволите, я зайду къ вамъ,—сказалъ Мэнни.

— Да!—безъ колебанія вырвалось у нея.

Такъ рѣшилась судьба Нэллы.

Когда затихли порывы ласки, она рассказала ему все о своей любви. Она давно знала его. Она видѣла его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ проѣзжалъ тамъ по дорогѣ въ пустыню, гдѣ другіе навсегда оставались въ объятіяхъ песчаной смерти. Она была дѣвочка, но не боялась, а гордилась за него; и потомъ ждала. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вернулся блѣдный, похудѣвшій, но побѣдитель. Какая радость! Въ ихъ лодкѣ онъ ѣхалъ на свой пароходъ, а она стояла на берегу, и ея сердце билось очень сильно. Потомъ она читала его книгу; и она, конечно, поняла, что все это,—то, что онъ дѣлаетъ теперь,—только первый шагъ, только самое начало, а дальше будетъ то, чего онъ еще не сказалъ, но давно думаетъ и твердо знаетъ...

Въ темнотѣ ночи Нелла не могла видѣть, какъ спачала радостное удивленіе отразилось на лицѣ Мэнни, и какъ тяжелая тѣнь легла затѣмъ на него. Но она почувствовала странную неподвижность его тѣла и замолчала.

Долго и напряженно думалъ Мэнни. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Прости меня, Нелла. Я ошибся, я не зналъ тебя. Ты стоишь безконечно большаго, чѣмъ то, что я могу тебѣ дать. Если бы для меня было возможно связать свою жизнь съ другой жизнью, я не захотѣлъ бы никого, кромѣ тебя, Нелла. Но ты угадала. Я взялъ на себя задачи, превосходящія все, что когда-либо пытался осуществить человѣкъ. На пути къ нимъ меня ожидаютъ величайшія препятствія и жестокая борьба. Еще я не сдѣлалъ перваго шага, а уже ненависть начала оттачивать свое оружіе. Чтобы все преодолѣть, ни передъ чѣмъ не остановиться, я долженъ быть вполне свободнымъ, я долженъ быть неуязвимымъ... Нелла! Неуязвимъ въ борьбѣ только тотъ, кто одинокъ.

Его голосъ странно измѣнился, какъ бываетъ тогда, когда сдерживаютъ боль. Нелла отвѣтила:

— Не бойся и ни о чемъ не жалѣй. Миѣ ничего не надо. Я, вѣдь, знала, что это такъ будетъ. И даже сейчасъ я чувствовала, что это—сонъ.

Вновь наступило молчаніе. Робкими, словно почтительно-нѣжными стали поцѣлуи Мэнни.

— Нелла, спой миѣ пѣсню.

Казалось, что сама ночь и вся природа прислушиваются къ звукамъ. Слова пѣсни говорили о дѣвушкѣ, которая никого не послужала и все отдала своему милому; а старинная мелодія — о чувствѣ, глубокомъ и прозрачномъ, какъ небо, сильнымъ, какъ судьба.

Передъ разсвѣтомъ ушелъ Мэнни и больше не возвращался.

Долго послѣ этого не было видно, не было слышно Неллы. А потомъ она опять появилась со своей работой у окна, немного блѣдная и съ новымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ выраженіемъ спокойнаго, увѣреннаго ожиданія. Въ сумерки и ночью очень тихо звучали ея пѣсни,—точно она не хотѣла, чтобы кто-нибудь слышалъ ихъ.

Одна изъ пѣсенъ была новая; Нелла пѣла ее чаще другихъ, но еще больше понижая голосъ. Вотъ смыслъ ея словъ:

Чудную тайну ношу я съ собою:

Я и одна, и вдвоемъ;

Счастье, убитое злою судьбою,

Въ тѣлѣ воскресло моимъ.

Звѣздочка, скрытая облакомъ темнымъ,

Нѣжный въ бутонѣ цвѣтокъ,

Бабочка дивная въ коконѣ скромномъ,—

Свѣта и жизни залогъ...

Какъ я тебя ожидаю, малютка,

И нетерпѣньемъ горю!

Какъ наблюдаю, любовно и чутко,

Слабую жизни зарю!

Ты безпокоенъ сегодня, мой милый,

Ножками бьешь свою мать.

Что за предчувствіе духъ твой смутило,

Не дало сладко дремать?

Въ силѣ порывистой этихъ движеній .

Мальчика чувствую я...

Будешь бойцомъ, мой невидимый геній,

Ласка живая моя!

Будешь въ отца ты, могучимъ и твердымъ,

Вѣрнымъ идеѣ бойцомъ,

Но не холоднымъ, не властнымъ и гордымъ,

Въ этомъ не сходенъ съ отцомъ.

Все побѣдитъ онъ упорною волей,

Мощью ума своего;

Но—надъ людскою тяжелою долей

Сердце не дрогнетъ его.

Дѣвушки душу разбивъ мимоходомъ,

Даже не вспомнить ее...

Такъ и для всѣхъ, обреченныхъ невзгодамъ,

Сердце, закрылъ онъ свое.

Силы стихій, какъ и онъ, побѣждая,
Къ людямъ ты будешь нѣжнѣй.
Спи же, дитя, моя тайна святая,
Въ первой постелькѣ своей!

Проходили ночи, и дни, и недѣли. Передъ началомъ періода ночныхъ дождей неожиданно пріѣхалъ Арри. Онъ былъ одѣтъ, какъ одѣвались рабочіе въ столицѣ, и казался много старше прежняго. Нелла сказала ему:

— Ты явился во-время, Арри. Теперь увези меня отсюда.

Онъ отвѣтилъ:

— Я чувствовалъ, что я тебѣ нуженъ. Мы поѣдемъ въ столицу.

Черезъ нѣсколько дней старый домикъ былъ проданъ. Арри съ Неллой сѣли на пароходъ и навсегда покинули родную Ливію.

Ч А С Т Ь I.

1. Планъ Великихъ Работъ.

Звѣзда Мэнни возшла высоко.

Чудо порождаетъ вѣру; а чудо было совершено. Могучій потокъ водъ Океана ринулся по пути, указанному рукой человѣка, по пути, на которомъ горная цѣпь была разорвана волею человѣка; затѣмъ гордые пароходы поплыли надъ песками древней пустыни. Тѣнь облаковъ осѣнила, и дождь наполнилъ раскаленную почву, сто тысячъ лѣтъ не знавшую такого счастья. Дѣтскій говоръ ручейковъ ворвался въ Царство Молчанія; яркія травки вступили въ борьбу съ желто-сѣрой пылью прошлаго. Силъ стихій было нанесено безпримѣрное пораженіе. Стало казаться, что все возможно для человѣческаго усилія. Пришло время, когда Мэнни могъ высказать свою идею во всей полнотѣ, съ увѣренностью, что его выслушаютъ.

Тогда появился знаменитый «Планъ работъ», намѣтившій преобразование всей планеты. Въ немъ была проектирована та гигантская система каналовъ, которая была выполнена марсіянами въ послѣдующее столѣтіе, и на основѣ которой искусственное орошеніе болѣе чѣмъ удвоило обитаемую территорію завоеваніемъ всѣхъ пустынь. Опираясь на самое тщательное изученіе географическихъ и геологическихъ условій, Мэнни выяснилъ и наилучшее направленіе каналовъ, и сумму человѣческаго труда, времени, капитала, въ которую они должны были обойтись. Послѣдующимъ поколѣніямъ пришлось лишь немного измѣнить и дополнить въ его расчетахъ.

Вопросъ былъ въ томъ, откуда взять всю эту массу средствъ и труда. Мэнни показалъ, что вести дальше дѣло такъ, какъ съ Ливійскимъ каналомъ, т.-е. путемъ займовъ, покрываемыхъ потомъ доходами отнятыхъ у пустыни земель, значило бы затянуть дѣло

на нѣсколько сотъ лѣтъ. Новый финансовый планъ, предложенный Мэнни, показываетъ, что этотъ человѣкъ умѣлъ быть революционеромъ не только въ своей специальной области. То былъ планъ «націонализаціи» земли, съ обращеніемъ всей прежней земельной ренты въ источникъ средствъ на выполненіе Великихъ Работъ.

Нечего и говорить, что такой проектъ не могъ бы осуществиться, если бы не было особенно благоприятныхъ для него историческихъ условій. Но они имѣлись на-лицо. Мэнни не первый понялъ это, онъ только въ подходящий моментъ сумѣлъ дать наилучшій лозунгъ для сильнаго общественнаго движенія, которое шло со стороны различныхъ классовъ.

Самостоятельное крестьянство къ тому времени почти исчезло съ лица планеты. Больше девяти десятыхъ всей земельной собственности находилось въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ чудовищно богатыхъ владѣльцевъ. Это были, главнымъ образомъ, потомки древней родовой аристократіи, а частью потомки разныхъ государственныхъ дѣятелей, которые во время буржуазныхъ революцій и послѣднихъ феодальныхъ возстаній сумѣли воспользоваться своей властью, чтобы присвоить себѣ конфискованныя помѣстья непокорныхъ реакціонеровъ. Разорить крестьянъ и прибрать къ рукамъ ихъ участки этимъ лэндлордамъ было тѣмъ легче, что при сухомъ вообще климатѣ планеты искусственное орошеніе давало огромныя преимущества тѣмъ хозяйствамъ, которые могли его примѣнять, а оно требовало капиталовъ и было не подъ-силу мелкимъ собственникамъ. Устранялись крестьянскія ассоціаціи, но рано или поздно запутывались въ долгахъ и погибали. За нѣсколько столѣтій дѣло дошло до того, что мелкое землевладѣніе сохранилось только въ немногихъ отсталыхъ уголкахъ.

Между тѣмъ общее экономическое развитіе вмѣстѣ съ ростомъ населенія увеличивало спросъ на землю и хлѣбъ; быстро возрастала дороговизна жизни, и съ нею—земельная рента. Отъ этого приходилось плохо всѣмъ, кромѣ лэндлордовъ; не говоря уже о пролетарскихъ и полупролетарскихъ массахъ населенія, даже огромное большинство капиталистовъ находило положеніе очень стѣснительнымъ: прибыль отъ предпріятій урѣзывалась и высокою арендной платой за землю, и высокою денежною платой за трудъ, на которую, однако, рабочій едва могъ существовать. И чѣмъ сильнѣе росла вмѣстѣ съ

рентой дороговизна жизни, тѣмъ напряженнѣе съ разныхъ сторонъ искали выхода. Но долгое время толку не получалось, потому что искали въ разныхъ, несовмѣстимыхъ направленіяхъ.

Одни предлагали невыполнимые планы законодательнаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ и платы за аренду. Другіе понимали, что безъ отнятія земли у лэндлордовъ ничего подѣлать нельзя, но расходились въ томъ, какъ поступить съ нею дальше: раздать ли ее мелкими участками во владѣніе безземельнымъ, желающимъ ее обрабатывать, или передать ее крупными помѣстьями цѣлымъ ассоціаціямъ, или, наконецъ, просто сдавать ее отъ государства тѣмъ, кто будетъ больше предлагать за аренду, т. е., очевидно, капиталистамъ. Первый изъ этихъ плановъ, при всей своей опасности для сельскаго хозяйства, которому онъ угрожалъ гибелью искусственнымъ орошенія, насчитывалъ, однако, множество сторонниковъ среди остатковъ мелкой буржуазіи съ родственными ей слоями интеллигенціи, а также среди части рабочихъ, еще сохранившихъ идеалы крестьянства, изъ котораго вышли ихъ отцы. Второй планъ имѣлъ за себя большинство тогдашнихъ социалистовъ изъ рабочихъ и интеллигентовъ; противъ него рѣшительно высказался великій экономистъ Ксарма, который наглядно показалъ, что при большихъ капиталахъ, необходимыхъ для веденія крупнаго хозяйства, крестьянскія ассоціаціи скоро подпадутъ всецѣло подъ власть торговаго и кредитнаго капитала, станутъ ихъ подставными лицами, лишь номинальными владѣльцами. Но въ тѣ времена мало кто изъ социалистовъ шелъ за Ксармой. Третій планъ — чисто-буржуазнаго «государственія» земли — выдвигали нѣкоторые радикальные демократы; ему сочувствовала большая часть капиталистовъ. На дѣлѣ только онъ и былъ осуществимъ, но къ моменту выступленія Мэнни далеко еще не собралъ вокругъ себя достаточныхъ общественныхъ силъ.

На Землѣ, переживающей теперь аналогичную эпоху, такіе же проекты «націонализациі» поддерживаются ничтожной горстью демократовъ, а почти вся буржуазія отвергаетъ ихъ, какъ вредную утопію. Откуда это различіе? Оно зависитъ отъ того, что на Землѣ гораздо острѣе и рѣзче развивалось рабочее движеніе, которое на Марсѣ шло болѣе медленнымъ и менѣе бурнымъ темпомъ. Среди рабочихъ-марсіянъ тогда царилъ духъ умѣренности и самой трезвой практичности; социализмъ почти повсюду сохранялъ мечтательно-

филантропическую окраску, приданную ему теоретиками изъ интеллигенціи; призракъ соціальной революціи не стоялъ передъ буржуазіей осязательно-грозной возможностью. Напротивъ, буржуазія Земли увидала серьезную опасность со стороны пролетаріата раньше, чѣмъ успѣла окончательно свести свои счеты съ феодалами; это измѣнило ея отношеніе къ нимъ. Ее пугаетъ мысль о томъ подрывѣ, какой нанесла бы націонализація земель священному принципу частной собственности, основъ нынѣшняго соціального строя: реально показать массамъ, что собственность цѣлаго класса можетъ быть экспроприрована во имя общаго блага! Затѣмъ, мирная по самому характеру своихъ занятій, даже нѣсколько трусливая съ тѣхъ поръ, какъ она стала господствующимъ, т.-е. наиболѣе удовлетвореннымъ классомъ, земная буржуазія не особенно полагается на свои собственные усмирительные таланты, а потому высоко цѣнитъ остатки воинственности и свирѣпости, по наслѣдству продолжающіе сохраняться у аристократовъ; и она всегда готова на большія уступки, только бы имѣть ихъ союзниками въ случаѣ необходимости прямого подавленія массъ. Но при этомъ, разумѣется, прежде всего пришлось отказаться отъ идеи націонализаціи.

Впрочемъ, для большинства странъ Земли эта идея и, помимо того, въ самомъ дѣлѣ утопична, именно тамъ, гдѣ сохраняется еще многочисленное крестьянство; въ немъ инстинктъ собственности не слабѣетъ, а усиливается подъ гнетомъ разоренія, побуждающаго бѣшено цѣпляться за послѣдній клочокъ земли; безъ истребительной борьбы оно не уступило бы государству права собственности на свои участки и не поддалось бы ни на какія обѣщанія выгодной аренды.

Но на Марсѣ такихъ условій не было; положеніе было несравненно благопріятнѣе, и Мэнни сумѣлъ воспользоваться имъ. Во-первыхъ, онъ связалъ идею націонализаціи съ великимъ дѣломъ, значеніе котораго было ясно для всѣхъ. Во-вторыхъ, онъ примѣнилъ въ своей книгѣ очень простую и на видъ убѣдительную аргументацію, которая присоединила къ буржуазнымъ націонализаторамъ сторонниковъ раздѣла на мелкіе участки и сторонниковъ крестьянскихъ ассоціацій. Онъ указывалъ, что прежде всего надѣ сдѣлать наиболѣе важное—устранить лэндлордовъ. Затѣмъ, въ виду невозможности быстро передѣлать землю или организовать ассоціа-

ціи для ея коллективнаго воздѣлыванія, государство должно начать со сдачи земли въ аренду обыкновеннымъ путемъ—съ торговъ. Но ничто не мѣшаетъ желающимъ добиваться путемъ парламентской борьбы перехода къ инымъ формамъ эксплуатаціи націонализованной земли: путь расчищенъ тогда [для всякихъ новыхъ проектовъ, потому что нѣтъ главнаго препятствія—землевладѣльцевъ.

Мэнни самъ, конечно, не сознавалъ, насколько обманчивы эти аргументы: разъ капиталъ черезъ государство захватилъ въ свои руки эксплуатацію земли, отнять ее у него было гораздо труднѣе, чѣмъ у прежнихъ, не имѣвшихъ твердой опоры въ обществѣ лэнд-лордовъ. Ксарма сразу уловилъ, въ чемъ дѣло, но онъ былъ защитникомъ плана Мэнни. А другіе не смотрѣли такъ глубоко: всѣ сторонники крестьянскихъ и артельныхъ идеаловъ съ энтузіазмомъ примкнули къ лозунгу немедленной націонализациі. Капиталисты тоже ковали желѣзо, пока горячо.

Фели Рао созвалъ съѣздъ промышленныхъ и банковыхъ синдикатовъ. Тамъ была выработана программа дѣйствій и выбранъ Совѣтъ Синдикатовъ, который сразу выступилъ, какъ рѣшающая сила въ борьбѣ. Аграрная революція была проведена черезъ парламентъ.

Сохранившіеся кое-гдѣ остатки крестьянства бунтовали, защищая свою собственность, но были легко подавлены; это дало только поводъ экспроприровать ихъ почти безъ выкупа. Лэндлордамъ вмѣсто выкупа были назначены пенсіи, которыя, однако, по закону не могли превосходить жалованія высшихъ чиновниковъ Республики и были совершенно ничтожны по сравненію съ прежними доходами землевладѣльцевъ. Синдикаты мѣстами тоже владѣли землей; они сумѣли получить для себя наиболѣе выгодныя условія—выкупъ безъ убытка, не считая перспективы огромныхъ прибылей въ будущемъ.

Мэнни не принималъ прямого участія въ этой борьбѣ, завершившейся въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ: онъ продолжалъ работать надъ своимъ техническимъ планомъ. Когда затѣмъ онъ представилъ Центральному Парламенту детальный проектъ первыхъ десяти каналовъ, которые онъ предлагалъ начать одновременно, проектъ былъ немедленно принятъ, а онъ назначенъ отвѣтственнымъ руководителемъ работъ съ почти диктаторскими полномочіями.

Работы начались.

2. Темныя тучи.

Изъ первой группы каналовъ, въ прорытію которыхъ приступилъ Мэнни, восемь предполагалось закончить черезъ 20—30 лѣтъ; только два таумазійскихъ—Нектаръ и Амброзія—должны были быть готовы черезъ 10—12 лѣтъ: тѣ два канала, которые первоначально образовали внутреннее море Таумазіи—Озеро Солнца; третій—Эосфорость—былъ проведенъ гораздо позже.

Работы велись въ самыхъ различныхъ пунктахъ планеты, и для Мэнни было невозможно самому руководить ими на мѣстахъ, но онъ сумѣлъ подобрать себѣ талантливыхъ сотрудниковъ, постоянно получалъ отъ нихъ отчеты по телеграфу и отдавалъ большую часть времени на контрольныя поѣздки. Самымъ выдающимся изъ этихъ сотрудниковъ былъ инженеръ Маро, который покинулъ службу въ динамитно-пороховомъ трестѣ, чтобы предложить свои услуги для новаго дѣла. Черезъ годъ онъ уже былъ первымъ помощникомъ Мэнни и директоромъ работъ въ Таумазіи, на самомъ важномъ пунктѣ: тамъ каналы требовалось закончить какъ можно скорѣе, потому что результаты предстояли немедленные и для всѣхъ очевидные, подобно тому какъ въ Ливіи, но въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Маро показалъ себя прекраснымъ организаторомъ; другіе помощники тоже были на высотѣ своихъ задачъ; всѣхъ одушевлялъ энтузіазмъ великаго дѣла, и первые годы оно шло такъ, какъ только можно было желать.

Для рабочихъ условія труда были очень сносныя, но все же, разумѣется, случались конфликты съ инженерами: изъ-за штрафовъ, злоупотребленій властью, неточностей въ расчетѣ, изъ-за увольненій и т. д. До забастовокъ не доходило; когда директорамъ работъ всего не удавалось уладить, то рабочіе соглашались ожидать пріѣзда Мэнни; они по опыту полагались на его безпристрастное, чисто-дѣловое отношеніе къ спорнымъ вопросамъ и знали, что при всей своей холодной сухости онъ никогда не пожертвуетъ хотя бы малѣйшей частицей справедливости, какъ самъ ее понимаетъ, ради сохраненія престижа изъ начальниковъ. Инженеры не всегда бывали этимъ довольны, но даже тѣ, которые между собой называли его «диктаторомъ», признавали, что онъ внимательно выслу-

пиваетъ ихъ мнѣнія и считается со всѣми серьезно-практическими аргументами. Къ тому же инженеры высоко цѣнили и честь работать подъ его руководствомъ, и особенно возможность быстрой карьеры при дѣйствительныхъ знаніяхъ и энергіи.

На третьемъ году работъ въ отношеніяхъ между Мэнни и рабочими выступилъ новый моментъ. Къ этому времени, подъ вліяніемъ бывшихъ городскихъ пролетаріевъ, принесшихъ на новыя мѣста свои организаціонныя привычки и запросы, тамъ успѣли сложиться рабочіе союзы; вначалѣ они захватили, конечно, лишь меньшинство рабочихъ; неорганизованные шли за ними, и охотно предоставляли имъ руководящую роль во всякихъ переговорахъ съ инженерами. Большинство инженеровъ съ своей стороны не отказывалось имѣть дѣло съ делегатами союзовъ. Во время одной изъ поѣздокъ Мэнни въ Таумазію къ нему офиціально явились представители союза землекоповъ, работавшихъ на каналѣ Нектаръ. Дѣло шло о томъ, что нѣсколькимъ тысячамъ землекоповъ пришлось прорывать грунтъ особенно плотный и частью каменистый. Система расплаты была сдѣльная—съ куба вынутой земли; для многихъ заработокъ сталъ получаться гораздо ниже нормального. Рабочій союзъ предлагалъ установить подневный минимумъ платы. Мэнни, по своему обыкновенію, молча и внимательно выслушалъ посѣтителей, затѣмъ спросилъ, кѣмъ они избраны.

— Союзомъ землекоповъ,—отвѣчали они.

— Всѣ ли заинтересованные въ вопросѣ землекопы принадлежать къ вашему союзу?

— Нѣтъ, не всѣ.

— Въ такомъ случаѣ я не могу обсуждать съ вами этого дѣла. Договоръ о наймѣ заключался не съ союзомъ, а съ каждымъ землекопомъ, поэтому и пересмотръ условій не можетъ выполняться при посредствѣ союза.

— Но невозможно же каждому землекопу вести за себя переговоры отдѣльно?

— Разумѣется. Я и не отказываюсь бесѣдовать съ дѣйствительными представителями всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ дѣло касается. Но я не могу признать васъ такими представителями. Вы избраны не ими, а какой-то организаціей, которая преслѣдуетъ свои, можетъ-быть, чуждыя большинству изъ нихъ задачи, и живетъ по

своимъ нормамъ, не ими выработаннымъ. То, что имъ нужно, они, если хотять, могутъ сами мнѣ сообщить черезъ своихъ непосредственно и свободно избранныхъ делегатовъ.

— Но въ настоящее время даже многіе капиталисты считаютъ возможнымъ вести переговоры съ рабочими черезъ союзы; да и насъ направилъ къ вамъ инженеръ Маро.

— Капиталисты поступаютъ, какъ имъ кажется правильнымъ; для меня это не имѣетъ значенія. Инженеръ Маро съ полнымъ основаніемъ предложилъ вамъ обратиться ко мнѣ, не желая самъ рѣшать вопроса. Моя же точка зрѣнія теперь вамъ извѣстна.

Рабочіе ушли, возмущенные формализмомъ Мэнни. Они передали его отвѣтъ товарищамъ. Землекопы всѣ вмѣстѣ выбрали делегатовъ, и относительно способа расплаты дѣло было улажено. Но съ этого времени передовые рабочіе стали агитировать противъ Мэнни, обвиняя его въ стремленіи отнять у рабочихъ свободу организаціи: несомнѣнное, но довольно понятное преувеличеніе. Агитація вліяла и на массу тѣхъ рабочихъ, которые сами не организовались, но отъ права на это не хотѣли отказываться. Недовѣріе разрослось.

Часть буржуазной печати,—самые распространенные органы, находившіеся въ рукахъ Совѣта Синдикатовъ,—подхватила конфликтъ и стала усиленно раздувать его. Они осыпали двусмысленными похвалами «твердость» и «рѣшительность» Мэнни, не упуская иногда прибавить, что, можетъ-быть, впрочемъ, его отношеніе къ союзамъ нѣсколько черезчуръ сурово и категорично; но—говорили они—не мѣшаетъ иногда перегнуть палку въ другую сторону: слишкомъ дрябло и робко большая часть предпринимателей относится къ этому насущному для нихъ вопросу. При этомъ умѣле и встати напоминалось о феодальномъ происхожденіи Мэнни, «железнаго рыцаря, сохранившаго въ себѣ лучшія черты своихъ предковъ, могучихъ герцоговъ Таумазіи». Реакціонная пресса бывшихъ лэндлордовъ, въ свою очередь, вдругъ начала говорить о Мэнни въ совершенно новомъ тонѣ. «Республика украла его у старой аристократіи, республика воспитала его въ духѣ измѣны великимъ традиціямъ,—писалъ одинъ изъ ихъ публицистовъ,—но священные принципы берутъ свой реваншъ. Всей своей фигурой, всѣмъ своимъ поведеніемъ инженеръ Ормэнъ Альдо разоблачаетъ демократическую ложь, которая не смогла развратить до конца древнюю кровь. Съ

полной убѣдигельностью онъ показалъ всему міру, что для выполненія истинно-грандіозныхъ дѣлъ необходимъ авторитетъ, необходима сильная власть, по существу своему, какъ бы ее ни называли, власть монархическая. Развѣ его герой-отецъ, погибшій въ бою за честь и величіе герцогскаго дома Альдо, могъ даже мечтать для себя о такомъ могуществѣ, какимъ фактически обладаетъ республиканецъ инженеръ Альдо?». Соціалисты, со своей стороны, обличали «диктатора». Демократы въ недоумѣніи не знали, что сказать. Общественное мнѣніе колебалось и понемногу поворачивало.

Вскорѣ у Мэнни прибавилось новое, очень серьезное затрудненіе. Каналъ Амброзіа былъ доведенъ до того мѣста, гдѣ онъ долженъ былъ пересѣкать на протяженіи двухсотъ километровъ крайне нездоровую область, извѣстную у таумазійцевъ подъ именемъ «Гнилыхъ Болотъ». Тамъ на обширномъ пространствѣ неглубоко лежавшая, непроницаемая для воды подпочва изъ глины образовала множество подъёмовъ до самой поверхности, уничтожавшихъ возможность оттока воды; въ безчисленныхъ неглубокихъ котловинахъ, благодаря этому, застаивалась дождевая вода, и затеривались рѣчки, сбѣгавшія съ ближнихъ горъ, которыя затѣмъ долженъ былъ прорѣзать каналъ Амброзіа. Страна была почти необитаема, съ ея богатой, но только болотной растительностью и жестокими лихорадками. Триста тысячъ рабочихъ должны были около двухъ лѣтъ работать въ такой мѣстности, часто по поясъ въ водѣ. Заболѣваній была масса; тысячи умирали каждый мѣсяцъ. Среди рабочихъ шло глухое броженіе. Рабочіе союзы совѣщались, но вначалѣ не могли притти къ общему рѣшенію.

Маро по мѣрѣ возможности отсылалъ заболѣвающихъ поправляться на работы по линіи канала Нектаръ, а взамѣнъ бралъ оттуда свѣжія силы. Но въ результатъ недовольство и возбужденіе перекинулись также туда. Положеніе дѣлалось все болѣе напряженнымъ. Для возникшаго движенія нехватало пока еще яснаго боевого лозунга; его искали, и можно было предвидѣть, что если не случится новыхъ событій, способныхъ вызвать поворотъ, то лозунгъ скоро найдется.

Мэнни отчасти предвидѣлъ такія осложненія; въ своемъ «Планѣ работъ» онъ съ особенной обстоятельностью мотивировалъ выборъ направленія для второго таумазійскаго канала. Онъ самъ указалъ,

что, по условіямъ рельефа, представлялось бы выгоднѣе перенести линію на нѣсколько десятковъ километровъ къ востоку, воспользо-вавшись углубленной долиной у подножія невысокой цѣпи холмовъ, идущей внутрь отъ морского берега; при этомъ область «Гнилыхъ Болотъ» была бы вполне обойдена. Но тогда большая часть канала прошла бы по одной изъ «тектоническихкихъ линій» коры планеты, т.-е. въ мѣстахъ, гдѣ возможны самыя сильныя землетрясенія. Правда, тамъ уже около двухсотъ пятидесяти лѣтъ не было замѣчено сколько-нибудь крупныхъ колебаній; но все равно рискъ недопустимъ: весь каналъ, съ построенными на немъ городами и системой искусственнаго орошенія, изъ него исходящей, могъ быть разрушенъ когда-нибудь въ нѣсколько минутъ, и сотни тысячъ человѣческихъ жизней погибли бы въ расплату за чужую ошибку. Приходится поэтому выбрать сознательное пожертвованіе тысячами жизней ради цѣлей человѣчества, какъ во время прежнихъ войнъ завѣдомо приносились еще большія жертвы ради интересовъ отдѣльной націи.

Чтобы еще усилить свой выводъ, Мэнни выяснялъ, что проведеніе канала черезъ Гнилыя Болота само по себѣ поведетъ къ ихъ быстрому осушенію, давши стокъ ихъ водамъ, и такимъ образомъ будетъ мирно завоевана для культуры почти мимоходомъ обширная провинція, которая дастъ пропитаніе двумъ-тремъ милліонамъ колонистовъ.

И вотъ, среди возбужденныхъ, озлобленныхъ рабочихъ неизвѣстно откуда появилась и стала массами распространяться анонимная брошюра, гдѣ доказывалось, что рабочихъ «Амбрози» посылаютъ на смерть безо всякой необходимости. Авторъ пользовался тѣмъ, что рабочіе не могли читать огромной, специальной книги Мэнни, и, не стѣсняясь, его же цифрами и данными доказывалъ, что технически выгоднѣе было вести каналъ по другому направленію, минуя «Болота». При этомъ въ нѣсколькихъ словахъ упоминалось объ «явно несерьезной ссылкѣ на опасность отъ землетрясеній, которыя, однако, уже сотни лѣтъ какъ прекратились»; и отсюда дѣлалось заключеніе, что «у главнаго инженера, который не можетъ не знать всего этого, есть какіе-то свои мотивы и основанія морить рабочихъ, союзы которыхъ ему такъ ненавистны; но интересы дѣла тутъ не при чемъ». Брошюра была написана

талантливо, ярко, популярно, и производила очень сильное впечатление.

Лозунгъ для движенія былъ готовъ.

Мэнни въ это время находился въ столицѣ, въ семи тысячахъ километровъ отъ поля дѣйствій. Еще задолго передъ тѣмъ онъ черезъ правительство внесъ въ парламентъ законопроектъ о пенсіяхъ семьямъ рабочихъ, погибшихъ или потерявшихъ здоровье отъ мѣстныхъ и отъ профессиональных болѣзней на Великихъ Работахъ; до сихъ поръ законами были предусмотрѣны только «несчастные случаи». Для успокоенія въ Таумазин было необходимо, чтобы законъ прошелъ какъ можно скорѣе; большинство парламента, казалось, сочувствовало ему; но въ комиссіяхъ возникали постоянно какія-то формальныя затрудненія и проволочки, то-и-дѣло требовались разныя новыя справки, оспаривались цифры вѣроятныхъ расходовъ, и дѣло неопредѣленно затягивалось. Мэнни рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы добиться толку. Прежде всего надо было сговориться съ первымъ министромъ, на котораго Мэнни могъ вполне рассчитывать: это былъ прежній министръ общественныхъ Работъ, при которомъ Мэнни провелъ проектъ Ливійскаго канала.

За часъ до свиданія съ министромъ Мэнни получилъ отъ Маро спѣшно присланный докладъ, при которомъ былъ приложенъ экземпляръ анонимной брошюры.

Министръ уже былъ осведомленъ обо всемъ. Онъ встрѣтилъ Мэнни съ той же брошюрой въ рукахъ.

— Замѣчательно искусный ходъ!—сказалъ онъ.

— Чей?—спросилъ Мэнни.

— По существу, конечно, тутъ Фели Рао. Но, хотя онъ очень сильный дѣлецъ на биржѣ и за кулисами парламента, все же *эта* идея, по-моему, не изъ его обычныхъ ресурсовъ. Я подозреваю инженера Маро.

Мэнни вздрогнулъ, какъ отъ неожиданнаго удара, и немного поблѣднѣлъ.

— На чемъ вы основываете свое подозрѣніе?

— Сообщалъ ли вамъ инженеръ Маро о своемъ тайномъ свиданіи съ вождемъ таумазійской рабочей федераціи, нѣкимъ механикомъ Арри?

— Нѣтъ. Фактъ вамъ достовѣрно извѣстенъ?

— Я на-дняхъ, вмѣстѣ съ этой брошюрой, получилъ сообщеніе отъ агента, специально мной туда посланнаго. Человѣкъ ловкій и надежный, лично мнѣ преданный.

— А какъ обстоитъ дѣло съ закономъ о пенсіяхъ?

— Почти безнадежно. Имъ удастся оттянуть его еще на два-три мѣсяца, а событія пойдутъ теперь быстро. Они отнесли его обсужденіе къ общему бюджету на слѣдующій годъ. А съ бюджетомъ, вы знаете...

— Но какъ вы могли допустить это, имѣя большинство?

— Большинство мнимое. Мы уже обречены.

— Развѣ ваша партія сама по себѣ не составляетъ больше половины палаты?

— Составляла. Но у Совѣта Синдикатовъ много денегъ. Я не могу только формально доказать, а, тѣмъ не менѣе, съ достовѣрностью знаю, что среди нашихъ «радикаловъ» прибавляется пять-десять новыхъ миллионеровъ.

— Какъ? Они настолько не жалѣютъ денегъ?

— Вы стоите имъ дороже этихъ миллионеровъ. Бюджетъ Великихъ Работъ уже теперь приближается къ четыремъ миллиардамъ въ годъ. При хорошо поставленной системѣ хищенія это можетъ дать отъ одного до двухъ миллиардовъ.

— Что же, вы будете, съ своей стороны, бороться за сохраненіе власти?

— Напротивъ, я буду добиваться того, чтобы они немедленно свергли наше министерство. Но это нелегко. Имъ слишкомъ выгодно оставлять насъ пока у власти въ нынѣшнемъ безвыходномъ положеніи.

— Вы считаете его абсолютно безвыходнымъ?

— Теперь—безусловно да. Рабочіе возбуждены до крайности. Намъ они вообще не довѣряютъ; а эта исторія съ закономъ о пенсіяхъ—прямая улика противъ насъ. Вамъ тоже ни въ чемъ не удастся ихъ убѣдить: они не станутъ слушать. Ваше отношеніе къ союзамъ подрывало въ корнѣ возможность взаимнаго пониманія. Я никогда не считалъ этого отношенія правильнымъ,—вы знаете мое мнѣніе о необходимости уступокъ для сохраненія соціальнаго мира; но о принципахъ спорить бесполезно, а положеніе ясно. Рабочіе требуютъ во что бы то ни стало, чтобы работы на «Гни-

лыхъ Болотахъ» были прекращены, а направленіе канала измѣнено. Согласитесь ли вы на это?

— Невозможно!

— И я такъ думаю. Уступить—значило бы сознаться въ несовершенномъ преступленіи, и совершить дѣйствительное преступленіе; въ результатѣ же—ничтожная оттяжка тогда не менѣе неизбежнаго, но болѣе позорнаго краха. Значить—забастовка рабочихъ, голодъ, затѣмъ возстаніе, военное усмиреніе...

— Если это будетъ необходимо...

— Безполезно! Когда мы съ вами выкупаемся въ ихъ крови, тогда-то наше дѣло и проиграно окончательно, даже безъ надежды въ будущемъ. Популярности нашей конецъ; свергнуть непопулярное въ массахъ министерство для Фели Рао будетъ какъ нельзя легче. Отъ васъ тогда отдѣлаются еще вѣрнѣе: нетрудно будетъ приготовить какого-нибудь наивнаго фанатика-рабочаго,—ваши посѣщенія работъ дадутъ сколько угодно подходящихъ случаевъ; не удастся одинъ разъ,—удастся въ другой.

— Вы надѣетесь скоро добиться отставки?

— Нуженъ предлогъ, надо получить меньшинство по важному вопросу. Сегодня, вечеромъ,—совѣтъ министровъ. Завтра я рассчитываю съ согласія моихъ коллегъ предложить парламенту немедленно выдѣлить изъ вопросовъ бюджета и экстренно вотировать законъ о пенсіяхъ. Это могло бы испортить всю ихъ игру. Пятьдесятъ купленныхъ будутъ голосовать съ оппозиціей, и дѣло будетъ улажено. А затѣмъ—остается ждать.

— Я никогда не думалъ, чтобы въ жизни человѣчества существовали вполнѣ безвыходныя положенія.

— Они бываютъ. Я могу сказать вамъ—есть вещи, которыя я знаю лучше васъ. Вы не любите исторіи,—это напрасно. А я изучалъ ее. И вотъ что, между прочимъ, я тамъ увидѣлъ: общество—странное животное; время-отъ-времени ему необходима бессмысленная растрата его силъ. Что могло быть нелѣпѣе войнъ? А сколько разъ онѣ были началомъ обновленія народовъ! Теперь войнъ у насъ нѣтъ; нашлись другіе способы. Начинается эпопея финансоваго цезаризма Фели Рао. Человѣчеству она обойдется дороже хорошей войны. Значить, это нужно исторіи. Не знаю, всегда ли такъ будетъ, но не сомнѣваюсь, что теперь это будетъ такъ.

3. Объясненіе.

Черезъ недѣлю Мэнни былъ въ Таумазіи. По дорогѣ онъ получилъ телеграмму о паденіи министерства. Работы на обоихъ таумазійскихъ каналахъ уже остановились: бастовало больше шестисотъ тысячъ человѣкъ. Инженеръ Маро выѣхалъ къ нему навстрѣчу. Свиданіе произошло въ домѣ управленія работъ, въ новомъ городѣ при устьѣ канала Нектаръ. Главный инженеръ внимательно выслушалъ докладъ своего помощника обо всемъ, что происходило за послѣдніе дни, и затѣмъ сразу спросилъ:

— Какую цѣль имѣли ваши переговоры съ вождемъ рабочихъ Арри?

Лицо Маро чуть дрогнуло, но черезъ секунду стало попрежнему непроницаемо-спокойнымъ.

— Я признаю, что былъ не вполне правъ, не извѣстивъ васъ объ этой примирительной попыткѣ, предпринятой мною частнымъ образомъ, на свой рискъ и страхъ. Зная ваше отношеніе къ рабочимъ союзамъ, я не могъ официально имѣть дѣла съ ихъ представителями. Но для меня было несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ отъ нихъ зависитъ очень многое, если не все. Исключительность положенія заставила меня пойти не вполне обычнымъ путемъ.

— Можно узнать содержаніе вашей бесѣды?

— Я выяснялъ ему, что, по научно-техническимъ соображеніямъ, въ которыхъ вы компетентнѣе всякаго другого, вы безусловно не можете измѣнить плана работъ, и что упорство рабочихъ не приведетъ ни къ чему, кромѣ тяжелыхъ репрессій. Я убѣждалъ его употребить свое огромное вліяніе на рабочихъ въ интересахъ успокоенія. Я указывалъ, что принятіе парламентомъ закона о пенсіяхъ могло бы быть только замедлено и затруднено всякимъ нарушеніемъ порядка, потому что власть, охраняя свое достоинство, должна избѣгать всего, что похоже на уступку незаконному давленію.

— Вы очень проницательны, инженеръ Маро,—съ проницей замѣтилъ Мэнни: вы говорили о невозможности измѣненія плана работъ за нѣсколько дней до появленія анонимной брошюры, когда рабочіе не пришли еще къ такому требованію. Незачѣмъ продолжать эту

комедію. Мы здѣсь одни. Чего хочетъ Совѣтъ Синдикатовъ, или, вѣрнѣе, Фели Рао?

Маро немного поблѣднѣлъ и призадумался; затѣмъ, быстро рѣшившись, сказалъ:

— Вы правы. Ходъ событій намѣтился, теперь мы съ вами можемъ говорить прямо. Совѣтъ Синдикатовъ желаетъ взять въ свои руки административно-финансовую сторону работъ. Техническую, безъ сомнѣнія, наиболѣе для васъ важную, онъ радъ былъ бы видѣть попрежнему въ вашихъ рукахъ. Совѣтъ считаетъ себя въ правѣ получить компенсацію за тотъ огромный ущербъ, который уже нанесли ему Великія Работы. Онъ страшно увеличили спросъ на рабочія руки и повысили требовательность рабочихъ...

— И дали синдикатамъ колоссальныя заказы по хорошимъ цѣнамъ и небывалыя прибыли... Вообще, справедливость лучше оставить въ покоѣ: рѣшается вопросъ силы. Въ какой формѣ Совѣтъ Синдикатовъ предполагаетъ осуществить свое желаніе?

— Если вы согласитесь, то все устроится какъ нельзя легче, и на вашу долю выпадетъ наиболѣе почетная роль. Стачка будетъ упорная, но вначалѣ, конечно, мирная. Вы выскажетесь открыто противъ присылки войскъ; тѣмъ не менѣе, новое правительство пришлетъ ихъ. Вы демонстративно снимете съ себя всякую отвѣтственность за дальнѣйшее. Послѣ этого произойдетъ усмиреніе; кровопусканіе потребуется довольно значительное; придется послать войска и на другіе каналы, чтобы предупредить сочувственныя забастовки и возстанія. Въ видѣ протеста, вы сложите съ себя всѣ обязанности администратора работъ и заявите, что только желаніе довести до конца дѣло, важное для всего человѣчества, побуждаетъ васъ оставить за собой научно-техническое руководство. Будетъ назначенъ Исполнительный Совѣтъ для завѣдыванія бюджетомъ и для поддержанія порядка на работахъ; туда войдутъ представитель отъ министерства финансовъ—Фели Рао, отъ министерства общественныхъ работъ,—это буду я,—и еще одинъ отъ центральной полиціи. Затѣмъ, чтобы доставить вамъ еще болѣе полное удовлетвореніе, парламентъ свергнетъ нынѣшнее правительство; оно нарочно составлено изъ безличностей, наиболѣе удобныхъ для выполнения щекотливыхъ дѣлъ.

Наступило молчаніе. Лицо Мэнни было спокойно, но глаза его странно потемнѣли, и голосъ звучалъ нѣсколько глухо, когда онъ вновь заговорилъ.

— Прекрасно, все это вамъ очень просто выполнить, если я согласенъ подчиниться. Ну, а если нѣтъ?

— Это было бы очень печально, и мы надѣемся, что вы съ вашимъ гениальнымъ умомъ, безпристрастно и точно оцѣнивающимъ силы, не захотите длить борьбы, совершенно безнадежной и бесполезной. Но я могу сказать вамъ, какова бы была наша тактика и въ этомъ невѣроятномъ случаѣ. Тогда объ укрощеніи рабочихъ не было бы и рѣчи,—самое заботливое, самое отеческое отношеніе къ нимъ. Въ парламентъ былъ бы поставленъ вопросъ, нельзя ли и въ самомъ дѣлѣ измѣнить направленіе канала; была бы назначена коммиссія изъ ученыхъ старыхъ академиковъ,—вы знаете, какъ они васъ ненавидятъ. Можно поручиться, что коммиссія выскажется достаточно двусмысленно и неопредѣленно, чтобы парламентъ могъ удовлетворить вопреки вамъ требованіе рабочихъ, а ваше положеніе тогда...

Маро остановился. Въ немъ вызывалъ смутное безпокойство потемнѣвшій взглядъ Мэнни, и онъ невольно отвелъ глаза. Благодаря этому онъ не видѣлъ, какъ на нѣсколько мгновеній этотъ взглядъ неподвижно остановился на тусклой поверхности бронзоваго разрѣзного ножа, лежавшаго между бумагами сбоку отъ нихъ обоихъ. Маро dokonчилъ:

— Вы видите, что этотъ исходъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ худшимъ.

— И вы не задумались бы совершить преступленіе передъ наукой и человѣчествомъ ради... бюджета?

Оттѣнокъ холоднаго презрѣнія въ произнесенныхъ словахъ былъ сильнѣе пощечины. Маро выпрямился, глаза его засвѣтились циническимъ блескомъ, дѣловая сдержанность смѣнилась наглою насмѣшкой.

— Преступленіе?! Какія фразы! И вамъ нечего больше возразить? Но мы будемъ дѣйствовать въ самомъ законномъ порядкѣ. А насчетъ землетрясенія... оно, навѣрное, случится уже тогда, когда насъ не будетъ!

— Да, *васъ* тогда не будетъ!

Мэнни вскочилъ, и Маро не успѣлъ уклониться отъ его движенія, быстро, какъ молнія. Бронзовый ножъ не былъ бы оружіемъ въ рукахъ обыкновеннаго человѣка, но инженеръ Альдо былъ потомкомъ древнихъ рыцарей. Сонная артерія шеи и горло были разорваны ударомъ. Кровь брызнула фонтаномъ, и Маро упалъ. Нѣсколько судорогъ, слабое хрипѣніе... Затѣмъ тишина.

4. Судъ.

Дѣло Мэнни было отложено на нѣсколько мѣсяцевъ, «до успокоенія». Тѣмъ временемъ рабочіе были усмирены военной силой, союзы разгромлены, вожди ихъ арестованы. Газеты усиленно подготавливали общественное мнѣніе къ процессу Мэнни, изображая его человѣкомъ бѣшено-деспотичнаго характера, способнымъ на всякія крайности при малѣйшемъ противорѣчїи. Были использованы съ надлежащими украшеніями и кровавыя біографїи нѣкоторыхъ его предковъ. Въ злорадномъ хорѣ потонули голоса немногихъ защитниковъ.

На основанїи связи убійства съ политическими событіями, правительство передало Мэнни суду верховнаго трибунала, состоявшаго изъ самыхъ заслуженныхъ, самыхъ древнихъ юристовъ. Публика на процессъ была допущена по строгому выбору. Въ качествѣ прокурора выступилъ одинъ изъ товарищей министра юстиціи. Адвоката обвиняемый имѣть не пожелалъ.

Мэнни въ своемъ показанїи ограничился точнымъ изложеніемъ своего разговора съ Маро. Большинство свидѣтельскихъ показаній сводилось къ неблагоприятнымъ отзывамъ о характерѣ Мэнни. Публика съ интересомъ ожидала двухъ свидѣтелей—бывшаго министра-президента и арестованнаго рабочаго вождя Арри. Но оба не явились: первый неожиданно тяжело заболѣлъ какой-то неопредѣленной болѣзнью, второй былъ раненъ часовымъ въ тюрьмѣ при попыткѣ побѣга. Фели Рао умѣлъ призвать случай себѣ на помощь. Судъ, конечно, призналъ возможнымъ продолжать дѣло безъ этихъ свидѣтелей.

Прокуроръ въ своей рѣчи заявилъ, что объясненія Мэнни судъ просто не можетъ принимать во вниманіе. «Какъ извѣстно, во

всѣхъ процессахъ,—говорилъ онъ,—показанія обвиняемыхъ бываютъ наиболѣе благоприятны для нихъ самихъ; но передъ нами передача разговора, происходившаго наединѣ, т.-е. нѣчто недоступное провѣрѣ; а юридически существуютъ только провѣренные факты. Изображать такого человѣка, какъ почтенный Фели Рао, и съ нимъ весь Совѣтъ Синдикатовъ въ видѣ преступныхъ заговорщиковъ—не явная ли это фантазія, навѣянная желаніемъ оправдаться? Остается опредѣленный и установленный фактъ—самое убійство, котораго и обвиняемый не отрицаетъ». Нѣсколько разъ прокуроръ распространялся на тему о томъ затруднительномъ положеніи, въ которое ставятъ судъ высокое положеніе обвиняемаго и его заслуги передъ человѣчествомъ: «но надо помнить, что передъ республиканскимъ закономъ нѣтъ великихъ или ничтожныхъ людей, —здѣсь всѣ равны; и если допустимо какое различіе, то развѣ лишь то, что кому больше дано, съ того больше и спрашивается». Изъ этого прокуроръ дѣлалъ выводъ, что о смягчающихъ обстоятельствахъ не можетъ быть рѣчи: «не вполне выясненъ только вопросъ о предумышленности убійства,—и сомнѣніе тутъ должно быть истолковано въ пользу подсудимаго».

Въ своемъ послѣднемъ словѣ Мэнни замѣтилъ, что прокуроръ вполне правъ, отвергая мысль о смягчающихъ обстоятельствахъ: «совершенный мною актъ справедливости не нуждается въ нихъ; но и для тѣхъ, кто совершить здѣсь дѣйствительное преступленіе, судъ будущаго не найдетъ смягчающихъ обстоятельствъ, ибо если величіе не есть оправданіе, то и ничтожество—тоже».

Предсѣдатель призвалъ обвиняемаго къ порядку, съ угрозой лишить его слова. «Мнѣ осталось сказать немного,—закончилъ тогда Мэнни:—я только рѣшительно протестую противъ предположенія о непредумышленности; то, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ вполне сознательно и обдуманно».

Судьи были возмущены холоднымъ высокомеріемъ Мэнни; и хотя передъ тѣмъ въ частныхъ переговорахъ они заявляли министрамъ, что не смогутъ приговорить Мэнни больше, чѣмъ на нѣсколько лѣтъ тюрьмы, теперь они почувствовали, что это не удовлетворило бы ихъ. Приговоръ былъ поставленъ максимальный—пятнадцать лѣтъ одиночнаго заключенія.

Во дворѣ зданія верховнаго трибунала масса публики толпилась въ ожиданіи приговора. Когда изъ устъ въ уста пронеслось извѣстіе о немъ, всѣ были поражены; воцарилось мертвое молчаніе. Оно стало какъ-будто еще глубже, когда на верху каменной лѣстницы показалась между жандармами атлетическая, спокойная фигура инженера Мэнни, котораго вели къ тюремной каретѣ. Всѣ разступались. Какая-то сила заставила отклониться неподвижно устремленный впередъ взглядъ Мэнни. Его глаза встрѣтились съ глазами высокой, красивой женщины, которая держала за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати-тринадцати. Что-то знакомое...

Среди тишины раздался звучный женскій голосъ:

— Дитя, взгляни на героя и... не забывай!

Воспоминаніе вспыхнуло въ душѣ Мэнни:

— Нэнла!

Ч А С Т Ь II.

I. Нэтти.

Прошло двѣнадцать лѣтъ.

На одной изъ пролетарскихъ окраинъ Центрополиса, въ тускло-освѣщенной подвальной залѣ небольшого трактира собралось около тридцати человѣкъ. Худощавыя фигуры, энергичныя, интеллигентныя лица, рабочіе костюмы... Когда двери были заперты, и водворилось молчаніе, старикъ-предсѣдатель поднялся и сказалъ:

— Братья!

(Таково было обычное въ тѣ времена обращеніе между членами рабочихъ организацій).

— Я объявляю открытымъ Совѣтъ Федераціи Великихъ Работъ.

— Вы, секретари союзовъ, хорошо знаете то положеніе вещей, которое вынудило васъ тайно здѣсь собраться, чтобы найти и обсудить общій планъ дѣйствій. Вы знаете, что условія труда становятся у насъ все болѣе невыносимыми. За годы, прошедшіе со времени неудачной всеобщей забастовки и разстрѣла тысячъ нашихъ братьевъ, наглость эксплуататоровъ непрерывно возрастала. Заработная плата уменьшилась на треть, между тѣмъ какъ почти все стало дороже. Рабочій день повсюду шагъ за шагомъ увеличили съ десяти до двѣнадцати часовъ. Инженеры, подрядчики, даже десятники обращаются съ нами, какъ съ крѣпостными; насъ штрафуютъ и рассчитываютъ по произволу. Наши организаціи преслѣдуютъ систематически. Вы помните, чего намъ стоило возобновить ихъ послѣ разгрома. Теперь активныхъ работниковъ увольняютъ съ работъ подъ первымъ попавшимся предлогомъ, а то и безъ всякаго предлога: почти всѣ вы испытали это на себѣ.

— Но растеть и недовольство. Долго подавленный, пролетарій поднимается, наконецъ, голову. Онъ осматривается вокругъ и гово-

рить: «Да что же это? Почему? На какомъ основаніи?». А затѣмъ онъ переходитъ и къ другому, болѣе важному, вопросу: «Что надо дѣлать?». Этотъ вопросъ мы тысячи и тысячи разъ слышали отъ братьевъ на мѣстахъ; къ нему приводилъ насъ каждый разговоръ съ ними. Этотъ вопросъ собралъ насъ сюда, заставилъ возобновить, послѣ долгаго перерыва, нашу, запрещенную правительствомъ, Общую Федерацию. Соединимъ весь нашъ опытъ, всѣ наши силы для общей работы, отъ которой будетъ зависѣть судьба милліоновъ нашихъ братьевъ, и не разойдемся, пока не рѣшимъ этого вопроса!

Итакъ, братья, расскажите, что знаете, и предложите, что считаете лучшимъ!

Десять ораторовъ, всѣ съ разныхъ каналовъ, одинъ за другимъ брали слово.

Ихъ рѣчи были коротки: сжатая характеристика положенія на мѣстѣ, нѣсколько типичныхъ фактовъ относительно условій труда, нѣсколько цифръ относительно состоянія организаций, затѣмъ выводы. Всѣ сходились на томъ, что надо немедленно сообща начинать борьбу, иначе она вспыхнетъ разрозненно и стихійно; всѣ признавали, что единственное оружіе—всеобщая забастовка, что ея лозунгомъ должно быть возвращеніе прежнихъ условій труда, какія были до первой стачки. Нѣкоторые предложили обратиться за поддержкой къ желѣзнодорожникамъ, механикамъ и углекопамъ, наилучше организованнымъ изъ остальныхъ рабочихъ: они также много потеряли за эти годы подъ ударами усилившихся синдикатовъ, и можно было надѣяться, что они согласятся выступить одновременно со своими требованіями; тогда шансы побѣды были бы очень велики. Казалось, что планъ дѣйствій почти выясненъ, когда слово взялъ немолодой, сидѣвшій рядомъ съ председателемъ, рабочій—Арри.

— Братья,—сказалъ онъ,—я предлагаю вамъ дать слово для доклада моему сыну, инженеру Нэтти. Онъ присутствуетъ здѣсь пока безъ права голоса, не какъ представитель союза, а какъ одинъ изъ устроителей съѣзда. Нѣкоторые изъ васъ его знаютъ: онъ объѣхалъ съ порученіями по этому дѣлу половину организаций. Мы привыкли не довѣрять чужимъ, и это правильно: сколько насъ обманывали, сколько намъ измѣняли въ прошломъ! Но онъ не чужой намъ; онъ изъ рабочей семьи, да и самъ еще мальчикомъ работалъ на заводѣ. Онъ много учился; если подъ конецъ онъ пошелъ и туда, гдѣ учатся

наши враги, то сдѣлать это для того, чтобы найти новое оружіе для защиты нашего дѣла. Вы не потеряете времени, если выслушаете его.

Всѣ единодушно выразили согласіе. Тогда поднялся высокій молодой человѣкъ съ ясными, зеленовато-синими глазами.

— Братья! Къ тому, что предыдущіе ораторы сказали о положеніи рабочихъ на мѣстахъ, объ ихъ настроеніи, надеждахъ и желаніяхъ, я ничего не могу прибавить, въ этомъ всѣ вы компетентнѣе меня. Я буду говорить о другой сторонѣ дѣла, сообщу вамъ такія вещи, о которыхъ, навѣрное, многіе изъ васъ догадывались, но никто не нашелъ возможнымъ упоминать, не имѣя точныхъ данныхъ и доказательствъ,—о томъ, какъ ведутся Великія Работы въ техническомъ и финансовомъ отношеніи. Это—сплошное царство грубыхъ ошибокъ и безпримѣрной недобросовѣстности, невиданнаго грабежа и хищенія. Я утверждаю это и могу доказать: вотъ уже нѣсколько лѣтъ, еще съ того времени, какъ я былъ студентомъ, я изучаю это дѣло. У меня были не только всѣ печатные отчеты и матеріалы, доступные спеціалистамъ; при помощи личныхъ связей, которыя мнѣ удалось завести въ инженерномъ мірѣ, и особенно—среди служащихъ Центрального Управленія работъ, я получилъ доступъ къ документамъ, которые хранятся въ глубинѣ архивовъ и вдали отъ нескромныхъ глазъ; многое, кромѣ того, пришлось увидѣть и разузнать на мѣстѣ, во время организаціонныхъ поѣздокъ по нашимъ общимъ дѣламъ. Когда я все собралъ, сопоставилъ, раскрылъ противорѣчія фальшивыхъ цифръ и подвелъ итоги, предомной выступила картина чудовищная, подавляющая.

— Планы великаго инженера были искажены, извращены новыми руководителями работъ, частью по бездарности, а главнымъ образомъ—изъ-за корыстныхъ, мошенническихъ расчетовъ. Знаете, почему на Гнилыхъ Болотахъ, вмѣсто предположенныхъ двухъ лѣтъ, работы продолжались почти четыре года? Во-первыхъ, не были примѣнены спеціальныя машины, не только тогда уже изобрѣтенныя, но испытанныя и одобренныя инженерами Мэнни и Маро. Во вторыхъ, была отклонена линія канала вдоль края болотъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы избѣгнуть лежащаго дальше каменнистаго грунта, котораго—я убѣдился въ этомъ своими глазами—тамъ вовсе нѣтъ. Кому и зачѣмъ это было нужно? Дѣло въ томъ, что рабочіе уни-

рали тысячами; но больше половины умерших по цѣлому году, по полтора года продолжали числиться въ спискахъ, какъ работающіе или какъ больные; плата на нихъ получалась. Бѣды? Про то извѣстно подрядчикамъ и инженерамъ. А потомъ—пенсіи семьямъ погибшихъ. Хотя на тѣ мѣста заботливо переводили безсемейныхъ и холостыхъ,—у всѣхъ умершихъ оказывались семьи; и вотъ уже сколько лѣтъ пенсіи выплачиваются по меньшей мѣрѣ двадцати тысячамъ несуществующихъ семей.

— Вы всѣ замѣчали, конечно, какъ часто масса рабочихъ безо всякой видимой причины переводится съ однихъ участковъ на другіе, а съ тѣхъ на эти. Причина есть, и очень простая. Бухгалтерія ведется такимъ образомъ, что до конца отчетнаго года переведенные рабочіе числятся на прежнемъ мѣстѣ, но также на новомъ. Заработная плата ассигнуется двойная,—но вы знаете, что двойной платы они не получаютъ. Этимъ способомъ и еще другими достигается то, что, по официальнымъ отчетамъ, на рабочихъ идетъ больше, чѣмъ во времена инженера Мэнни, хотя число ихъ остается почти прежнее, а заработокъ каждаго—на треть меньше.

— Вы помните катастрофу на каналѣ Ганга, когда при закладкѣ минъ отъ неожиданнаго ихъ взрыва погибло двѣ тысячи человѣкъ. Официальное слѣдствіе нашло небрежность и неосторожность, было отрѣшено отъ должности три инженера, посаженъ въ тюрьму одинъ случайно оставшійся въ живыхъ минный техникъ. Но вы не знаете того, что всѣ три уволенныхъ инженера сразу стали богатыми людьми. Въ опубликованномъ отчетѣ слѣдствія не напечатано также то, что они первоначально отвѣтили на допросѣ. Они сказали, что взрыва нельзя было предвидѣть, онъ произошелъ самопроизвольно, потому что динамитъ былъ негодный. Этотъ сильнѣйшій и самый дорогой по цѣнѣ видъ динамита долженъ приготовляться изъ абсолютно-чистыхъ химическихъ матеріаловъ. Если взять матеріалы почти, но не абсолютно чистые, то его приготовленіе обходится втрое дешевле, и взрывная сила та же, но онъ тогда можетъ взрываться самъ собою. Нечего и говорить, что динамитно-пороховой трѣстъ поставляетъ его все это время по цѣнѣ состава идеальной очистки, т.-е. втрое дороже дѣйствительной; а жизнь рабочихъ, конечно, въ счетъ не идетъ. Нѣсколько мелкихъ несчастныхъ случаевъ прошли незамѣченными; большая катастрофа подвергла опас-

ности прибыли треста. Прибыль эта, благодаря гигантскому применению динамита на Великих Работах, измѣряется сотнями милліоновъ въ годъ. Не удивительно, что они бросили десятокъ милліоновъ, чтобы заткнуть ротъ слѣдователямъ и обвиняемымъ.

Тутъ одинъ изъ делегатовъ прервалъ оратора: «Вы можете доказать все это?».

— Да, могу,—отвѣтилъ Нэтти.—Братья рабочіе достали мнѣ образцы динамита, и я сдѣлалъ анализъ. Черезъ друзей инженеровъ на самомъ большомъ динамитномъ заводѣ я разузналъ въ точности способы приготовленія. Черезъ банковыхъ служащихъ мнѣ удалось хитростью выяснить время, когда у трехъ инженеровъ появились милліонныя вклады. И я могу доказать еще больше,—что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ девять десятыхъ акцій динамитно-порохового треста были скуплены Фели Рао, председателемъ Центральнаго Правленія Великихъ Работъ, доказать это и многое другое, о чемъ долго было бы вамъ рассказывать.

— Я скажу вамъ, къ чему привели меня мои подсчеты. За двѣнадцать лѣтъ бюджетъ Великихъ Работъ составилъ съ небольшимъ пятьдесятъ милліардовъ. Изъ нихъ расхищено и раскрадено отъ шестнадцати до восемнадцати милліардовъ. Одинъ Фели Рао, состояніе котораго тогда равнялось «всего» пятистамъ милліонамъ, теперь «оцѣнивается» въ три съ половиной милліарда. А самыя работы страшно замедлились. Нектаръ и Амброзія должны были быть закончены уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ; между тѣмъ, они будутъ готовы только черезъ полтора-два года. Такъ же и на другихъ каналахъ. Великое дѣло обезсилено хищниками,—его, какъ и кровь рабочихъ, они приносятъ въ жертву своей безграничной жадности.

— Первый выводъ ясенъ. Въ свои требованія вы включите: прекращеніе грабежа, судъ надъ преступниками, конфискацію похищеннаго. А я одновременно съ вашимъ манифестомъ выпущу свою книгу разоблаченій, съ точными данными и документами. На этомъ пунктѣ насъ поддержать широкіе слои буржуазіи, задавленные синдикатами и полные ненависти къ ихъ дѣльцамъ—милліардерамъ. Правда, борьба станетъ тѣмъ болѣе ожесточенной, противъ насъ будутъ пущены въ ходъ не только всѣ законныя, но и всѣ незаконныя средства. Это не заставитъ насъ отступить. Согласно ли вы съ моимъ первымъ выводомъ?

— Да! Да! Конечно!—пронеслось по залу.

— Теперь подведем итоги нашимъ требованіямъ и посмотримъ, что получается. Мы хотимъ такой заработной платы, такого рабочего дня и такого порядка на работахъ, какіе были до первой забастовки, то-есть—при инженерѣ Мэнни. Мы хотимъ положить конецъ грабежу, хищеніямъ, неумѣлому и опасному для рабочихъ техническому веденію работъ,—всему, что началось послѣ инженера Мэнни. Надо ли говорить вамъ, какой второй выводъ логически вытекаетъ изъ этого? Мы должны требовать возстановленія въ правахъ инженера Мэнни.

Ропотъ неодобренія среди слушателей. Воскликанія: «Никогда!»—«Что онъ говоритъ?»—«Невозможно!»—«Это насмѣшка надъ нами!»—«Такъ вотъ къ чему все клонилось!». Возбужденіе усиливается, нѣкоторые порывисто вскакиваютъ съ мѣста. Арри кричитъ: «Дайте ему высказаться до конца!». Нэтти остается неподвижнымъ въ позѣ ожиданія. Предсѣдатель призываетъ къ спокойствію. Мало-по-малу тишина возстанавливается. Въ атмосферѣ недовѣрія, недоумѣнія Нэтти продолжаетъ:

— Братья, для меня не новость, что вы ненавидите инженера Мэнни. Но дѣло идетъ не о нашихъ чувствахъ,—дѣло идетъ о борьбѣ и побѣдѣ. Поэтому обсудимъ безпристрастно. Что имѣете вы противъ возвращенія инженера Мэнни.

Снова рядъ бурныхъ восклицаній: «Онъ врагъ союзовъ!»—«Онъ убійца нашихъ братьевъ!»—«Онъ виновникъ забастовки и пролитой крови!»—«Развѣ вы не знаете?». Нэтти дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить дальше. Водворяется снова неспокойное молчаніе.

— Вотъ вы сказали то, что думаете, и теперь я прошу васъ, не прерывая, выслушать меня до конца: все равно, вѣдь, рѣшать будете вы, а не я. Разберемъ обвиненія. Первое: Мэнни—врагъ союзовъ. Безусловно вѣрно. Ну, а нынѣшнее Управленіе Работъ—не врагъ союзовъ? А то, которое смѣнить его, не будетъ, во всякомъ случаѣ, врагомъ союзовъ? Мы не дѣти, чтобы надѣяться на иное. Мы не измѣнимъ этого, пока существуетъ нынѣшній строй, пока держится эксплуатація, пока одинъ классъ господствуетъ надъ другимъ и бьется его. Но и враги бываютъ разные. Мэнни не признавалъ союзовъ, отказывался вступать въ переговоры съ ними. Однако, преслѣдовалъ ли онъ ихъ? Развѣ тогда увольняли за уча-

стіе въ союзахъ? Развѣ нашей Федерациі приходилось скрываться въ подпольѣ? Онъ—человѣкъ другого міровоззрѣнія, но дѣйствовалъ честно и открыто, его вражда была идейной и принципиальной. Нынѣшніе директора иногда говорятъ вамъ: «Пусть союзъ пришлетъ своихъ делегатовъ, мы обсудимъ съ ними ваши требованія». А что бываетъ потомъ съ этими делегатами? Предпочтете вы такое отношеніе къ союзамъ? Нѣтъ, братья, намъ обыкновенно не приходится выбирать своихъ враговъ, но когда это возможно, надо ихъ различать.

— Развѣ это главное?—прервалъ одинъ молодой делегатъ.—А кровь нашихъ братьевъ?

— Да, въ этомъ, дѣйствительно, главное. И тутъ я долженъ разсказать вамъ то, чего вы не знаете. Вы были введены въ заблужденіе съ самаго начала; а потомъ враги скрывали отъ васъ истину; раскрыть же сами вы ея не могли; и не на то были направлены ваши заботы въ эти тяжелые годы. Эта истина вотъ какая: инженеръ Мэнни невиновенъ ни въ гибели тѣхъ, кого задушили лихорадки на работахъ, ни въ крови тѣхъ, кто былъ убитъ при забастовкѣ.

— А кто же отправилъ рабочихъ на Гнилыя Болота?

— Братья, это сдѣлалъ не инженеръ Мэнни. Это сдѣлала необходимость. Вы повѣрили лживой, предательской брошюрѣ, авторъ которой, скрывшій свое имя,—инженеръ Маро—зналъ, что онъ васъ обманываетъ, и зналъ, зачѣмъ дѣлаетъ это. Каналу Амброзіа нельзя было дать другое направленіе; я сейчасъ объясню вамъ, почему.

— Навѣрное, всѣмъ вамъ извѣстно, что наша планета представляетъ шаръ изъ расплавленной, огненно-жидкой массы, покрытой снаружи застывшей, твердой корой. Кора эта не такая неподвижная и не настолько сплошная, какой она кажется нашимъ глазамъ. Она состоитъ изъ тѣсно сложенныхъ огромныхъ глыбъ или плитъ, образующихъ какъ бы гигантскую мозаику. До сихъ поръ не выяснено, по какимъ законамъ происходятъ движенія въ расплавленномъ океанѣ внутри планеты; но они совершаются постоянно,—вѣроятно, вслѣдствіе постепеннаго охлажденія и стягиванія всей этой жидкой массы,—и съ неувимой медленностью въ ряду тысячелѣтій приподнимаютъ кору въ однихъ мѣстахъ, опу-

скаютъ ее въ другихъ. Не всегда, однако, эти движенія протекаютъ такъ спокойно, такъ ровно. Иногда изъ нихъ реждаются страшныя, разрушительныя потрясенія коры, при которыхъ могутъ возникать или исчезать цѣлыя пропасти, возвышенія, озера, острова, и всякая жизнь подвергается грозной, неотвратимой опасности. На нашей планетѣ, внутреннее охлажденіе которой зашло уже далеко, эти явленія выступаютъ рѣдко, съ долгими промежутками, но тѣмъ грознѣе. Понятно, гдѣ бывають центры такихъ катастрофъ, гдѣ онѣ разражаются съ наибольшей силою: по линіямъ сложенія кусковъ исполниской планетной мозаики. И вотъ какъ-разъ на такой линіи расположена та долина, по которой, будто бы, можно было вести каналъ Амбросію; эта долина и образовалась когда-то сразу въ результатъ землетрясенія, о которомъ у людей не сохранилось преданій; но еще около трехсотъ лѣтъ назадъ она сильно измѣнила свой видъ отъ новыхъ подземныхъ ударовъ; погибло и нѣсколько сотъ людей,—не больше потому, что мало ихъ тамъ жило. При другихъ землетрясеніяхъ были примѣры гибели цѣлыхъ городовъ съ десятками и сотнями тысячъ людей.

— Теперь представьте себѣ, что тамъ былъ бы проведенъ каналъ, съ цѣлой системой орошенія. Огромные города выросли бы на немъ, миллионы людей воздѣлывали бы поля и дуга, оплодотворенные его водою. Прошло бы пятьдесятъ, сто, двѣсти лѣтъ,—наука еще не достигла предвидѣнья въ этомъ,—и все было бы разбито, быть-можетъ, уничтожено въ нѣсколько минутъ. Скажете ли вы, что тысячи жизней въ настоящемъ дороже тѣхъ миллионовъ въ будущемъ? Нѣтъ, вы никогда не думали такъ, вы—бойцы за свое дѣло, вы считаете правильнымъ и разумнымъ жертвовать тысячами жизней теперь, чтобы миллионамъ стало свободнѣе въ будущемъ. Такъ же, какъ вы, люди труда, думалъ человѣкъ науки, инженеръ Мэнни.

— Васъ обманули, вызвали на борьбу, подвели подъ выстрѣлы... Кто? Шайка безчестныхъ людей, съ Фели Рао и Маро во главѣ. Зачѣмъ? Чтобы свергнуть того, кто былъ неподкупенъ, кто стоялъ для насъ на пути къ миллиардамъ. Имъ удалось, и они взяли свое.

— Я не говорю о справедливости, хотя и къ врагамъ лучше быть справедливыми. Я говорю о побѣдѣ, объ успѣхѣ. Чѣмъ можете

вы лучше разстроить ряды враговъ, какъ не этимъ неожиданнымъ и страшнымъ для нихъ требованіемъ? Общественное мнѣніе будетъ съ нами: оно давно стало склоняться на сторону Мэнни, оно уже возмущается тѣмъ, что для великаго человѣка не находится другого мѣста, какъ въ тюрьмѣ; эта трусливая, лицемерная публика заявляетъ, что онъ «уже искупилъ свое преступленіе». Но мы чувствуемъ не такъ, мы способны понять, что онъ поступилъ, какъ человѣкъ убѣжденія, и что преступникъ былъ не онъ, а осудившіе его лакеи капитала.

— И примите въ расчетъ еще одно: если возвращается Мэнни, его руками восстанавливаются всѣ старыя условія. Если же его нѣтъ, то противники съ нами торгуются, соглашаются на одно, отказываютъ въ другомъ; и возможно, что масса поддается на частичныя уступки.

— Наконецъ, развѣ намъ не дороги интересы самаго дѣла, которое мы выполняемъ, самихъ Великихъ Работъ? Вѣдь, это—интересы человѣчества. И развѣ они не требуютъ, чтобы дѣло было передано тому, кто гениально его задумалъ и кто лучше всѣхъ сумѣетъ вести его?

— А въ томъ, въ чемъ онъ намъ враждебенъ, мы сумѣемъ бороться съ нимъ тогда, когда онъ будетъ стоять противъ насъ. И тогда, братья, мы постараемся показать себя достойными такого врага!

Послѣ рѣчи Нэтти нѣсколько минутъ никто не бралъ слова. Пораженные, ошеломленные слушатели отдавались своимъ тяжелымъ мыслямъ. Видя такое положеніе, выступилъ Арри.

— Я подтверждаю вамъ истину того, что сказалъ Нэтти. Больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, я ненавиждѣлъ инженера Мэнни; и тогда я вначалѣ горячо стоялъ за борьбу. Но нѣкоторые факты скоро вызвали во мнѣ сомнѣніе. Когда Маро тайно пришелъ ко мнѣ и, рассчитывая на мою наивность, подъ видомъ фальшиваго призыва къ спокойствію, старался разжечь меня на агитацію лично противъ Мэнни; когда затѣмъ неизвѣстно откуда явилась и сразу распространилась массами анонимная брошюра, толкавшая на забастовку, тогда я почувствовалъ, что тутъ что-то неладно. Я убѣждалъ товарищей пріостановиться и выяснять дѣло, я указывалъ, что кто-то хочетъ играть нами; и нашъ сегодняшний предсѣдатель поддерживалъ меня.

Къ несчастію, стачка возникла стихійно, и мы не успѣли никого убѣдить; а насъ, какъ и весь Совѣтъ Федераціи, немедленно вслѣдъ за тѣмъ арестовали, чтобы еще усилить ожесточеніе братьевъ. Въ тюрьмѣ предательскимъ способомъ мнѣ устроили побѣгъ, при которомъ должны были убить меня, чтобы я не явился свидѣтелемъ на процессъ Мэнни. Случайно рана оказалась не смертельной. Послѣ этого я рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы узнать правду. Друзья доставили мнѣ въ тюрьму книги, я изучилъ нужныя науки, увидѣлъ ясно обманъ и подлую измѣну, догадался, зачѣмъ и кому она была нужна. Но у меня были только догадки, — доказательства нашелъ Нэтти; ему долго пришлось искать ихъ. Когда же, два года тому назадъ, я вышелъ изъ тюрьмы, то всѣ заботы направилъ на возстановленіе нашей Федераціи, а о томъ, что зналъ, не говорилъ никому, чтобы враги не были какъ-нибудь предупреждены и не помѣшали Нэтти довести его дѣло до конца. Но теперь все подготовлено, настало время дѣйствовать.

Послѣ Арри взялъ слово молодой делегатъ, который чаще всѣхъ перебывалъ рѣчь Нэтти.

— Хорошо! — сказалъ онъ нервнымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Нэтти и Арри убѣдили меня, я буду голосовать за ихъ планъ. Но посмотрите, братья, какъ ужасно наше положеніе. Вотъ мы сейчасъ узнаемъ много вещей, о которыхъ не подозрѣвали. Но, вѣдь, отъ нихъ зависитъ наша судьба, наша жизнь, наша воля. Предатели говорили нашимъ братьямъ, что Мэнни напрасно послалъ ихъ на болота, — тѣ повѣрили. Арри былъ десять лѣтъ въ тюрьмѣ, онъ изучилъ геологію и говоритъ намъ, что это — ложь; мы, конечно, вѣримъ ему. Насъ заставили лишниихъ два года работать на тѣхъ же болотахъ, подъ предлогомъ какого-то каменистаго грунта; и мы ничего не знали. Нэтти объясняетъ, что этого не было пужно, что инженеры лгали; мы вѣримъ Нэтти. Насъ принуждаютъ работать съ негоднымъ динамитомъ, который каждую минуту можетъ взорвать насъ, и мы теперь только, послѣ гибели тысячъ людей, въ первый разъ объ этомъ услышали. Нэтти — инженеръ, онъ сдѣлалъ анализъ, мы имѣемъ всѣ основанія вѣрить ему. Но что же это такое: вѣрить, вѣрить и вѣрить! И потому, — если бы Нэтти не ушелъ изъ рабочихъ въ инженеры, если бы Арри не мучился десять лѣтъ въ тюрьмѣ, мы, можетъ-

быть, ничего этого не узнали бы; наши рѣшенія были бы другія, наши силы были бы растрочены неразумно. Развѣ это не рабство, не самое худшее рабство? Нэтти, Арри, братья, гдѣ выходъ изъ него? Какъ сдѣлать, чтобы мы могли сами знать и видѣть, а не только вѣрить? Или это невозможно, и всегда будетъ такъ, какъ теперь? А если это невозможно, то стоитъ ли жить и бороться, чтобы оставаться рабами?

Нэтти отвѣтилъ ему:

— Братъ, ты положилъ руку на больное мѣсто. Наука до сихъ поръ—сила нашихъ враговъ: мы побѣдимъ тогда, когда слѣзаемъ ее нашей силой. Тутъ передъ нами великая и трудная задача. Мы будемъ, конечно, отвоевывать свободное время, чтобы учиться. Мы будемъ брать знаніе всюду, гдѣ возможно. Но этого мало. Обрывки и крошки знанія—это не то, съ чѣмъ можно сознательно рѣшать самые важные и сложные вопросы жизни.

— Нѣкоторымъ изъ насъ удастся, какъ удалось мнѣ, ближе подойти къ чужой наукѣ и овладѣть какъ слѣдуетъ какой-нибудь ея частью. И этого мало. Для пролетарія завоевано только то, что завоевано для всѣхъ. А нынѣшняя наука такова, что даже избраннымъ, которые нашли доступъ къ ней, достается ея малая доля: одна специальность. На большее нехватитъ времени и силъ. Но специальность не даетъ пониманія трудовой жизни въ цѣломъ.

— Мнѣ пришлось изучать разныя науки; я могъ сдѣлать это, потому что способности у меня больше, чѣмъ у многихъ другихъ людей. Изучая, вотъ къ чему я пришелъ. Нынѣшняя наука такова же, какъ общество, которое создало ее: она сильна, но разъединена, и масса силъ въ ней растрачивается даромъ. Въ ея дробленіи каждая часть развивалась отдѣльно и потеряла живую связь съ другими. Оттого получилось много уродливостей, масса бесплодныхъ ухищреній и путаницы. Однѣ и тѣ же вещи, однѣ и тѣ же мысли въ разныхъ отрасляхъ имѣютъ десятки разныхъ выраженій и въ каждомъ изъ нихъ изучаются, какъ нѣчто новое. Каждая отрасль имѣетъ свой особый языкъ—привлечія посвященныхъ, препятствіе для всѣхъ остальныхъ. Много трудностей порождается тѣмъ, что наука оторвалась отъ жизни и труда, забыла о своемъ происхожденіи, перестала сознать свое назначеніе; отсюда мнимыя задачи и часто окольные пути въ простыхъ вопросахъ.

— Все это замѣтилъ я въ современной наукѣ, и мнѣніе мое таково. Такая, какъ теперь, она не годится для рабочаго класса, и потому, что слишкомъ трудна, и потому, что недостаточна. Онъ долженъ ею овладѣвать, измѣняя ее. Въ его рукахъ она должна стать и несравненно проще, и стройнѣе, и жизнннѣе. Надо преодолѣть ея дробленіе, надо сблизить ее съ трудомъ, ея первымъ источникомъ. Это—огромная работа. Я началъ ее; другіе, кому удастся найтн пути и средства, будутъ продолжать. Первые шаги, какъ всегда, будутъ дѣлаться въ одиночку; а потомъ силы объединятся. Одному поколѣнію не выполнить дѣла, но каждый шагъ его будетъ частицей освобожденія.

— Задача поставлена, необходимая задача. Она потребуетъ безчисленныхъ попытокъ, мучительныхъ усилій; путь къ ея рѣшенію пройдетъ черезъ многія неудачи и крушенія. Но такова и вся наша борьба. Она тяжела и не можетъ быть иною, потому что высокъ нашъ идеалъ. А если бы она была легка, тогда, братья, стоило бы говорить о ней?

2. Возвращеніе.

Инженеру Мэнни въ тюрьмѣ была предоставлена возможность не только заниматься наукою, что разрѣшалось вообще заключеннымъ, но также слѣдить за всѣмъ ходомъ общественной жизни. Вѣроятно, тутъ былъ извѣстный расчетъ со стороны его враговъ: заставляя его присутствовать при разрушеніи созданной имъ организаціи, при удаленіи лучшихъ его сотрудниковъ, при измѣнѣ остальныхъ, хотѣли усилить для него нравственную пытку, чтобы тѣмъ вѣрнѣе навсегда сломить его волю. Первые годы Фели Рао не терялъ надежды подчинить его, сдѣлать союзникомъ въ своихъ планахъ и нѣсколько разъ тайно, черезъ директора тюрьмы, предлагалъ ему, вмѣстѣ съ полнымъ помилованіемъ, всѣ тѣ условія, которыя когда-то передалъ ему въ послѣднемъ разговорѣ Маро. Мэнни не отвѣчалъ на эти предложенія. Онъ все время продолжалъ разработку своего плана работъ, пользуясь всѣми новѣйшими изслѣдованіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько важныхъ изобрѣтеній, которые были потомъ примѣнены на работахъ.

Фели Рао чувствовал себя беспокойно. Общественное мнѣніе по разнымъ поводамъ то-и-дѣло возвращалось къ вопросу о Мэнни и съ каждымъ разомъ высказывалось настойчивѣе въ его пользу. Въ парламентѣ раздавались рѣзкія рѣчи; правительству и вѣрнымъ депутатамъ становилось все труднѣе удерживать прежнее положеніе. Рао рѣшилъ, что надо во что бы то ни стало отдѣлаться отъ опаснаго противника. Но въ тюрьмѣ это было невозможно. Центральныи Домъ Заключенія отличался такой идеальной организаціей контроля, что для убійства потребовалась бы цѣлая масса подкупленныхъ сообщниковъ, и дѣло неминуемо обнаружилось бы. Отъ имени Президента Республики Мэнни на десятомъ году тюрьмы было официально предложено помилованіе. Мэнни отказался: по закону онъ имѣлъ право на это. Онъ не зналъ, что это спасало его жизнь. Но общественное мнѣніе было непріятно поражено непримиримостью Мэнни. Для Фели Рао это было хоть какимъ-нибудь выигрышемъ.

Но вдругъ разразился ударъ грома. Одновременно вышелъ манифестъ Федерациі Работъ, манифесты ряда другихъ союзовъ о солидарности съ нею и книга Нэтти: «Великія Работы и великое преступленіе». Рабочіе давали правительству и парламенту для отвѣта мѣсячный срокъ, угрожая всеобщей забастовкой; книга Нэтти сразу нашла миллионы читателей. Его разоблаченія вызвали массу подтвержденій; немедленно явились и новые обличители. Въ столицѣ и крупныхъ центрахъ произошелъ рядъ демонстрацій. Министерство пало. Даже президентъ Республики вышелъ въ отставку.

Новое правительство, не имѣя надежнаго большинства въ парламентѣ, немедленно его распустило и назначило новые выборы. Оно заявило рабочимъ, что во всемъ существенномъ согласно съ ихъ требованіями, и организовало слѣдствіе по поводу разоблаченныхъ преступленій. Было привлечено къ суду множество финансовыхъ и парламентскихъ дѣльцовъ; министръ юстиціи распорядился арестовать самого Фели Рао. Но тотъ не допустилъ этого: видя, что партія проиграна, онъ застрѣлился.

Мэнни опять было предложено помилованіе. Онъ снова отказался. Правительство не знало, что съ нимъ дѣлать, и было вынуждено ждать, пока соберется парламентъ. Къ этому времени слѣдствіе добыло уже массу матеріала; въ томъ числѣ выяснилось много относительно закулисной стороны процесса Мэнни.

Наконецъ, выборы закончились, и депутаты съѣхались. Президентомъ Республики былъ избранъ прежній министръ, поддерживавшій Мэнни. На совѣщаніи правительства съ лидерами его партіи были выработаны новыя предложенія инженеру Мэнни.

Онъ ничѣмъ не выразилъ удивленія, когда въ его камеру неожиданно явились президентъ Республики съ премьеромъ и министромъ юстиціи; онъ только съ легкой ироніей предложилъ имъ свой единственный стулъ, а самъ отошелъ и прислонился возлѣ окна. Президентъ официально заявилъ ему, что правительство, въ виду открывшихся новыхъ фактовъ, думаетъ предложить Верховному Трибуналу пересмотръ его дѣла. При этомъ, до новаго рѣшенія дѣла, онъ, Мэнни, могъ бы быть предварительно освобожденъ и предварительно возстановленъ въ своихъ правахъ. Правительство желало бы заранее знать, будетъ ли онъ удовлетворенъ такой постановкой вопроса и согласится ли на этихъ условіяхъ немедленно вступить въ выполненіе прежнихъ обязанностей.

— На этихъ условіяхъ—нѣтъ,—отвѣчалъ Мэнни.—Я не согласенъ на предварительное освобожденіе. Если будетъ назначенъ пересмотръ, я не буду участвовать въ процессѣ и ограничусь заявленіемъ, что приговоръ этого трибунала для меня нравственно безразличенъ.

— Но почему же, наконецъ,—воскликнулъ министръ юстиціи,—почему вы такъ упорно отклоняете всѣ самыя почетныя возможности, которыя вамъ предлагаются? Если это протестъ противъ несправедливости, то она сдѣлана вамъ лично, а вы сами совершаете несправедливость по отношенію къ интересамъ человѣчества! Рабочіе васъ требуютъ, все общество желаетъ вашего возвращенія, для дѣла оно необходимо, и вы все отвергаете! Чего же вы хотите?

Мэнни съ улыбкой сказалъ:

— Вы меня не совсѣмъ поняли. Я отклоняю судъ Верховнаго Трибунала, потому что считаю его первый приговоръ несправедливымъ; и, слѣдовательно, съ моей точки зрѣнія, второй приговоръ также ничего не докажетъ, кромѣ готовности судей исполнять волю правительства, въ чемъ я и не сомнѣваюсь. Я хочу пересмотра дѣла инымъ, высшимъ судомъ—судомъ Человѣчества. Чтобы сохранить во всей полнотѣ и неприкосновенности право на эту аппелляцію, я долженъ отказаться отъ всякаго компромисса, отъ всякаго

явнаго или замаскированнаго помплованія. Вотъ почему я останусь здѣсь до конца. Но я не отказываюсь работать. Я все время слѣдилъ за дѣломъ, разрабатывалъ его планы, и могу руководить имъ независимо отъ мѣста, гдѣ буду находиться,—какъ вы, господа министры, руководите республикой, большей частью не покидая своихъ бюро. Тутъ есть неудобства и трудности,—я признаю это,—но если вы хотите, чтобы я взялся за дѣло, то вамъ надо примириться съ ними.

— Вы представляете себѣ, насколько неловкимъ будетъ все это время положеніе правительства?—съ горечью сказалъ премьеръ.

— Вотъ уже больше двѣнадцати лѣтъ, какъ я нахожусь тоже въ нѣсколько неловкомъ положеніи,—возразилъ Мэнни.

— Мы подчиняемся!—сказалъ президентъ.

3. Отецъ!

Газеты нѣкоторое время волновались по поводу отказа Мэнни отъ пересмотра дѣла, но, въ концѣ-концовъ, общественное мнѣніе успокоилось на томъ, что онъ, очевидно, эксцентрикъ и, какъ великій человѣкъ, имѣетъ право быть таковымъ; было написано нѣсколько ученыхъ статей о родствѣ гениальности съ сумасшествіемъ; онѣ много читались и цитировались; а выводъ былъ тотъ, что теперь общество сдѣлало, съ своей стороны, все возможное и ни въ чемъ упрекнуть себя не можетъ. «Великій человѣкъ» отнесся ко всему этому съ великимъ равнодушіемъ и энергично велъ реформу организаціи Великихъ Работъ.

Изъ своихъ старыхъ сотрудниковъ онъ выбралъ десять опытныхъ, надежныхъ людей и разослалъ ихъ ревизорами по мѣстамъ. Имъ были даны полномочія отстранять недобросовѣстныхъ служащихъ, не стѣсняясь ихъ рангомъ, приостанавливать дѣйствіе убыточныхъ контрактовъ и подрядовъ, разбирать требованія рабочихъ, возстанавливать прежнія условія труда и прежніе порядки. Каждый ревизоръ самъ долженъ былъ подобрать себѣ помощниковъ и взять ихъ съ собою, чтобы въ случаѣ надобности замѣнять или удаляемыхъ крупныхъ агентовъ. Ревизоры принялись за дѣло какъ нельзя энергичнѣе, были неподкупны и безпощадны. Газеты «либераловъ»—

прежней партін Фели Рао—прозвали ихъ «пазачами герцога Мэнни».

Ревизовать и реформировать Центральное Управление работъ было задачей особенно важной, но и очень сложной. Мэнни сначала самъ думалъ выполнить ее, но оказалось, что тюрьма значительно стѣсняла его въ этомъ; а между тѣмъ, тутъ пужна была особенная быстрота. Тогда онъ письмомъ пригласилъ къ себѣ автора книги разоблаченій.

Когда Нэтти явился, Мэнни, предложивъ ему сѣсть, сразу спросилъ его:

— Вы—соціалистъ?

— Да,—отвѣчалъ Нэтти.

Мэнни посмотрѣлъ на него съ большимъ вниманіемъ. Впечатленіе получилось благоприятное: ясные лучистые глаза, открытое лицо, лобъ мыслителя, стройная и сильная фигура... Мэнни пожалъ плечами и про себя, вполголоса—тюрьма развила въ немъ такую привычку—произнесъ:

— Впрочемъ, Бсарма, великій ученый, тоже былъ соціалистомъ.

Потомъ, замѣтивъ свою невольную откровенность, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Въ сущности, это не касается меня. Я хотѣлъ, если это возможно, узнать отъ васъ, какими путями вы собрали весь матеріалъ своихъ разоблаченій.

Нэтти сжато рассказалъ о разныхъ связяхъ, которыми онъ воспользовался, о тѣхъ пріемахъ, иногда рискованныхъ и не вполнѣ легальныхъ, которые онъ примѣнялъ, чтобы достать документы, о содѣйствіи рабочихъ и ихъ организацій. Мэнни слушалъ съ интересомъ, спрашивалъ подробности. Нѣсколько разъ Нэтти приходилось затрогивать важные техническіе вопросы. Мэнни съ удивленіемъ убѣждался въ огромныхъ специальныхъ знаніяхъ своего молодого собесѣдника. Особенно его поражало глубокое, отчетливое пониманіе руководящихъ идей всѣхъ основныхъ плановъ системы работъ. Мало-по-малу разговоръ цѣликомъ перешелъ на эту почву.

Нэтти съ большою смѣлостью предложилъ рядъ крупныхъ измѣненій въ опубликованныхъ раньше проектахъ. Мэнни принужденъ былъ констатировать, что нѣкоторые изъ этихъ измѣненій уже были внесены имъ въ послѣдующей разработкѣ плановъ, и что

остальные заслуживаютъ, во всякомъ случаѣ, обсужденія. Глаза Мэнни сіяли; онъ съ трудомъ скрывалъ свою радость: онъ нашелъ больше, чѣмъ искалъ.

Возвращаясь къ прежнему сюжету разговора, онъ спросилъ:

— У васъ есть, вѣроятно, еще матеріалы, кромѣ тѣхъ, которые вошли въ вашу книгу?

— Да,—отвѣчалъ Нэтти,—и очень много: все то, что давало подозрѣнія и вѣроятности, но не представлялось вполне доказательнымъ. Если вы желаете, я предоставлю все это въ ваше распоряженіе.

— Очень хорошо,—сказалъ Мэнни.—А вы согласитесь взять на себя ревизію всѣхъ дѣлъ Центрального Управленія, подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ?

Такъ началась официальная карьера Нэтти.

Работа была колоссальная: приходилось разбираться за двѣнадцать лѣтъ, допрашивать сотни свидѣтелей, вести борьбу противъ хитрыхъ и опытныхъ дѣльцовъ. Но задача облегчалась энергичной поддержкой со стороны низшихъ служащихъ: сочувствіе ихъ Нэтти быстро завоевалъ непреклоннымъ противодействіемъ всякимъ попыткамъ свалить вину на стрѣлочника. Благодаря этимъ союзникамъ, дѣло шло сравнительно быстро. Время-отъ-времени Нэтти являлся къ Мэнни съ отчетомъ. Въ большой тюремной камерѣ, съ нѣсколькими столами и полками, съ массою книгъ и бумагъ на нихъ, происходило короткое совѣщаніе. Два человѣка понимали другъ-друга съ полуслова. Въ нѣсколько минутъ подводились итоги, принимались отвѣтственные рѣшенія.

Разъ Нэтти пришлось дѣлать подробный докладъ о «рабочей политикѣ» Центрального Управленія: о способахъ расхищенія заработной платы, о тайныхъ циркулярахъ, которые предписывали директорамъ на мѣстахъ, въ виду усиленія союзовъ, «усилить строгость, чтобы вызвать ихъ на открытыя выступленія, дающія законный поводъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ».

Когда Нэтти говорилъ объ этомъ, онъ весь какъ-то измѣнился отъ глубокаго сдерживаемаго негодованія: голосъ его звучалъ глухо, выраженіе лица стало суровымъ, глаза потемнѣли, между бровей появилась рѣзкая складка. Посторонняго зрителя поразило бы въ

тотъ моментъ его сходство съ Мэнни. Когда Нэтти кончилъ, Мэнни, ходившій изъ угла въ уголъ, вдругъ сказалъ:

— Странно! Вы мнѣ очень сильно кого-то напоминаете. Но кого? Можетъ быть, я встрѣчалъ вашихъ родителей?

Нэтти удивленно взглянулъ на него.

— Не думаю... Впрочемъ, своего отца я и самъ не знаю: мнѣ никогда не хотѣли назвать его. Это былъ какой-то богатый человекъ съ высокимъ положеніемъ; онъ бросилъ мою мать, даже не подозрѣвая обо мнѣ. А она—простая работница изъ Ливіи; зовутъ ее Нелла.

— Нелла!..

Это имя, какъ стонъ, вырвалось у Мэнни. Онъ поблѣднѣлъ и прислонился къ стѣнѣ. Нэтти быстро спросилъ:

— Вы ее знаете?

— Я—вашъ отецъ, Нэтти!

— Отецъ?!

Въ этомъ словѣ было только холодное изумленіе. Лицо молодого человека вновь стало суровымъ. Мэнни судорожно прижалъ руки къ груди. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Отецъ...

На этотъ разъ въ голосѣ слышалась задумчивость, усиліе понять что-то. Выраженіе Нэтти стало мягче, спокойнѣе.

— Я не знаю, что думать объ этомъ. Я спрошу у моей матери,—медленно произнесъ онъ.

— Я не знаю, что скажетъ вамъ Нелла. Но вотъ что я могу сказать вамъ. Когда мы съ ней разставались, не было ни одного слова упрека съ ея стороны. И когда я былъ осужденъ, то раздался одинъ голосъ протеста,—это былъ ея голосъ, Нэтти.

Взглядъ Нэтти сразу прояснился.

— Это правда. Я былъ тамъ.

Вновь минута задумчивости. Потомъ молодой человекъ поднялъ голову и сдѣлалъ шагъ по направленію къ Мэнни.

— Я знаю, что скажетъ мама.

Онъ протянулъ руку Мэнни, и уже сдержанной лаской прозвучало еще разъ повторенное слово:

— Отецъ!

Ч А С Т Ь ІІІ.

І. Двѣ логики.

Никакой внѣшней близости между двумя инженерами открытіе родства не вызвало. Мэнни всегда былъ замѣнутъ, а долгое одиночество еще усилило наружную его холодность; Нэтти былъ сдержанъ съ нимъ изъ осторожности. Для всѣхъ постороннихъ, съ которыми имъ приходилось работать, они оставались попрежнему начальникомъ и подчиненнымъ. Новый отбѣнокъ взаимнаго интереса и заботливости, появившійся въ ихъ отношеніяхъ, былъ замѣтенъ только имъ самимъ. Ихъ разговоры стали болѣе продолжительными, но, какъ и раньше, имѣли дѣловой характеръ. Долгое время оба старательно избѣгали высказываться по вопросамъ, въ которыхъ чувствовали коренное расхожденіе своихъ взглядовъ.

Работа шла. Реформа Центрального Управленія, вновь превращеннаго въ простое передаточное и справочное бюро, была выполнена уже настолько, что дальнѣйшее участіе Нэтти тамъ не было необходимо, а главное—не давало достаточнаго поля для его знаній и талантовъ. Мэнни хотѣлъ поручить ему объѣзды по мѣстамъ въ качествѣ полномочнаго высшаго контролера. Но тутъ надо было о многомъ столковаться. Это оказалось очень легкимъ въ предѣлахъ техническихъ вопросовъ и даже общихъ административно-финансовыхъ и совершенно инымъ, какъ только дѣло коснулось условій труда рабочихъ.

— Я предполагаю,—сказалъ Мэнни,—что вы захотите внести въ эти условія рядъ новыхъ улучшеній. Я по существу не противъ и соглашусь, вѣроятно, на многое, потому что, какъ показываетъ опытъ, и энергія и качество труда повышаются до пзвѣстнаго предѣла вмѣстѣ съ увеличеніемъ платы и сокращеніемъ рабочаго

времени. Но есть одно предварительное требованіе, которое я ставлю своему полномочному представителю: ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ вступать по этимъ вопросамъ въ официальные сношенія съ рабочими союзами.

— На это я согласиться не могу,—спокойно отвѣтилъ Нэтти.

Взглядъ Мэнни омрачился.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю. Вы сочувствуете союзамъ,—это ваше безспорное право. Они ставятъ себѣ цѣлью улучшеніе условій труда; вы могли бы теперь сами многое для этого сдѣлать. Но вы—должностное лицо и подчинены опредѣленнымъ инструкціямъ. Узнать потребности и желанія рабочихъ для васъ возможно и помимо союзовъ. Ни вы сами себя и никто другой васъ не имѣлъ бы основанія упрекнуть, что вы достигаете своей цѣли, не нарушая дисциплины. Вѣдь, у васъ нѣтъ никакого формальнаго обязательства передъ союзами.

— Обязательство—это слово вообще неподходящее тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ убѣжденіяхъ,—сказалъ Нэтти.—Я—соціалистъ и ученикъ Ксармы. Для меня, какъ и для него, рабочія организаціи—дѣйствительные представители рабочаго класса, и только онѣ одни. Я не просто сочувствую имъ, я идейно къ нимъ принадлежу, и отречься отъ нихъ, хотя бы подъ прикрытіемъ дисциплины, для меня невысказано.

— То, что вы говорите, кажется мнѣ страннымъ. Во всѣхъ нашихъ дѣловыхъ разговорахъ я привыкъ встрѣчать у васъ очень совершенную логику, точную и строгую. Тутъ она вамъ какъ-то измѣняется. Вы признаете союзы законными и даже единственными представителями рабочихъ. Но сама очевидность говоритъ, что это не такъ. Матеріально—союзы заключаютъ не большинство, а меньшинство рабочихъ. Формально—въ договоръ найма вступаютъ не они, а каждый рабочій въ отдѣльности. Откуда же тутъ привилегія союзовъ на представительство? Это—то же самое, какъ если бы въ государствѣ избирательное право было дано только меньшинству населенія, тогда какъ гражданскія обязанности каждый въ полной мѣрѣ несетъ самъ за себя. Развѣ вы признали бы такое меньшинство законнымъ и единственнымъ представительствомъ народа? Развѣ вы, соціалисты, не демократы?

— Вы были бы правы, если бы рабочий классъ былъ случайнымъ и разношерстнымъ собраніемъ безразличныхъ другъ для друга людей, какимъ является современное государство въ его законахъ. Но рабочий классъ вовсе не то. Въ чемъ основа и сущность жизни работника? Въ его трудѣ,—не такъ ли? А въ своемъ трудѣ существуетъ ли онъ отдѣльно, самъ по себѣ? Отнюдь нѣтъ. Если бы его вырвать изъ великаго сотрудничества милліоновъ людей и цѣли поколѣній, онъ сразу превратился бы въ ничто. Исчезла бы и самая задача труда и рабочая сила. Тѣ цѣли, которыя теперь ставятся усилимъ человѣка, всѣ таковы, что предполагають уже сотрудничество въ гигантскихъ размѣрахъ: проводить желѣзную дорогу, каналъ, строить машину, производить массу пряжи или ткани, добывать горы угля—какой смыслъ имѣло бы все это, если бы дѣло шло объ отдѣльномъ работникѣ безъ тѣхъ, съ которыми сообща онъ выполняетъ такія колоссальныя задачи, и безъ тѣхъ, для кого онъ выполняется? А его рабочая сила,—чего она стоитъ безъ орудій, безъ технического знанія, безъ тѣхъ жизненныхъ средствъ, которыми она поддерживается? Орудія сдѣланы другими работниками, это ихъ прошлый трудъ, который входитъ въ потокъ живого труда, безконечно усиливая его могущество. Знанія накоплены жизнью предыдущихъ поколѣній, это ихъ трудовой опытъ, который сталъ основнымъ и необходимымъ орудіемъ всякой работы. Пища, одежда, жилище создаются для работника другими, ему подобными, которыхъ онъ даже не знаетъ. Отнимите все это,—что отъ него останется? Какъ рабочий онъ существуетъ, онъ реаленъ только въ сотрудничествѣ, въ трудовомъ единеніи безчисленныхъ человѣческихъ личностей, живыхъ и мертвыхъ.

— Очень хорошо. Раздѣленіе труда, обмѣнъ услугъ—вещи несомнѣнныя, важныя. Но онѣ, какъ показываютъ факты, вполне возможны и безъ рабочихъ организацій. Какимъ же логическимъ путемъ получился вашъ выводъ?

— Путемъ различенія того, что сознательно и что бессознательно. Назовете ли вы человѣкомъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, существо, не сознающее себя самого, своего отношенія къ другимъ людямъ, своего мѣста въ природѣ? Пусть у него есть человѣческій образъ; но къ человѣчеству оно все-таки еще не будетъ принадлежать. Такъ и для меня еще не принадлежитъ къ рабочему

классу работникъ, который не сознаетъ того, что есть его сущность, какъ работника: своей неразрывной связи съ другими, ему подобными, своего мѣста въ системѣ труда, въ обществѣ. Но если онъ понимаетъ или хотя бы чувствуетъ все это,—онъ неизбежно объединяется съ другими работниками. Если онъ можетъ и предпочитаетъ жить только самъ за себя, жизнью инимо-отдѣльной, мнимо-самостоятельной единицы, то онъ, какъ работникъ, существо не сознательное, не членъ и не представитель своего класса, хотя бы такихъ, какъ онъ, было подавляющее большинство.

— А не софизмъ ли все это? Рабочій объединенъ съ другими въ трудѣ. Прекрасно. Но рабочіе союзы какъ-разъ такимъ объединеніемъ и не занимаются: оно устраивается помимо нихъ. Занимаются же они, главнымъ образомъ, условіями найма; а теперь еще начинаютъ заниматься политическими вопросами. Между тѣмъ, и въ договорѣ найма и въ своей роли гражданина рабочій остается самъ по себѣ: для себя лично получаетъ заработную плату, по своимъ личнымъ убѣжденіямъ подаетъ голосъ на выборахъ. Гдѣ же логическая связь между единствомъ труда и тѣмъ значеніемъ, которое для васъ имѣютъ союзы?

— Эта связь лежитъ въ логикѣ жизни, въ логикѣ сознанія, которое стремится сдѣлать жизнь цѣльной и стройной. Единство труда, которое дается работникамъ извнѣ, которое для нихъ устраивается другими, есть еще только механическое, бессознательное единство, въ родѣ того, которое связываетъ части сложной машины. Съ пластинками и винтами машины не считаются,—ихъ только считаютъ. Таково отношеніе господствующихъ классовъ къ рабочимъ; оно законно и справедливо, пока рабочій живетъ самъ за себя и для себя; ибо тогда онъ безсиленъ. Сила человѣка—въ его послѣдовательности и вѣрности себѣ, въ соотвѣтствіи всѣхъ сторонъ его жизни: его труда, его мысли, его отношеній къ другимъ людямъ. Если работникъ въ трудѣ составляетъ одно со всѣми работниками, а въ отношеніяхъ къ нанимателямъ и государству, въ остальной практикѣ жизни и въ мысленіи отдѣляетъ себя отъ нихъ, то у него нѣтъ единого принципа, нѣтъ сознанія своей сущности, нѣтъ сознанія самой дѣйствительности. Ибо вовсе невѣрно, будто онъ самъ за себя имѣетъ дѣло съ нанимателемъ, самъ себя опредѣляетъ въ политикѣ. Условія труда, которыя будутъ ему поставлены и которыя онъ дол-

жизнь будетъ принять, зависить всецѣло отъ того, больше или меньше другихъ работниковъ конкурируетъ съ нимъ, и каковы они по своему уровню привычекъ, по интеллигентности, по энергіи въ борьбѣ за свои интересы. Въ политикѣ, гдѣ борются коллективныя силы, создавая сложнѣйшія соотношенія, онъ не можетъ разобраться индивидуально; и если онъ не сдѣлаетъ этого въ единеніи съ другими работниками, то онъ—игрушка случайной агитаціи, живыхъ общаній, мелкихъ и нерѣдко враждебныхъ его интересамъ влияній. Онъ—матеріалъ для воздѣйствій, орудіе для чужихъ цѣлей, а не сознательное существо.

— И все-таки изъ этого никакъ не получается, чтобы союзное меньшинство было законнымъ представителемъ виѣсоюзнаго большинства!

— Я и не говорилъ этого. Сознательное меньшинство—представитель не безсознательнаго большинства, а цѣлаго, представитель класса. Такъ и человѣкъ вообще—не представитель остальныхъ организмовъ нашей планеты, но онъ въ полной мѣрѣ представитель жизни на ней, потому что въ немъ эта жизнь пришла къ сознанию себя.

— Я пробую сейчасъ примѣнить ваши соображенія къ себѣ,—насмѣшливо замѣтилъ Мэнни,—и выводъ получается для меня самый печальный. Я, несомнѣнно, ничего не могъ бы сдѣлать безъ тѣхъ милліоновъ работниковъ, руками которыхъ выполняются мои планы. Но у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія объединяться съ ними, скорѣе, наоборотъ,—я склоненъ противопоставлять себя имъ. Слѣдовательно, я—какъ нельзя болѣе безсознательное существо. Это лестно!

Нэтти засмѣялся.

— Вы обладаете и инымъ сознаниемъ, и въ своемъ родѣ очень совершеннымъ. Это—сознаніе того класса, который предшествовалъ пролетаріату, который проложилъ ему путь и продолжаетъ по-своему, правда, безъ особенной мягкости, воспитывать его. Тотъ классъ шелъ впередъ черезъ борьбу человѣка съ человѣкомъ, черезъ войну всѣхъ противъ всѣхъ; и онъ не могъ иначе: историческая задача состояла въ томъ, чтобы создать человѣческую личность, существо активное и полное вѣры въ себя, чтобы выдѣлить ее изъ человѣческаго стада феодальной эпохи. Но это сдѣлано; и въ рабочемъ классѣ

вплотняется уже другая задача. Дѣло идетъ о томъ, чтобы собрать эти активные атомы, связать ихъ высшей связью, ихъ стихійно-противорѣчивое сотрудничество сдѣлать гармонически-стройнымъ, слить ихъ въ единомъ разумномъ организмѣ человѣчества. Таковъ смыслъ новаго сознанія, начало, котораго—въ рабочихъ организаціяхъ.

— Берегитесь, вы впадаете въ опасную метафизику. Для васъ эти классы, это будущее человѣчество уже стали настоящими живыми существами, съ особой, фантастической жизнью...

— Почему фантастической? Она реальна, она гораздо шире и сложнѣе, чѣмъ простая груда личныхъ жизней, чѣмъ хаосъ разрозненныхъ сознаній. А понятіе о живомъ существѣ измѣняется, оно различно въ разныя эпохи. Если бы нашимъ предкамъ, даже самымъ ученымъ, нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ сказали, что человѣкъ есть колонія изъ 50—100 триллионовъ неувидимо-малыхъ живыхъ существъ, развѣ это не показалось бы самой странной метафизикой?

— И въ такія существа, подобныя клѣткамъ, вы хотите, повидимому, превратить человѣческія личности?

— Нѣтъ, этого мы не хотимъ. Клѣтки организма не сознаютъ того цѣлаго, къ которому принадлежать; скорѣе съ ними сходенъ, поэтому, современный типъ личности. Мы же стремимся именно къ тому, чтобы человѣкъ вполне созналъ себя, какъ элементъ великаго трудового цѣлаго.

— Мэнни всталъ и нѣсколько минутъ молча ходилъ по комнатѣ; затѣмъ остановился и сказалъ:

— Очевидно, что такое обсужденіе ни къ чему насъ не приведетъ. Какъ же намъ поступить? Согласитесь ли вы раздѣлить полномочія съ другимъ помощникомъ такъ, чтобы вамъ принадлежалъ весь техническій контроль, а ему административный?

Онъ нѣсколько тревожно взглянулъ на собесѣдника.

— Очень охотно,—отвѣчалъ тотъ,—это всего удобнѣе.

— Благодарю васъ,—произнесъ Мэнни.—Я опасался отказа.

— Напрасно,—возразилъ Нэтти.—Административныя полномочія поставили бы меня въ трудное, скользкое положеніе. Быть официальнымъ представителемъ одной стороны и по всѣмъ симпатіямъ, по всѣмъ интересамъ принадлежать къ другой сторонѣ, это—такая

двойственность, при которой нелегко, может быть, даже невозможно сохранить равновѣсіе. Быть вѣрнымъ себѣ, удержатъ ясную цѣльность сознанія—для этого надо избѣгать противорѣчивыхъ ролей.

— Мэнни задумался и послѣ короткаго молчанія сказалъ:

— Вы послѣдовательны въ вашей своеобразной логикѣ; этого за вами отрицать нельзя.

2. Арри.

Вернувшись домой, Нэтти, по своему обыкновенію, рассказалъ весь разговоръ Нэллѣ. У нея въ это время былъ Арри. Когда Нэтти ушелъ на нѣсколько минутъ, вызванный по дѣлу, оставшіеся обмѣнялись серьезнымъ взглядомъ.

— То, что онъ говорить, очень важно,—сказалъ Арри.— Это, конечно, только начало; дальше будетъ больше. Надо подумать и обсудить.

— Да,—отвѣтила Нелла.— Приходи ко мнѣ завтра утромъ; его въ это время не будетъ дома.

На другой день Арри пришелъ измученный и мрачный. Онъ какъ-будто постарѣлъ за ночь; но глаза его сверкали страннымъ блескомъ.

— Я много думалъ, Нелла. Это были невеселыя мысли; но въ томъ, къ чему онѣ меня привели, я увѣренъ вполне. Мэнни и Нэтти—враги по самой природѣ; сейчасъ они оба рады уклониться отъ борьбы; но это не надолго. Какъ бы они ни старались, жизнь ихъ столкнетъ, и столкнетъ жестоко. Они очень любятъ и глубоко уважаютъ другъ друга; отъ этого только еще мучительнѣе будетъ конфликтъ. Первая большая стачка на работахъ, и удержатъ миръ невозможно; а если не то, такъ другое. Сами собой вокругъ нихъ соберутся враждебныя силы и вынудятъ ихъ на борьбу, которой они не хотятъ. Я вижу, тебѣ больно слышать все это; но вѣдь это правда, Нелла!

— Это правда,—тихо сказала она.— Я сама думала то же.

— А каковъ будетъ исходъ, Нелла? Около Мэнни сплотятся всѣ силы прошлаго, лучшія и худшія; около Нэтти—только зарождающіяся силы будущаго. Старый орецъ окажется сильнѣе нашего

юнаго сокола и помѣшаетъ ему свободно развернуть крылья. Если Нэтти и не погибнетъ въ этой борьбѣ, то его жизнь, его энергія будетъ подорвана, а наше великое дѣло потерпитъ тяжелый уронъ. Надо не допустить этого, Нэлла!

— Но какъ? и возможно ли?—спросила она.—Я много искала, я не нахожу способа.

— Способъ одинъ, Нэлла: Мэнни долженъ уступить, уйти съ поля. Надо заставить его отойти въ сторону. Это кажется невыносимо. Но есть одна возможность; ее необходимо испытать...

Онъ остановился и опустил голову, какъ-будто собираясь съ силами. Нэлла, взволнованная, быстро подошла къ нему и схватила его за руки.

— Какая возможность? Скажи! Ты не рѣшаешься? Это что-то очень тяжелое... Но говори же!

— Нэлла, это, правда, тяжело. Но—слушай меня внимательно. Я думаю, что есть сила, которая можетъ побѣдить Мэнни, свернуть его съ пути. Это—любовь. И есть человѣкъ, способный вызвать эту силу: ты, Нэлла!

Она выпустила его руки и сдѣлала шагъ назадъ.

— Что ты говоришь, Арри!

— Я говорю вполне обдуманно, и ты можешь мнѣ вѣрить, Нэлла: ты знаешь, что мое чувство къ тебѣ никогда не было просто братскимъ; и только глубокое убѣжденіе, что иначе нельзя, заставляетъ меня предлагать тебѣ то, въ чемъ я вижу послѣднюю возможность... Ты и теперь красавица, Нэлла: время безсильно надъ тобою. Ты сохранила свой чудный голосъ, который непреодолимо проникаетъ въ сердце. Ты поразишь Мэнни, когда онъ увидитъ тебя... Ты для него—поэзія прошлаго, и еще больше: мать и вдохновительница Нэтти въ его борьбѣ, которая возвратила Мэнни работу и власть. Этотъ человѣкъ не знаетъ настоящей любви въ своей молодости и много лѣтъ провелъ въ одиночествѣ... Когда онъ полюбитъ, это будетъ сильнѣе его...

Глухо и прерывисто звучалъ голосъ Арри. Нэлла сѣла, склонила голову и закрыла лицо руками.

— Я не знаю, возможно ли это. Но это унижительно, Арри!

— Ты—мать. Для матери все возможно, и ничто не унижительно.

Она подняла голову.

— Я не очень вѣрю. И... надо подождать, Арри. Я предчувствую, что тутъ будетъ что-то новое, чего мы не предвидимъ.

Въ это же самое время Мэнни, одинъ, нервно ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ ожидалъ Нэтти, чтобы дать ему послѣднія инструкціи передъ поѣздкой; онъ испытывалъ странное волненіе и, самъ не замѣчая, думалъ вслухъ.

«...Я не увижу его нѣсколько мѣсяцевъ...Какъ я къ нему привязался... У меня сжимается сердце... Ребяческая сентиментальность!.. Мнѣ будетъ не хватать его, и будетъ темнѣе... У него лучистые глаза. Это глаза Нэллы...».

Онъ остановился и глубоко задумался.

Послышались шаги въ коридорѣ, стукъ въ дверь. Вошелъ Нэтти. Начался дѣловыи разговоръ. Когда они обо всемъ условились, и Нэтти собрался уходить, Мэнни, послѣ секунды колебанія, остановилъ его.

— Я хотѣлъ спросить васъ о другомъ. У васъ есть портретъ Нэллы?

— Есть и со мной. Я взялъ его, потому что уѣзжаю вечеромъ. Вотъ онъ.

Мэнни съ изумленіемъ смотрѣлъ на портретъ.

— Это—послѣдній?—спросилъ онъ.

— Да, онъ снятъ совсѣмъ недавно.

И немного подумавши, Нэтти прибавилъ:

— Если хотите, я оставлю его вамъ. У меня есть другой.

3. Глубже и глубже.

Поѣздка Нэтти вышла продолжительнѣе, чѣмъ предполагалась. Онъ уѣхалъ въ началѣ осени, а вернулся уже весной—черезъ годъ по земному счету. Ошибки и безпорядокъ, внесенные въ технику работъ за эпоху управленія хищниковъ, оказалось не такъ легко исправить, какъ думали сначала новые руководители. Хотя Нэтти за время путешествія присылалъ точные, сжатые доклады о томъ, что онъ нашелъ на мѣстахъ и что предпринималъ, но ему пришлось дать еще подробный словесный отчетъ, который занялъ у нихъ съ

Мэнни не одинъ день. Эти долгія бесѣды часто отклонялись отъ чисто дѣловыхъ вопросовъ, превращались въ обмѣнъ мыслями, оцѣнками, отдаленными планами. Разлука словно сблизила отца съ сыномъ, ослабивъ ихъ взаимную сдержанность; такъ нерѣдко бываетъ между натурами, обладающими дѣйствительнымъ внутреннимъ родствомъ.

Въ концѣ своей поѣздки Нэтти присутствовалъ, какъ представитель Управленія работъ, на торжественномъ открытіи только что оконченнаго канала Амброзія. Впечатлѣнія были еще ярки въ памяти молодого инженера, когда онъ рассказывать объ этомъ Мэнни.

— Мнѣ хотѣлось бы быть поэтомъ, чтобы передать вамъ все, что я пережилъ въ тотъ день. Я стоялъ, вмѣстѣ съ другими инженерами, на высотѣ дуги моста, перекинутого черезъ каналъ надъ его шлюзами. По одну сторону уходило въ безконечность стальное зеркало Южнаго Океана, по другую—темнѣло внизу, направляясь черезъ равнину къ горизонту, сначала широкой, потомъ все болѣе узкой полосой, уже готовое русло еще не рожденной гигантской рѣки. Сотни тысячъ народа, въ праздничныхъ нарядахъ и съ возбужденными лицами, волнами разливались по набережнымъ; а дальше въ обѣ стороны раскидывались красивыя зданія и сады города, котораго не было пятнадцать лѣтъ тому назадъ; и еще дальше—лѣсъ кораблей въ двухъ внутреннихъ бассейнахъ, куда они скрылись отъ опасности погибнуть въ первомъ порывѣ воды по новому пути. Съ золотыми лучами солнца среди прозрачнаго воздуха переплелись радость и ожиданіе, все окутывая и все соединяя невидимой эфирно-нѣжной тканью. На одно мновенье эта ткань какъ-будто разорвалась: отрядъ войскъ сѣрой лентой, съ холоднымъ блескомъ и рѣзкимъ звяканьемъ оружія, раздѣлилъ пеструю толпу; кровавыя и черныя воспоминанія нахлынули массой, угрожая затопить красоту минуты. Но сѣрая змѣя была на этотъ разъ безопасна, тяжелые призраки пропалаго расплылись туманомъ и исчезли передъ сіяющей дѣйствительностью...

— Раздался сигнальный выстрѣлъ, и моя рука прижала рычагъ электрическаго механизма шлюзовъ. Мнѣ показалось, что все замерло въ неподвижности... но это была, конечно, иллюзія. На спокойной поверхности моря вдругъ образовалась долина, которая рѣзко углублялась къ мосту. Всѣ прежніе звуки сразу потонули въ гулѣ

и шумъ оглушающаго водопада. Затѣмъ шумъ понизился настолько, что среди него всплыли восторженные клики тысячъ людей. Мутная масса воды, клубясь и пѣнясь, со страшной быстротой неслась къ сѣверу по руслу канала.—Великое событіе совершилось: начало новому расцвѣту жизни было положено. Какое торжество объединенныхъ человѣческихъ усилій, всепобѣждающаго труда!

— Странно! задумчиво замѣтить Мэнни.—Какъ своеобразно все переводится въ вашей головѣ... Тамъ, гдѣ, мнѣ кажется, сама очевидность говорить о торжествѣ идеи, вы видите торжество труда.

— Но это одно и то же,—сказалъ Нэтти.

— Не понимаю,—все съ той же задумчивостью, какъ-будто размышляя вслухъ, продолжалъ Мэнни.—Я думаю, что знаю, что такое идея, и что такое—усиліе, трудъ. Я уже не говорю о томъ объединенномъ трудѣ человѣческой массы, который для васъ какимъ-то образомъ заслоняетъ все, а для меня—просто механическая сила, съ удобствомъ и съ пользой замѣняемая работою машинъ. Но даже интеллектуальный трудъ сознательной личности... Я всегда служилъ идеѣ и всегда господствовалъ надъ своимъ усиліемъ. Оно—лишь средство, она—высшая цѣль. Идея больше, чѣмъ сами люди и все, что имъ принадлежитъ; она не зависитъ отъ нихъ, они подчиняются ей. Для меня это несомнѣнно, какъ то, что я въ полной мѣрѣ испыталъ. Нѣсколько разъ въ моей жизни мнѣ случалось овладѣть идеей, раскрыть истину—цѣною напряженной и долгой работы, мучительной борьбы съ тайною... И когда наступалъ этотъ моментъ, все пережитое сразу исчезало передъ сіяющимъ величіемъ найденнаго; и даже самъ я какъ будто переставалъ существовать. За покрываломъ, сорваннымъ моей мыслью и волей, выступало то великое, необходимое, чего не въ силахъ было бы измѣнить все человѣчество, хотя бы оно объединило для того всю свою энергію: развѣ оно можетъ сдѣлать такъ, чтобы эта идея перестала быть истиной? И если оно не захочетъ признать ее, если откажется слѣдовать ей, она ли пострадаетъ отъ того? Пусть даже исчезнетъ человѣчество—истина останется тѣмъ, что она есть. Нѣтъ, не надо унижать идею! Нужны усилія, чтобы отыскать путь къ ней, нуженъ часто грубый трудъ, чтобы осуществить ея велѣніе. Но эти средства безконечно далеки отъ ея высшей природы.

— Я тоже вовсе не хочу унижать идею. Я только иначе понимаю ее природу, ее отношение к труду. Вы правы, что идея выше отдельного человека, что она ему не принадлежит, что она господствует над ним. Но посмотрите, вы не сказали, в чем же состоит ее высшее существо; а, вѣдь, тутъ и должно лежать рѣшеніе вопроса.

— Не совсѣмъ понимаю, чего вы требуете. Высшая сущность идеи заключается в ее логической природѣ; развѣ это не ясно для всякаго, кто живетъ идейной жизнью? Или вамъ этого недостаточно, и вы хотите чего-то другого, большаго?

— Да, этого недостаточно, потому что это—мнимый отвѣтъ. Существо идеи—логическое, это все равно, что сказать: идея есть нѣчто идеальное,—или просто: идея есть идея. Объ ее природѣ послѣ этого отвѣта человекъ знаетъ ровно столько же, сколько и до него. Въ наукѣ вы не удовлетворились бы этимъ; тамъ для васъ мало знать, что воздухъ есть воздухъ и вода есть вода; вы потребуете ихъ анализа.

— Не думаю, чтобы ваше сравненіе было правильно. Но, во всякомъ случаѣ, если бы было возможно произвести физическій и химическій анализъ природы идей, подобный изслѣдованію воздуха или воды, я первый былъ бы радъ этому. Но не мечта ли это?

— Не настолько, какъ вамъ должно казаться. Не химическій, конечно, а жизненный анализъ природы идей вполне возможенъ. Ксарма началъ его, но не докончилъ, и остался непонятымъ... Я продолжалъ дѣло...

— И вамъ удалось?

— Я думаю, что да.

— Расскажите тогда ваши выводы... если надѣетесь, что я пойму васъ. Не примите эту оговорку за иронию; я просто убѣдился, что въ нѣкоторыхъ вещахъ у насъ какъ-будто разная логика. Я не предпрѣшаю вопроса, которая правильна...

— Хорошо. Но тогда намъ надо на время покинуть логическое царство отвлеченности и взять идею въ самой жизни. Вотъ, наши предки тысячу лѣтъ боролись за идею свободы. Это, безъ сомнѣнія, одна изъ величайшихъ идей человечества. Когда я читалъ исторію и старался проникнуть въ душу тѣхъ далекихъ поколѣній, для меня стало ясно, изъ чего возникла и выросла идея свободы. Милліоны

людей жили въ рамкахъ, которыя становились для нихъ все болѣе тѣсными. На каждомъ шагѣ ихъ трудъ, ихъ усилія, ихъ стремленіе развернуться, зарождавшаяся въ ихъ головахъ творческая работа наталкивались на какую-то стѣну, встрѣчали подавлявшее ихъ сопротивленіе и замирали въ безспіи; затѣмъ возобновлялись, чтобы испытать ту же судьбу. Такъ погибали безплодно міриады человѣческихъ усилій въ ихъ разрозненности; была боль, но не было идеи. Изъ боли рождались новыя усилія, такія же смутныя, но болѣе напряженныя и еще болѣе многочисленныя. Мало-по-малу, они начали соединяться и пріобрѣтать общее направленіе; сливаясь, они образовывали все болѣе могучій потокъ, устремлявшійся противъ старыхъ преградъ. Это и была идея свободы: единство человѣческихъ усилій въ жизненной борьбѣ. Было найдено слово «свобода»; само по себѣ оно было бы не лучше и не хуже другихъ словъ; но оно стало знаменемъ объединенныхъ усилій; такъ въ прежнія времена для армій обыкновенные куски матеріи служили выраженіемъ единства боевыхъ силъ. Отнимите слово «свобода» — останется потокъ усилій, но не будетъ сознаваться его общее направленіе, его единство. Отнимите эти усилія — отъ идеи ничего не останется. И такова же всякая другая идея. Чѣмъ грандіознѣе потокъ объединенныхъ усилій, тѣмъ величественнѣе, тѣмъ выше идея, — тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе передъ нею отдѣльный человекъ, тѣмъ для него естественнѣе служить, подчиняться ей. Пусть люди сами не сознавали, почему для нихъ радостно было бороться и даже умирать за идею свободы; ихъ чувство было яснѣе и глубже ихъ мысли: для человека нѣтъ большаго счастья, какъ быть живой частицей могучаго, всепобѣждающаго порыва. Такимъ порывомъ человѣчества была идея свободы.

— Значитъ, если бы не было деспотизма, гнета, произвола, то не было бы идеи свободы, потому что не было бы объединенія усилій, чтобы преодолѣть ихъ?

— Конечно, да. Въ ней не могло бы быть живого смысла; какая же это была бы идея?

— Я не стану спорить съ вами, я хочу только полнѣе понять васъ. Идея свободы въ исторіи была боевой; возможно, что она выросла въ массахъ. Но примѣнимъ ли вашъ выводъ къ другимъ идеямъ, которыя не таковы? Мнѣ кажется, что именно этотъ выбран-

ный вами примѣръ привелъ васъ къ вашему выводу; а если бы вы взяли не его, то получилось бы иное.

— Что же, возьмемъ другой. Вотъ самая близкая для васъ идея—планъ Великихъ Работъ. Въ ней заключено гораздо больше, чѣмъ это кажется безъ изслѣдованій вамъ самому, ея автору. Уже не разъ въ прошломъ человѣчествѣ становилось тѣсно на поверхности нашей планеты, даже въ тѣ времена, когда оно было очень малочисленно, но не умѣло брать у природы всего того, что берется теперь; за послѣдніе вѣка все труднѣе становилось преодолѣть эту тѣсноту. Трудъ человѣчества, стремясь расширить свое поле, постоянно разбивался о границы великихъ пустынь. Тамъ безчисленные возникавшіе усилія подавлялись суровою властью стихій, оставляя за собой неудовлетворенность и мечту; а мечта—это не что иное, какъ усиліе, побужденное въ дѣйствительности и ушедшее отъ нея въ область фантазій. Но были и не безплодные попытки: мѣстами труду удавалось отвоевать клочки пустыни, проводя воду туда, гдѣ ее не было. Были и другія попытки: неудовлетворенное усиліе не превращалось въ простую мечту, а принимало, переходя отъ людей труда къ людямъ знанія, новую форму—стремленія изслѣдовать. Отважные путешественники проходили пустыни изъ конца въ конецъ, измѣряли и описывали ихъ, безъ счета растрачивали свою энергію; возвращаясь, они приносили съ собою то, что казалось практически бесполезнымъ, чистымъ знаніемъ о мертвыхъ на вѣки пескахъ и равнинахъ, но что было на самомъ дѣлѣ кристаллизированнымъ усиліемъ пионеровъ-развѣдчиковъ для будущей войны съ царствомъ Безжизненнаго. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше умножались попытки, напряженнѣе становились стремленія, полнѣе и точнѣе изслѣдованія... Сдавленная активность вѣковъ искала выхода. И вотъ, нашедся человѣкъ съ душой достаточно широкой и глубокой, чтобы бессознательно объединить и слить въ ней всѣ эти различные элементы усилій человѣчества: со смѣлостью прежней мечты охватить трудовую задачу во всемъ ея гигантскомъ объемѣ, внести въ ея рѣшеніе всю накопленную прошлыми изслѣдованіями энергію знанія, примѣнить къ ней всѣ приемы, выработанные научной техникой эпохи машинъ. Тогда изъ разрозненныхъ прежде элементовъ получилось живое, стройное цѣлое, и оно было—идея Великихъ Работъ. Ея концентрированная сила смогла объединить вокругъ нея

новую массу труда, работу миллионовъ исполнителей. Такъ совершилось то, къ чему ошупью стремились многія и многія поколѣнія.

— Яркая, но странная картина,—задумчиво замѣтилъ Мэнни.

— Это вѣрная картина, не сомнѣвайтесь въ этомъ,—продолжалъ Нэтти.—Вы, вѣроятно, не знаете, что триста лѣтъ тому назадъ одинъ, давно забытый теперь, утопистъ, во времена долгаго и тяжелаго кризиса земледѣлія, изобразилъ въ видѣ пророческой соціальной мечты нѣчто очень близкое къ вашему плану. Мнѣ указалъ на эту книгу молодой историкъ, изучавшій ту эпоху. Утопія выражаетъ стремленія, которыя не могутъ реализоваться, усилія, которыя ниже сопротивленій. Теперь они выросли и стали планомѣрнымъ трудомъ, преодолюющимъ тѣ сопротивленія; для этого имъ надо было слиться въ единствѣ идеи. Вотъ почему для меня торжество объединеннаго труда и торжество идеи—одно и то же... Я могъ бы даже сказать—ваше торжество, и это не было бы невѣрно: вы не открыли, не нашли свою идею, какъ это вамъ кажется; вы создали ее изъ того, что еще не было идеей. Человѣкъ—творческое существо, Мэнни.

— Человѣкъ ли? Это, скорѣе, какой-то резервуаръ общихъ усилій,—шутливо возразилъ Мэнни, чтобы скрыть невольное волненіе, которое въ немъ вызывала такая оцѣнка въ устахъ всегда сдержаннаго съ нимъ Нэтти.

Тотъ понялъ это и не отвѣтилъ на шутку. Наступило короткое молчаніе, которое вновь прервалъ Мэнни.

— То, что вы говорите, если бы и было вѣрно, могло бы относиться только къ практическимъ идеямъ. Но, вѣдь, есть и чисто теоретическія, созерцательныя идеи, хотя бы въ математикѣ, въ логикѣ. Съ ними вашъ анализъ врядъ ли удался бы.

— Нѣтъ идей чисто теоретическихъ. Тѣ, которыя ими кажутся, только общѣе и шире другихъ. Развѣ не на математикѣ построена вся организація работы въ инженерномъ дѣлѣ и даже вообще въ машинномъ производствѣ? Развѣ ваши планы и ихъ осуществленіе были бы возможны безъ сотенъ тысячъ математическихъ вычисленій? А что касается логики, то весь ея жизненный смыслъ именно въ томъ, чтобы дать людямъ возможность сталкиваться между собою, то-есть объединять съ успѣхомъ свои усилія въ трудѣ или въ изслѣдованіи.

— Затѣмъ, если всякая идея сводится къ объединенію усилій— то гдѣ же разница между истиной и заблужденіемъ?

— Эта разница въ ихъ результатахъ. Объединеніе усилій можетъ быть такимъ, что оно ведетъ къ достиженію ихъ цѣли, тогда оно— истина; и оно можетъ быть такимъ, что ведетъ къ ихъ растратѣ, крушенію; тогда оно— заблужденіе. Идея свободы была истиной потому, что вела человѣчество къ побѣдѣ, къ расцвѣту жизни, которая есть конечная цѣль всякаго труда. Математическія формулы— истины потому, что даютъ надежное орудіе успѣха въ борьбѣ со стихіями. Заблужденіе само себя опровергаетъ, приводя усилія къ неудачѣ.

— Ну, а если цѣль вполне достигнута, что же тогда дальше ея истиной? Усиліямъ, которыя ею объединялись, приходитъ конецъ...

— И ей тоже. Человѣчество идетъ дальше, ставитъ новыя цѣли; а она умираетъ. Когда окончательно исчезнутъ преступленія, умретъ идея правосудія. Когда жизнь и развитіе людей совершенно не будутъ стѣснены никакимъ гнетомъ, тогда отживетъ идея свободы. Онѣ рождаются и борются за свою жизнь и погибаютъ. Часто одна убиваетъ другую, какъ свобода убиваетъ авторитетъ, научная мысль— религіозную, новая теорія— старую.

— Триста лѣтъ тому назадъ великій ученый установилъ вѣчность матеріи. Это была истина и одна изъ величайшихъ. Человѣческая активность, чтобы овладѣть веществомъ, подчинить его себѣ, отыскиваетъ его всюду, гдѣ оно исчезаетъ изъ глазъ, прослѣживаетъ его во всѣхъ превращеніяхъ: таковъ смыслъ этой идеи, давшей безчисленные плоды во всѣхъ областяхъ труда и познанія. А теперь, вы знаете, выступаетъ все настойчивѣе новая идея,— что матерія разрушается и, значитъ, когда-нибудь возникла или возникаетъ. Когда эта истина созрѣетъ, она будетъ выражать высшую степень власти труда надъ веществомъ, господство надъ самой внутренней жизнью матеріи. Тогда умретъ старая идея, сдѣлавши свое дѣло. И то же будетъ со всякой другой, потому что человѣчество не остановится на своемъ пути.

Мѣenni съ закрытыми глазами откинулся на спинку стула. Нѣсколько минутъ онъ думалъ такъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Я знаю, что вы больше меня изучали то, о чемъ говорите, и для меня несомнѣнно, что у васъ хорошая, свѣтлая голова. Всѣ

ваши слова просты, ясны; но все-таки ваши мысли мнѣ странны и непонятны. Меня словно отдѣляетъ отъ нихъ какая-то темная завѣса... Моментами—только моментами—эта завѣса какъ-будто разрывается, и мнѣ кажется, что я вижу черезъ нее отблескъ далекой истины. Но затѣмъ все погружается снова въ тотъ же мракъ. Бываютъ другія мгновенья, когда во мнѣ вспыхиваетъ враждебное чувство, точно вы хотите разрушить что-то священное для меня, самое дорогое; но быстро является сознаніе несправедливости этого чувства. Въ общемъ, ваши взгляды представляются мнѣ какой-то поэзіей труда, которой вы хотите дополнить или, можетъ быть, даже замѣнить строгую науку. На это я, конечно, никогда согласиться не могу. Но у меня нѣтъ желанія спорить; я понимаю, что это было бы бесплодно. У васъ на все будетъ отвѣтъ, но неубѣдительный для меня, потому что основанный на чуждой мнѣ логикѣ. И въ то же время мнѣ глубоко интересно все, что касается вашихъ мыслей и вашей жизни... Разскажите мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Нэтти.

4. Враги и союзники.

Нѣкоторое время позиція Мэнни казалась недоступною никакой атакѣ. Послѣ разоблаченія враговъ и гибели ихъ, по-своему гениальнаго, руководителя, призванный ко власти по требованію самихъ рабочихъ и общественнаго мнѣнія, утвержденный въ своихъ правахъ единогласнымъ постановленіемъ парламента, онъ, при поддержкѣ старыхъ сотрудниковъ и Нэтти, въ короткое время достигъ необыкновенныхъ успѣховъ. Гигантское дѣло, приходившее въ упадокъ, было восстановлено и шло, какъ по рельсамъ; часть расхищеннаго при Фели Рао—нѣсколько милліардовъ—была уже возвращена путемъ судебныхъ конфискацій; продолжавшійся рядъ разслѣдованій и судебныхъ процессовъ долженъ былъ вернуть еще значительную долю остального; создавался, такимъ образомъ, колоссальный фондъ для расширенія и развитія работъ. Но, несмотря на все это, въ общественной атмосферѣ было что-то странное, неопредѣленно-гнетущее. Это было особенно замѣтно на широкой, демократической прессѣ. Когда-то раньше, въ эпоху первыхъ успѣховъ Мэнни, она восторженно привѣтствовала и горячо комментировала

каждую его побѣду; теперь въ ней господствовалъ словно общій заговоръ молчанія. Газеты сообщали—и то лишь въ предѣлахъ необходимаго—о событіяхъ, касавшихся Великихъ Работъ и ихъ организаціи, но систематически воздерживались отъ оцѣнокъ и даже отъ поясненій; онѣ предпочитали заниматься другими вещами. И это отнюдь не было результатомъ только подкупа со стороны старыхъ финансистовъ и вообще ихъ вліянія: нѣтъ, «общественное мнѣніе» было на самомъ дѣлѣ недовольно. Оно не имѣло поводовъ порицать новый ходъ вещей, но не чувствовало ни малѣйшей склонности одобрять его виновниковъ и руководителей. Были тому серьезныя причины.

Во-первыхъ, «общество»—это слово обозначало тогда высшіе и средніе классы, вмѣстѣ взятые—не могло примириться съ ролью рабочихъ въ происшедшемъ переворотѣ. Не только они взяли на себя его инициативу,—это можно еще допустить, когда дѣло идетъ о достаточно опасной борьбѣ, угрожающей при случаѣ перейти въ кровопролитіе;—но и потомъ, когда опасность уже миновала, ни на минуту они не захотѣли подчиниться руководству старыхъ, серьезныхъ партій, а, наоборотъ, навязали имъ свои требованія и заставили выполнить ихъ въ полномъ объемѣ. Это было нѣчто новое въ развитіи рабочаго класса, который до тѣхъ поръ экономически еще иногда умѣлъ отстаивать себя, но политически былъ все время самымъ удобнымъ и покорнымъ объектомъ эксплуатаціи.

Во-вторыхъ, было нѣчто непонятное, тревожное какъ въ упорномъ отказѣ Мэнни отъ пересмотра его процесса или амнистіи, такъ и въ его союзѣ съ завѣдомымъ крайнимъ революціонеромъ Нэтти. Первое имѣло видъ нравственной пощечины всѣми уважаемымъ учрежденіямъ, второе представлялось угрозой для будущаго. Какія еще неожиданности могли возникнуть изъ этой загадочной комбинаціи—трудно было вообразить; но тѣмъ сильнѣе беспокоила она общественное мнѣніе.

Затѣмъ, настойчивое, беспощадное преслѣдованіе всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ бюджетныхъ операціяхъ Фели Рао и компаніи, рядъ конфискацій ихъ имущества производили неблагоприятное впечатлѣніе на серьезную публику; она находила, что это чрезмѣрно. Наиболѣе виновные уже пострадали; можно было бы тѣмъ и удовлетвориться, не обрушивая всей тяжести репрессій на менѣе винов-

ныхъ. Большинство ихъ были люди уважаемые, солидные дѣятели промышленности и торговли: въ коммерческихъ дѣлахъ не всегда такъ легко и просто уловить рамки формальной законности. Въ такихъ сужденіяхъ сказывалось и вліяніе безчисленныхъ мелкихъ связей, которыя соединяють членовъ «общества» въ ихъ обыденной жизни, и естественная снисходительность къ проступкамъ, мотивъ которыхъ—жажда присвоенія—такъ всѣмъ имъ близокъ и понятенъ. Бромѣ того, крушеніе прежнихъ тузовъ каждый разъ затрагивало интересы очень многихъ, имѣвшихъ съ ними дѣла; самоубійство Фели Рао вызвало даже чуть не цѣлый кризисъ на биржѣ. «Общество», какъ и его законная представительница—биржа,—цѣнитъ спокойствіе, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ выше такихъ отвлеченностей, какъ правосудіе или интересы общаго дѣла. Въ Мэнни и во всѣхъ, его окружавшемъ, видѣли нѣчто протестующее, безпокойное, нѣчто неизвѣстное и грозное по своей силѣ. Въ сравненіи съ этимъ всѣ преступленія другой стороны стушевывались.

Однако старые, завѣдомые враги Мэнни не рѣшались начать нападенія: въ ихъ игрѣ руководящіе интересы были бы чрезчуръ грубо-очевидны, ихъ репутація была слишкомъ попорчена, имъ приходилось молчать, чтобы не повредить дѣлу. Подать сигналъ къ атакѣ могъ только кто-нибудь авторитетный и незапятнанный, стоящій выше подозрѣній. Долго такого не находилось...

Мэнни, поглощенный работою, новыми впечатлѣніями, воспоминаніями, не замѣчалъ, какъ атмосфера становилась все напряженнѣе. Однако не онъ одинъ, а очень многіе были поражены, когда съ боевой статью противъ него въ самомъ распространенномъ органѣ выступилъ Тэо. Старый демократъ, всѣмъ уважаемый публицистъ, Тэо въ свое время былъ однимъ изъ немногихъ, рѣшавшихся бороться противъ Совѣта Спидикатовъ послѣ его побѣды и даже открыто называть «дѣломъ лакеевъ» приговоръ въ прощесѣ Мэнни. Тѣмъ болѣе сенсационно произвелъ его новый шагъ. Статья была озаглавлена «Пора подумать!», и имѣла форму предостереженія, обращеннаго къ обществу и партіямъ.

«Все ли благополучно въ нашей Республикѣ?» спрашивалъ онъ, и отвѣчалъ, что нѣтъ: демократія мало-по-малу измѣняетъ себѣ, ея принципы открыто подкапываются, и она терпитъ это; готовится худшая реакція. «Допустима ли въ демократіи диктаторская власть

одного человѣка надъ миллионами людей и надъ миллиардами общественныхъ денегъ? Двадцать лѣтъ тому назадъ, при утвержденіи плана Великихъ работъ, такія полномочія были созданы для ихъ инициатора. Это была огромная ошибка. Она была простибельна вначалѣ, пока не обнаружались ея послѣдствія. Но съ тѣхъ поръ мы пережили эпопею Фели Рао. Что, въ сущности, сдѣлалъ Рао? Онъ перехватилъ власть у Мэнни и воспользовался ею по своему. Всѣ знаютъ, что изъ этого получилось... Демократія низвергла Фели Рао. А затѣмъ? Та же диктатура во всей неприкосновенности возвращена въ руки Мэнни. Значить, ничему не научились?

«Намъ скажутъ: Мэнни — не финансистъ и не политиканъ, а честный инженеръ; на него можно положиться, для себя ему ничего не надо, онъ служить только дѣлу. Такъ ли это? Демократія не должна, не имѣть права полагаться на отдѣльнаго человѣка; ея принципъ — большинство. Если бы даже Мэнни былъ дѣйствительно таковъ, какимъ его представляютъ наивные люди, ослѣпленные величіемъ его заслугъ, которыхъ мы вовсе не желаемъ умалить, — и тогда нарушеніе принципа демократіи оставалось бы угрозой ея будущему. На самомъ дѣлѣ, опасность гораздо ближе.

«Инженеру Мэнни для себя лично ничего не надо. А зачѣмъ же ему, въ такомъ случаѣ, диктатура? Или онъ взялъ ее не себѣ лично?...

«Скажутъ: надо судить о людяхъ, объ ихъ намѣреніяхъ по ихъ дѣйствіямъ. Прекрасно. Разсмотримъ дѣйствія инженера Мэнни по отношенію къ демократіи.

«Общество, народъ требовали пересмотра его процесса. Онъ отвергаетъ пересмотръ. Развѣ это — не презрѣніе къ народной волѣ и къ республиканскимъ учрежденіямъ? Онъ имѣлъ право не уважать своихъ прежнихъ судей, которые были орудіемъ финансовой камарильи. Но не уважать самое правосудіе республики — кто далъ ему право на это? И что хочетъ онъ такой демонстраціей внушить народнымъ массамъ? Безъ серьезной практической цѣли человѣкъ дѣла не откажется отъ нѣсколькихъ лѣтъ свободы. Для какой цѣли нуженъ ему во что бы ни стало ореолъ мученика?

«Всѣмъ извѣстно прежнее отношеніе Мэнни къ рабочимъ организациямъ: оно было не демократично. Внѣшнимъ образомъ онъ даже и теперь еще не отказался отъ него. Но, посмотрите, какое

противорѣчіе! Возлѣ инженера Мэнни въ роли его ближайшаго помощника мы находимъ—кого же? Если не явнаго вождя рабочихъ союзовъ, то, несомнѣнно, ихъ политическаго вдохновителя, социалиста Нэтти. Какъ вы думаете, что это значить?

«Замѣтите: рабочіе союзы за послѣднее время обнаруживаютъ какое-то непонятное, безпричинное недовѣріе къ нашей демократической партіи, которая всегда защищала ихъ интересы. Рабочія федераціи не желаютъ ограничиваться своими профессиональными интересами и создаютъ свои особые политическіе комитеты. На нашихъ глазахъ отъ демократіи откалывается новая рабочая партія. Это опасное, можетъ быть, гибельное для демократіи распаденье массовыхъ ея силъ происходитъ подъ прямымъ вліяніемъ, вѣрнѣе—подъ руководствомъ цѣлой школы революціонныхъ политиковъ, во главѣ которой стоятъ—Нэтти и его отецъ, механикъ Арри.

«Все это—непреложные факты. Зная ихъ, неужели трудно догадаться, для чего нуженъ противоестественный союзъ инженера-диктатора съ социалистами? Фели Рао опирался на синдикаты; Мэнни хочетъ опереться на рабочія организаціи. Фели Рао довольствовался финансовымъ господствомъ и наживою; онъ не покушался и не могъ покушаться на республиканскія формы: у него была сила денегъ, но не было силы массъ. Будетъ ли такъ-же скромнѣе Мэнни, имѣя за собою рабочія массы? Онъ равнодушенъ къ деньгамъ, это несомнѣнно. *Значитъ, ему нужно другое.*

«Хотите знать, зачѣмъ инженеръ Мэнни скрывается теперь за стѣнами тюрьмы? Чтобы отвести отъ себя всякія подозрѣнія до тѣхъ поръ, пока его друзья на свободѣ достаточно подготовятъ политическую мобилизацію гигантской арміи рабочихъ.

«Я утверждаю: союзъ инженерской диктатуры съ социализмомъ рабочихъ можетъ быть направленъ только *противъ демократіи, противъ республики* и никакого иного смысла имѣть не можетъ».

Статья оканчивалась горячимъ призывомъ къ парламенту, правительству и всѣмъ вѣрнымъ республиканцамъ немедленно начать борьбу противъ угрожающей опасности, иначе она станетъ неотвратимой.

Статья появилась за нѣсколько дней до начала очередной сессіи парламента. Какъ всегда, сессія была открыта посланіемъ прези-

дента республики. Кромѣ обычныхъ официальныхъ фразъ и перечисленія заранѣе намѣченныхъ правительствомъ законопроектовъ, посланіе на этотъ разъ заключало въ себѣ нѣчто неожиданное.

«... Хотя,—говорилось въ немъ,—пережитыя не такъ давно Республикою потрясенія окончились побѣдою благомыслящихъ элементовъ и восстановленіемъ согласнаго народной волѣ порядка, но слѣды ихъ не вполне изгладились до сихъ поръ. За эти два года мечъ правосудія неустанно разилъ виновныхъ въ нарушеніи интересовъ государства, и нанесенный ими ущербъ до значительной степени былъ восполненъ многими конфискаціями. Теперь на разсмотрѣніе парламента, мы полагаемъ, могъ бы быть поставленъ вопросъ, не достаточно ли удовлетворены общественная совѣсть и государственный интересъ,—не ощущается ли усиленной потребности въ полномъ успокоеніи, въ окончательномъ восстановленіи временно поколебленнаго соціального мира. Если бы парламентъ призналъ, что это такъ, то наступило бы время для мѣръ снисходительности и забвенія...»

Дальше слѣдовали оговорки о томъ, что президентъ и правительство не связываютъ себя въ данномъ вопросѣ никакой предпръ-шенной программой, что одному парламенту принадлежитъ право дать оцѣнку положенія и т. д.; но по существу посланіе предлагало амнистию и прекращеніе конфискацій.

Это былъ первый ударъ, направленный противъ Мэнни со стороны официально-политическихъ круговъ, но ударъ очень серьезный.

Нэтти въ то время не было въ столицѣ: онъ находился въ поѣздѣ какъ разъ по дѣламъ слѣдствія, въ связи съ раскрытіемъ новыхъ важныхъ фактовъ. Мэнни, который уже привыкъ не предпринимать ничего важнаго безъ совѣта съ нимъ, экстренно вызвалъ его обратно.

Планъ дѣйствій былъ установленъ быстро. Мэнни долженъ былъ отвѣтить на посланіе президента печатнымъ докладомъ парламенту о ходѣ разслѣдованій и судебныхъ процессовъ по дѣлу великихъ работъ. Для доклада Нэтти далъ цифровые расчеты, изъ которыхъ было очевидно, что пока удалось возвратитъ меньше половины расхищеннаго,—и рядъ очень важныхъ разоблаченій. Новые факты, добытые Нэтти и другими ревизорами, касались не только старыхъ преступленій, но еще больше—послѣдующей борьбы преступниковъ за

сохраненіе позицій и добычи. Былъ совершенъ рядъ подлоговъ, чтобы скрыть имущества отъ конфискаціи: крупные фанансовые тузы вдругъ оказывались бѣдными людьми. Милліонныя подкупы слѣдственныхъ и судебныхъ властей повели къ уничтоженію важныхъ обвинительныхъ документовъ. Еще шире примѣнялся подкупъ свидѣтелей; но были и случаи убійства несговорчивыхъ. Въ общемъ, докладъ и минуемо долженъ былъ испортить примирительное настроеніе парламента и надолго замедлить амнистію. До освобожденія Мэнни оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ; было особенно важно выиграть это время.

На атаку Тэо, которую тѣмъ временемъ уже подхватили и поддержали нѣсколько крупныхъ газетъ, Мэнни отвѣчать не могъ: оправдываться противъ такихъ обвиненій было ему не къ лицу. Но крупные союзы столицы уже отвѣтили негодующими заявленіями; Нэтти не сомнѣвался, что провинціальныя организаціи, особенно Федерация Великихъ Работъ, отвѣтятъ въ свою очередь. Рабочіе протестовали противъ того, что демократическая партія, подъ предлогомъ невозможнаго монархистско-пролетарскаго заговора, покушается, въ сущности, на ихъ зарождающееся политическое объединеніе. Рабочіе указывали, что если официальные демократы и «защищали» ихъ интересы, то дѣлали это слишкомъ плохо и неуспѣшно. «Развѣ они избавили рабочій классъ отъ жестокой диктатуры Совѣта Синдикатовъ?» спрашивала столичная Федерация Механиковъ,—и отвѣчала: «Нѣтъ, это было какъ разъ наоборотъ; и въ старыя времена—развѣ не цѣною крови рабочихъ больше всего была создана Республика? Поэтому бросьте всякія выдумки о заговорахъ противъ Республики, бросьте бесплодное возмущеніе противъ нашего недоуверія къ вашей партіи, примиритесь съ тѣмъ, что впредь мы сами будемъ политически защищать наши интересы, а иногда, можетъ быть, и ваши, когда между тѣми и другими окажется совпаденіе».

Нэтти находилъ, что моментъ какъ нельзя болѣе благопріятенъ, чтобы оформить политическую федерацію всѣхъ союзовъ, въ видѣ настоящей рабочей партіи. Онъ рѣшилъ и самъ употребить для этого всѣ усилія и былъ увѣренъ, что единомышленники его поддержать. Вмѣстѣ съ тѣмъ конфликтъ, разумѣется, неизбежно обострится; но и отношеніе силъ существенно измѣнялось.

Мэнни, слушая эти планы, невольно ловилъ себя на сочувствіи къ нимъ. Это тревожило его идеиную совѣсть и вызывало смутное недовѣріе къ себѣ. Ему хотѣлось оправдаться передъ собой, и онъ сказалъ:

— Я совершенно не раздѣляю основъ той программы, которую вы намѣчаете для вашей новой партіи. Но я всегда полагалъ, что рабочіе—свободные граждане—могутъ объединяться въ союзы или партіи, какъ имъ угодно; если они дѣлаютъ это, значитъ, у нихъ есть свои основанія.—Я отказывался принимать требованія союзовъ, но никогда не отвергалъ ихъ права на существованіе. Не знаю, что принесетъ ваша партія въ будущемъ; теперь же не могу отрицать ея необходимости для васъ. Можетъ быть, она будетъ той угрозой, которая остановитъ явно идущее вырожденіе старыхъ партій; за это я готовъ быть бы сочувствовать ей.

5. Легенда о вампирахъ.

Дѣловое обсужденіе было окончено, и Мэнни заговорилъ о томъ, что особенно изумляло и беспокоило его въ новыхъ событіяхъ:

— Я долженъ сознаться, что совершенно не могу понять этой измѣны со стороны такихъ людей, какъ президентъ и Тэо. Я хорошо знаю ихъ обоихъ: они неподкупны. И однако... Думаете ли вы, что они искренни?

— Навѣрное, да,—отвѣчалъ Нѣтти.—Вглядитесь въ ихъ аргументацію: развѣ она у каждаго изъ нихъ не основана, въ общемъ, именно на томъ, что онъ всегда говорилъ раньше? Тэо ревностно охраняетъ демократію и республику; президентъ настаиваетъ на социальномъ мирѣ...

— Не хотите же вы сказать, что они остались вѣрны себѣ?

— Нѣтъ, конечно, этого я не говорю. Схемы тѣ же, но ихъ отношеніе къ жизни измѣнилось; оно стало противоположно прежнему. Припомните, что когда-то писалъ Тэо по поводу инсинуацій умѣренной печати относительно вашей «диктатуры». Демократія, находилъ онъ, слишкомъ сильна, чтобы ее могли запугать подобными призраками. Какъ бы ни были широки полномочія, если они даны народной волей и подчинены ея постоянному контролю, въ

нихъ нѣтъ ничего диктаторскаго. При этихъ условіяхъ, могущество установленной демократіей власти есть только выраженіе могущества самой демократіи: она выбираетъ наилучшія средства для общественнаго блага, и нельзя ограничивать ее въ ихъ выборѣ. А въ данномъ случаѣ, прибавлялъ Тэо, уже сама по себѣ злоба ея враговъ свидѣтельствуешь о томъ, что выбранъ правильный путь. Тогда Тэо былъ полонъ смѣлости и призывалъ впередъ, къ новымъ завоеваніямъ; теперь онъ полонъ страха и призываетъ къ сохраненію того, что есть. А нашъ президентъ въ своей знаменитой книгѣ писалъ: Надо уступить рабочимъ то, чего они требуютъ законно; этимъ будетъ прекращена растущая вражда классовъ. Если же мы встрѣтимъ неразумно-упорное сопротивленіе тѣхъ, которые безъ усилій и заслугъ получили отъ судьбы все и не хотятъ ничего дать другимъ, тогда мы не должны отступать передъ серьезной борьбою и рѣшительными мѣрами: интересы соціального мира важнѣе эгоизма привилегированныхъ.—И вотъ, въ своемъ нынѣшнемъ посланіи онъ предлагаетъ, тоже въ интересахъ соціального мира, сдѣлать уступки какъ разъ этимъ привилегированнымъ...

— Это вѣрно,—сказалъ Мэнни, у васъ очень точная память. Но какъ же вы допускаете тутъ искренность, когда изъ однихъ и тѣхъ же посылокъ дѣлаются противоположные выводы? Не прямое ли это добазательство лицемерія?

— Нѣтъ, это не то,—отвѣчалъ Нэтти.—Прежде у нихъ была логика живыхъ людей, имъ хотѣлось, чтобы жизнь шла дальше, становилась лучше, и это подсказывало имъ тогдашніе выводы. Теперь у нихъ логика мертвецовъ, имъ хочется спокойствія и неподвижности, остановки жизни вокругъ. Съ ними случилось то, что на каждомъ шагу бываетъ съ людьми и съ цѣлыми классами, съ идеями и съ учрежденіями: они просто умерли и стали вампирами.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, —удивился Мэнни:—я совсѣмъ не понимаю васъ.

Нэтти засмѣялся.

— Вы знаете народное преданіе о вампирахъ?—спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Конечно, знаю. Нелѣпая сказка о мертвецахъ, которые выходятъ изъ могилъ, чтобы пить кровь живыхъ людей.

— Взятое буквально, это, разумеется, нелѣпная сказка. Но у народной поэзіи способы выражать истину иные, чѣмъ у точной науки. На самомъ дѣлѣ, въ легендѣ о вампирахъ воплощена одна изъ величайшихъ, хотя правда, и самыхъ мрачныхъ истинъ о жизни и смерти. Мертвая жизнь существуетъ, ею полна исторія, она окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, и пьетъ кровь живой жизни...

— Мнѣ извѣстно, что ваши рабочіе часто называютъ капиталистовъ вампирами; но вѣдь это просто брань, или, въ крайнемъ случаѣ, агитаціонный приѣмъ.

— Я говорю вовсе не о томъ. Представьте себѣ человѣка— работника въ какой бы то ни было области труда и мысли. Онъ живетъ для себя, какъ фیزیологическій организмъ; онъ живетъ для общества, какъ дѣятель. Его энергія входитъ въ общій потокъ жизни и усиливаетъ его, помогаетъ побѣждать то, что ей враждебно въ мірѣ. Онъ въ то же время, безъ сомнѣнія, чего-нибудь стоитъ обществу, живетъ за счетъ труда другихъ людей, нѣчто отнимаетъ у окружающей его жизни. Но пока онъ даетъ ей больше того, что беретъ, онъ увеличиваетъ сумму жизни, онъ въ ней плюсъ, положительная величина. Бываетъ, что до самаго конца, до физической смерти онъ и остается такимъ плюсомъ: ослабѣли уже руки, но еще хорошо работаетъ мозгъ, старикъ думаетъ, учитъ, воспитываетъ другихъ, передавая имъ свой опытъ; затѣмъ устаетъ мозгъ, слабѣетъ память, но не измѣняетъ сердце, полное нѣжности и участія къ молодой жизни, самой своей чистотой и благородствомъ вносящее въ нее гармонію, духъ единства, который дѣлаетъ ее сильнѣе. Однако, такъ случается рѣдко. Гораздо чаще человѣкъ, который слишкомъ долго живетъ, рано или поздно переживаетъ самъ себя. Наступаетъ моментъ, когда онъ начинаетъ брать у жизни больше, чѣмъ даетъ ей, когда онъ своимъ существованіемъ уже уменьшаетъ ея величину. Возникаетъ вражда между нимъ и ею; она отталкиваетъ его, онъ вливается въ нее, усиливается вернуть ее назадъ, къ тому прошлому, въ которомъ ощущалъ свою связь съ нею. Онъ не только паразитъ жизни, онъ ея активный ненавистникъ; онъ пьетъ ея соки, чтобы жить, и не хочетъ, чтобы она жила, чтобы она продолжала свое движеніе. Это—не человѣкъ, потому что существо человеческое, социальное-творческое, уже умерло въ немъ; это—трупъ такого существа. Вреденъ и обычно-

венный, физиологическій трупъ: его надо удалять или уничтожать, иначе онъ заражаетъ воздухъ и приноситъ болѣзни. Но вампиръ, живой мертвецъ, много вреднѣе и опаснѣе, если при жизни онъ былъ сильнымъ человѣкомъ.

— Именно такимъ образомъ вы понимаете президента и Тэо?

— Да; и тутъ есть нѣчто еще худшее: въ трупахъ людей заключены трупы идей. Идеи умираютъ, какъ люди, но еще упорнѣе онѣ вживаются въ жизнь послѣ своей смерти. Вспомните идею религіознаго авторитета: когда она отжила и стала неспособна вести человечество впередъ, сколько вѣковъ она еще боролась за господство, сколько взяла крови, слезъ и загубленныхъ силъ, пока удалось окончательно похоронить ее. Что касается демократіи, то эта идея, какъ я думаю, еще не завершила всего, что можетъ дать; но чтобы оставаться живой, она должна измѣняться и развиваться съ самимъ обществомъ; а для Тэо она застыла, замерла на томъ прошломъ, въ которомъ онъ дѣйствительно жилъ. Рабочей партіи тогда не было; она — начало чего-то новаго, чуждаго ему, и во имя своей мертвой идеи онъ не хочетъ допустить ея. Лозунгъ же «соціального мира», если и могъ быть прежде сколько-нибудь полезенъ, какъ протестъ противъ бѣшеней войны всѣхъ противъ всѣхъ и безпощаднаго эгоизма побѣдителей, то теперь, когда борьба классовъ приобрѣла новый смыслъ и несетъ въ себѣ великое будущее, онъ безнадежно истощенъ и не заключаетъ въ себѣ ни капли жизни.

— Какъ странно представлять себѣ вампирами людей, которыхъ знаешь! — задумчиво сказалъ Мэнни.

— И странно, и тяжело, если видѣлъ ихъ благородными и мужественными бойцами, — прибавилъ Нэтти.

Мэнни сдѣлалъ головой движеніе, какъ-будто хотѣлъ стряхнуть съ себя что-то.

— Я и самъ не замѣчаю, какъ поддаюсь вашимъ поэтическимъ образамъ, — замѣтилъ онъ съ улыбкой. — Но вотъ еще вопросъ. Если я вѣрно васъ понялъ, то вампирами люди и другія существа могутъ быть не только въ старости?

— Конечно, нѣтъ, — сказалъ Нэтти. — По народному повѣрью, вампирами становятся и мертворожденные дѣти. Когда отживаютъ цѣлые классы общества, то мертвецы рождаютъ мертвецовъ. То же

бываетъ и въ мірѣ идей: вѣдь до сихъ поръ возникаютъ еще даже новыя религіозныя секты.

— Да, а вотъ, пожалуй, самое слабое мѣсто вашей теоріи. Какъ опредѣлить моментъ, когда живое существо дѣлается вампиромъ?

— Это, въ самомъ дѣлѣ, очень трудно,—отвѣтилъ Нэтти.— Большой частью превращеніе обнаруживается гораздо позже, когда принесенный вредъ уже очевиденъ, когда вампиръ успѣлъ много выпить крови. Ужъ, конечно, не въ послѣдніе дни Тэо сталъ впервые врагомъ будущаго. Прежде меня мучила тайна этого момента. Я былъ очень молодъ, когда впервые проникся смысломъ легенды; мои выводы были тогда рѣзки, ощущенія остры. Иногда я думаю: вотъ, я встрѣчаю разныхъ людей, живу съ ними, вѣрю имъ, даже люблю ихъ; а всегда ли я знаю, *кто они* въ дѣйствительности? Можетъ-быть, именно въ эту минуту человѣкъ, который дружески бесѣдуетъ со мною, невидимо для меня и для себя переходитъ роковую границу; что-то разлущается, что-то мѣняется въ немъ,—только что онъ былъ живымъ, а теперь... И меня охватываетъ почти страхъ. Ребяческое настроеніе, разумеется.

— Нѣтъ, не совсѣмъ ребяческое, если вѣрить въ вашу теорію,—возразилъ Мэнни. —И для меня удивительно, какъ вы, съ вашимъ свѣтлымъ, радостнымъ взглядомъ на жизнь, могли создать такую мрачную фантазію.

— Создалъ ее не я, а истолкованіе подсказала мнѣ исторія,—улыбаясь, возразилъ Нэтти.—Притомъ, для меня она не только мрачная. Въ дѣтствѣ я очень любила сказки о герояхъ, которые сражаются со страшными чудовищами...

— И вы мечтали сами быть такимъ героемъ, побѣдителемъ вампировъ? Что жъ, ваша мечта исполнилась; и я понимаю, что теперь вы можете не бояться никакихъ мертвецовъ.

— Они—враги, а враговъ чего же бояться? И кромѣ того, живая жизнь рано или поздно всегда побѣдитъ мертвую.

6. Вампиръ.

Борьба продолжалась, все болѣе ожесточенная со стороны враговъ Мэнни. Но при всемъ желаніи, правительство не могло принять противъ него сколько нибудь рѣшительныхъ шаговъ, благодаря так-

тигъ Нэтти, который умѣло воспользовался раскрытыми фактами подкупа должностныхъ лицъ. Ему удалось по старымъ бумагамъ Фели Рао возстановить исторію тѣхъ пятидесяти депутатовъ, которые стали сразу миллионерами и сторонниками Рао; оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ и теперь продолжали засѣдать въ парламентѣ, въ числѣ ярыхъ противниковъ Мэнни. Послѣ такого скандала и парламентское большинство было надолго парализовано въ своихъ враждебныхъ намѣреніяхъ. Правительству оставалось только вести булавочную войну противъ Правленія Работъ, устраивая ему разныя мелкія затрудненія и придирки.

Мэнни страннымъ образомъ мало интересовался всей этой борьбой. Онъ выслушивалъ доклады Нэтти и другихъ сотрудниковъ, большей частью одобрялъ ихъ дѣйствія и проекты, иногда, если требовалось, самъ дѣлалъ то, что они совѣтовали; но почти постоянно чувствовалось, что мысль его занята чѣмъ-то другимъ. Онъ становился все болѣе разсѣянъ, даже неровенъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, старался до минимума сокращать дѣловые свиданія и бесѣды, точно онѣ сильно утомляли его. Казалось, что и его физическое здоровье, которое столько лѣтъ противостояло вліянію тюрьмы, теперь начало подаваться: на лицѣ его стали часто замѣчаться слѣды бессонныхъ ночей, въ глазахъ появился лихорадочный блескъ. Когда ему говорили объ этомъ, онъ раздражался и сухо обрывалъ собесѣдника.

Однако съ Нэтти онъ никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшей рѣзкости, только временами начиналъ немного избѣгать его; но гораздо чаще проявлялъ къ нему необычно-ласковое вниманіе, почти нѣжность. Настоящихъ разговоровъ о предметахъ разногласія онъ съ нимъ не велъ,—но иногда неожиданно задавалъ ему вопросъ по поводу какого-нибудь изъ крайнихъ выводовъ его міропониманія, словно хотѣлъ измѣрить всю глубину расхожденій; а затѣмъ онъ немедленно переходилъ къ другимъ темамъ. Всего охотнѣе онъ его разспрашивалъ о годахъ дѣтства, о близкихъ ему людяхъ, обо всемъ, что прямо или косвенно соприкасалось съ Нэллой.

Нэтти замѣчалъ все это и даже рассказывалъ своей матери, но, поглощенный борьбой и планами, не раздумывалъ особенно и успокаивался на самомъ легкомъ объясненіи: онъ полагалъ, что это—вполнѣ естественная нервность чловека, для котораго, послѣ дол-

гихъ лѣтъ тюрьмы, приближается моментъ освобожденія. Пэлла, съ ея болѣе чуткимъ сердцемъ, сомнѣвалась, чтобы все было такъ просто, однако не высказывала своихъ опасеній, потому что ни къ чему ясному и опредѣленному не приходила. Она думала даже сама пойти и поиздагаться съ Мэнни, но не могла найти предлога; отчасти ее удерживало воспоминаніе о старомъ разговорѣ съ Арри, который увидѣлъ бы теперь въ ея поступкѣ особый смыслъ, непріятный для нея.

Каждый вечеръ, послѣ ухода своихъ посѣтителей, Мэнни подолгу оставался въ огромной камерѣ, служившей ему рабочимъ кабинетомъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, прислонившись къ спинкѣ кресла, и отдавался своимъ размышленіямъ. Но ходъ ихъ становился чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе смутнымъ, и часто уже самъ Мэнни не могъ бы точно сказать, о чемъ онъ думалъ. Два момента, однако, выступали ярче остального въ этомъ хаосѣ, и какъ-будто господствовали надъ нимъ: во-первыхъ, мысли и образы, связанные съ теоріей Нэтти о вампирахъ, и, во-вторыхъ, не прекращавшееся чувство необходимости скоро принять какое-то очень важное рѣшеніе.

Время шло. За два дня до освобожденія, поздно вечеромъ, Мэнни, какъ обыкновенно, былъ одинъ въ своемъ мрачномъ кабинетѣ. За день онъ много работалъ, но не ощущалъ никакого утомленія; напротивъ, его самочувствіе было лучше обычнаго. Голова была ясная, хотя до странности пустая: Мэнни казалось, что онъ ровно ни о чемъ не думаетъ, и это было почти пріятно. Слабый свѣтъ, разливавшійся отъ электрической лампочки, прикрытой абажуромъ, былъ недостаточенъ для большой комнаты, и въ углахъ царилъ полумракъ.

Вдругъ у Мэнни явилось впечатлѣніе, что сзади на него устремленъ чей-то взглядъ. Онъ повернулъ голову. Въ самомъ дальнемъ отъ него углу мракъ сгустился и принялъ, сначала неопредѣленно, очертанія человѣческой фигуры; но уже рѣзко выдѣлялись горячіе глаза. Фигура, скользя, стала приближаться и сдѣлалась отчетливѣе. Когда она перешла въ освѣщенное пространство, Мэнни узналъ ее—безъ удивленія, хотя съ отвлеченнымъ сознаніемъ несообразности факта: это былъ инженеръ Маро.

Призракъ съ насмѣшливымъ поклономъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Мэнни и сѣлъ на свободный стулъ напротивъ.

Онъ былъ таковъ, какъ во время послѣдняго объясненія, съ той же циничной улыбкой; только лицо было гораздо блѣднѣе, глаза ярче, губы краснѣе, чѣмъ тогда, и на шеѣ видна была неправильная кровавая полоса разорванныхъ тканей.

— Мой привѣтъ!—сказалъ онъ.—Мнѣ нѣтъ надобности представляться, вы меня хорошо знаете. Вы не удивлены, потому что, въ сущности, давно ожидаете меня. Да, я—Вампиръ; не спеціально вашъ другъ Маро, а Вампиръ вообще, властитель мертвой жизни. Я принялъ сегодня этотъ образъ, какъ наиболѣе подходящий для нашей бесѣды и, пожалуй, одинъ изъ лучшихъ. Но у меня есть и сколько угодно другихъ; а очень скоро я приобрету еще одинъ, много лучше...

Призракъ остановился и засмѣялся тихимъ, самодовольнымъ смѣхомъ. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Намъ надо поговорить о серьезныхъ вещахъ. О, мы столкуемся! Будемъ бесѣдовать по порядку и сначала выяснимъ положеніе. Оно довольно просто, но совершенно нелѣпо; вы по совѣсти должны согласиться, что это такъ. Вотъ уже три года Мэнни Альдо, великій инженеръ, играетъ странную роль, чрезвычайно не подходящую для него: роль орудія въ чужихъ рукахъ. Такова прискорбная истина. Вы всегда признавали, что истина не зависитъ отъ того, кто высказываетъ ее. Если вамъ непріятно, что приходится выслушивать ее отъ меня, то тѣмъ хуже для васъ; а она отъ этого не перестанетъ быть истинной. Припомните ходъ событій и взгляните на него безпристрастно.

— Ваше возвращеніе ко власти— по чьей волѣ оно произошло? Увы! по волѣ вашихъ старыхъ враговъ, съ которыми вы прежде такъ мало перемонились: рабочихъ союзовъ. Да! будьте искренни, вы не можете отрывать этого. Сами вы тогда не имѣли возможности ничего предпринять; все явилось извнѣ. Разоблаченія Нэтти были, конечно, очень важны; но для кого онъ старался? Для рабочихъ союзовъ. Самый планъ тайлаго разслѣдованія, вы знаете, былъ данъ ему ни кѣмъ инымъ, какъ Арри, который за десять лѣтъ размышленія въ тюрьмѣ успѣлъ догадаться о многомъ. И потомъ, Фели Рао былъ мастеръ тушить всякія дѣла: что вышло бы изъ разоблаченій никому неизвѣстнаго юноши, если бы манифестъ рабочей федераціи не нѣдалъ имъ настоящей силы? Союзы потребовали

себѣ васъ, какъ они требуютъ прибавки заработной платы на пять копѣекъ. Можетъ-быть, это лестно. Они получили васъ, какъ получили бы соответственное число копѣекъ. Но вы, никогда не желавшій уступать имъ, ни даже вести переговоры съ ними,—вы въ роли уступаемаго имъ объекта...

Тутъ Мэнни, слегка раздраженный издѣвательствомъ, прервалъ своего собесѣдника.

— Что же, вы полагаете, я долженъ былъ отказаться?—холодно спросилъ онъ.—У меня не было иныхъ правъ руководить дѣломъ? Оно не было моимъ созданіемъ?

— Я не говорю ничего подобнаго,—съ прежней усмѣшкой отвѣтилъ Вампиръ.—Разумѣется, было бы глупо отказаться отъ власти; но вопросъ права былъ тогда ни при чемъ; рѣшался вопросъ силы, и онъ былъ рѣшенъ за васъ другими. Однако, съ этимъ можно бы еще примириться, если бы вы только воспользовались грубой силой насъ, чтобы взять свое. Но вышло вовсе не то. Были ли вы съ того момента дѣйствительнымъ хозяиномъ дѣла? Нѣтъ и нѣтъ! Около васъ появилась симпатичная фигура бывшаго рабочаго, инженера Нэтти. Я не позволю себѣ говорить о немъ непочтительно: онъ вашъ сынъ. Но я позволю себѣ говорить о немъ правду: для того, кто служитъ идеѣ, какъ вы, родство не имѣетъ голоса въ серьезныхъ дѣлахъ, не такъ ли? Онъ достойный молодой человѣкъ, и у него, какъ у васъ, тяжелая рука, это мнѣ хорошо извѣстно.

Мэнни улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой. Онъ почти пересталъ уже сознавать фантастичность происходящаго и внимательно слѣдилъ за мыслью собесѣдника, точно въ объясненіи съ реальнымъ врагомъ. Тотъ продолжалъ:

— Это не мѣшаетъ ему быть безнадежнымъ утопистомъ. Не крайней мѣрѣ, вы сами очень недавно были такого мнѣнія. Онъ утопистъ вредный, потому что извращаетъ самые принципы строгой науки, замѣняя ихъ, какъ вы справедливо выразились однажды, какой-то «поэзіей труда». Чистую, вѣчную истину онъ отрицаетъ; онъ хочетъ бросить ее подъ ноги массамъ. И это тѣмъ опаснѣе, что дѣлается въ привлекательной и по-своему логичной формѣ, которая, конечно, не можетъ имѣть вліянія на насъ съ вами, но соблазнить многихъ и многихъ. Таковъ инженеръ Нэтти. И что же? Онъ считается вашимъ первымъ помощникомъ, а на самомъ дѣлѣ, хотя и

это было бы очень немало, онъ представляетъ нѣчто гораздо большее. Его фигура заслонила отъ васъ все: вы видите его глазами, думаете его головой; онъ—истинный руководитель и хозяинъ.

— Вы станете отрицать это. Вы скажете, что не уступили Нэтти въ вопросѣ о союзахъ, что даже ограничили его права, назначивши второго помощника. Жалкія, недостойныя васъ отговорки. Самая мысль о назначеніи другого помощника была подсказана вамъ тѣмъ же Нэтти. Да, онъ самъ не захотѣлъ требовать слишкомъ многого сразу; онъ умѣетъ ждать: «все придетъ въ свое время». А главное, онъ умѣетъ цѣнить практическій результатъ выше пустой формы и хорошо разсчиталъ выгоды великодушнаго отступленія; припомните, какія инструкции объ уступкахъ рабочимъ вы дали потомъ своему второму помощнику; самъ Нэтти, пожалуй, затруднился бы превзойти ихъ. И теперь, когда ваши директора ведутъ переговоры съ рабочими, то о комъ они думаютъ, съ кѣмъ считаются? Какъ вы полагаете, съ вами или съ Нэтти? Наконецъ, что можетъ быть характернѣе нынѣшней кампаніи! Совершается нападеніе на васъ и на ваше дѣло; а кто организуетъ защиту? Кто руководить контръ-атакой? Вы едва даете себѣ трудъ утверждать предложенія Нэтти. Наивный Тэо! Онъ представилъ все дѣло какъ разъ наыворотъ. Правда, не его ума дѣло судить о такихъ людяхъ, какъ вы и Нэтти. Но и не одному Тэо трудно было бы догадаться, что великій Мэнни, не довольствуясь тюрьмой, находится еще въ плѣну у социалистовъ.

Мэнни пожалъ плечами.

— На все это достаточно простого отвѣта. Вѣрно или невѣрно то, что вы говорите, для меня безразлично: не входитъ же мнѣ въ разборъ вашихъ насквозь мелкихъ соображеній. Дѣло не пострадало, оно идетъ хорошо, защита его надежна. Для меня интересно только это.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же называть его своимъ дѣломъ? Надо тогда открыто признать то, что есть, и сказать: «это дѣло перестало быть моимъ». И притомъ, пострадало оно или нѣтъ, это вопросъ еще нерѣшенный: надо подождать результатовъ создавагося положенія. Пока что, вы уже обязаны Нэтти конфликтомъ съ демократами. Посмотримъ, что будетъ, когда Нэтти со своими союзами пойдетъ дальше. Но главное то, что исчезаетъ всякая га-

рантія для будущаго. Эта гарантія была въ васъ, въ вашей силѣ и вѣрности себѣ. А вы мало-по-малу перестаете быть самимъ собою. Вотъ, гдѣ опасность, и вотъ, на что я указывалъ своими «мелкими соображеніями». Еще хуже то, что вы ее не замѣчаете, не хотите замѣчать ее. Да, вы умышленно-закрываете глаза, иначе васъ самого поразило бы, насколько вы не тотъ, что прежде. Когда-то величайшіе триумфы, восторженное прославленіе вашихъ побѣдъ милліонами людей оставляли васъ спокойнымъ и холоднымъ, какъ вѣчные снѣга высокихъ горъ. Теперь же самое осторожное, сдержанное одобреніе со стороны Нэтти заставляетъ ваше сердце биться, какъ у школьника, получившаго похвалу отъ учителей. Хуже того: когда Совѣтъ рабочихъ союзовъ, отвѣчая демократамъ, недавно заявилъ, что если буржуазія умѣетъ только преслѣдовать своихъ великихъ людей и клеветать на нихъ, то пролетаріатъ сумѣетъ защищать ихъ, какъ и дѣло человечества, которому они служатъ, тогда—припомните... Да, стѣны тюрьмы могутъ гордиться, онѣ видѣли слезы на глазахъ великаго Мэнни!

Инженеръ Мэнни гнѣвно вскочилъ съ мѣста, но черезъ секунду овладѣлъ собою и снова сѣлъ съ презрительнымъ замѣчаніемъ:

— Лучше не говорите о томъ, чего вы никогда не поймете... Вампиръ.

— Да? — засмѣялся тотъ съ циничнымъ благодушіемъ. — Вы правы: есть вещи, которыя понять нелегко. Напримѣръ, когда Мэнни съ сочувствіемъ выслушиваетъ революціонные планы Нэтти, теоретически отвергая ихъ и признавая вредными утопіями... Или когда онъ проводитъ цѣлые часы въ созерцаніи женскаго портрета, онъ, который нѣкогда гордымъ усиліемъ побѣдилъ и отбросилъ любовь, какъ помѣху на пути къ великимъ цѣлямъ... Нѣтъ, бесполезно уклоняться отъ фактовъ; они ясны: вы измѣняете себѣ, вы опутаны сѣтями, изъ которыхъ не рѣшаетесь вырваться.

Вампиръ на минуту остановился, усмѣшка исчезла съ его лица; онъ устремилъ на Мэнни пристальный взглядъ своихъ горящихъ глазъ и, совершенно мѣняя тонъ, заговорилъ серьезно, почти торжественно:

— Вы знаете, что надо сдѣлать. Надо вновь стать самимъ собою. Это необходимо, этого требуетъ ваше достоинство, ваша честь. И это трудно, быть-можетъ, труднѣе всего, что вы сдѣлали въ своей жизни. Нуженъ героизмъ, чтобы побѣдить сразу все, что

толкаетъ васъ на измѣну себѣ: любовь, дружбу, отцовское чувство, симпатію, благодарность... Никто въ мірѣ не смогъ бы этого, но вы сможете: вамъ не первый разъ совершать невозможное. Моментъ настанетъ скоро: сама жизнь потребуетъ отъ васъ рѣшительнаго отвѣта. Идиллія съ союзами протянется недолго. Сейчасъ они не поднимаютъ еще знамени борьбы за официальное ихъ признаніе, потому что слишкомъ заняты другими: своей новой политической организаціей, ея устройствомъ и защитой. Но она сдѣлаетъ ихъ еще сильнѣе, а для нихъ сила есть право. Послѣ освобожденія изъ тюрьмы первая же ваша поѣздка на мѣста работъ поведетъ къ тому, что старый вопросъ поднимется вновь. А тогда? Подчинить ли инженеръ Мэнни свое убѣжденіе вѣншей силѣ и личнымъ чувствамъ? А если нѣтъ, то, вѣдь, это разрывъ съ Нэтти и Нэллоу, тяжелая борьба, великая жертва... Да, но и великая побѣда! Я не хочу оскорблять инженера Мэнни сомнѣніемъ въ томъ, что онъ выберетъ...

— Вы такъ увѣрены, что я послѣдую вашему совѣту?—иронически подчеркивая личность собесѣдника, возразилъ Мэнни.

— Это очень слабый аргументъ противъ правды,—отвѣтилъ Вампиръ.—Къ такимъ аргументамъ прибѣгаютъ, когда больше нечего сказать. Я ждалъ чего отъ васъ, чтобы спросить, гдѣ ваша вѣра въ чистую истину, если для того, чтобы скомпрометировать ее въ вашихъ глазахъ, достаточно несимпатичной оболочки? Я говорю противоположное тому, что когда-то говорилъ вамъ Маро. Онъ предлагалъ: «измѣните себѣ». Я же напоминаю: «будьте вѣрны себѣ!»

— Какъ Тэо и президентъ,—насмѣшливо дополнилъ Мэнни.

— Нѣтъ, не такъ, какъ они. Будьте вѣрны себѣ не какъ слабые, а какъ сильные; не какъ тѣ, которые путаются, стараясь вернуть прошлое, а какъ тѣ, которые до конца идутъ по одному пути. Вы подчинились теоріи Нэтти, вы обмануты ею. Я—не смерть и не возвращеніе назадъ. Я—жизнь, которая хочетъ жить, оставаясь самой собою. Только такая жизнь истинна. Та, которая мѣняется, тѣмъ самымъ доказываетъ, что она—ложь, ибо истина всегда одна. Если ты вчера былъ однимъ, а сегодня—уже другой, значитъ, ты умеръ между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ, и родился нѣкто новый, жизнь котораго будетъ также эфемерна. Все умереть: ты, человечество, міръ. Все потонетъ въ вѣчности. Останется только истина, потому что она вѣчна, и вѣчна она потому, что неизмѣнна.

Докажи, что ты причастенъ къ истинѣ и вѣчности: будь неизмѣннымъ, какъ онѣ!

Мэнни поднялся, глаза его сверкали.

— Ты лжешь, Вампиръ, и не меня ты обманешь наивными софизмами. Ты, какъ всегда, призываешь къ измѣнѣ. Я знаю путь, по которому шелъ. Каждый шагъ его былъ ударомъ прошлому. И ты мечтаешь сдѣлать меня врагомъ будущаго! Я знаю свой путь. Моя борьба со стихіями... одинъ Нэтти способенъ продолжать ее достойно меня. Моя борьба съ тобой, Фели Рао и вамъ подобными... Нэтти съ его друзьями лучшіе, самые вѣрные союзники въ ней. Я не знаю, правы ли они въ своей вѣрѣ въ социализмъ, и думаю, что нѣтъ; но я убѣжденъ, что если они неправы, они сумѣютъ скорѣе, чѣмъ кто-либо, понять это во-время. Истина побѣдитъ; но она побѣдитъ не противъ того, что полно силы и чистоты и благородства, а вмѣстѣ съ нимъ!

Вампиръ тоже выпрямился во весь ростъ; его красныя губы искривились выраженіемъ злобной увѣренности въ торжество.

— А, ты не хочешь слушать дружескаго совѣта,—произнесъ онъ съ шипѣніемъ въ голосѣ.—Хорошо же, ты услышишь голосъ повелителя!—и онъ протянулъ къ Мэнни руку съ судорожно сведенными въ видѣ когтей пальцами, точно хотѣлъ схватить добычу.—Знай же, твоя судьба рѣшена, ты не можешь уйти отъ меня! Пятнадцать лѣтъ ты живешь въ моемъ царствѣ, пятнадцать лѣтъ я пью понемногу твою кровь. Еще осталось нѣсколько капель живой крови, и оттого ты бунтуешь... Но это пройдетъ, пройдетъ! Я—необходимость, и потому я—истина. Ты мой, ты мой, ты мой!

Глаза Мэнни потемнѣли, онъ гордо откинулъ голову.

— Ты—ложь, мертвая ложь!—сказалъ онъ съ холоднымъ презрѣніемъ.—Во всякомъ случаѣ, благодарю тебя, что ты сбросилъ маску и прекратилъ мои колебанія. Твое торжество—заблужденіе. Не ты возьмешь послѣднія капли моей живой крови! Тонъ побѣдителя тебѣ не къ лицу, го мной же меньше всего. Я убилъ тебя, когда ты сталъ на моей дорогѣ,—и теперь такъ же убью!

Онъ повернулся и пошелъ къ двери, соединявшей рабочій кабинетъ съ его камерой-спальней. На порогѣ онъ взглянулъ назадъ, закрывая дверь. Вампира не было.

ЧАСТЬ IV.

1. Сердце Нэллы.

На другой день утромъ Мэнни экстренно пригласилъ къ себѣ одного стараго товарища, знаменитаго химика. Они рѣдко видѣлись, но ихъ отношенія были таковы, что химикъ никогда и ни въ чемъ не могъ бы отказать Мэнни. Они вмѣстѣ совершили когда-то рядъ экспедицій черезъ пустыни, вмѣстѣ пережили такъ много опасностей; Мэнни, далеко превосходившій своего друга физической силой и выносливостью, нѣсколько разъ спасалъ его отъ вѣрной смерти. Когда химикъ явился, Мэнни заперся съ нимъ наединѣ, и они бесѣдовали больше часу. Уходя, химикъ казался очень взволнованнымъ; на его глазахъ были слезы. Мэнни провожалъ его по коридору съ ласковой улыбкой и, прощаясь, крѣпко сжалъ его руки со словами благодарности. Черезъ два часа изъ лабораторіи стараго химика принесли для Мэнни небольшой запечатанный свертокъ.

Большую часть этого дня Мэнни занимался разборкой и приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ. Вечеромъ пришелъ Нэтти. Онъ былъ удивленъ значительной перемѣной въ манерахъ отца и, какъ-будто, даже въ его внѣшности. Нервное состояніе послѣднихъ мѣсяцевъ, разсѣянность, лихорадочный блескъ въ глазахъ, рѣзкость движеній исчезли безъ слѣда. Со спокойнымъ вниманіемъ и величайшей ясностью мысли онъ обсуждалъ дѣла, при чемъ намѣтилъ нѣсколько важныхъ техническихъ и административныхъ улучшеній. Когда эти вопросы были покончены, онъ сказалъ:

— Да, кстати, я хочу попросить васъ о большой услугѣ. Я думаю сейчасъ взять отпускъ на...—онъ немного остановился и закончилъ:—на нѣкоторое время. Полагаю, что это законное желаніе.

Не согласитесь ли вы пока замѣнить меня и завтра же принять всѣ дѣла? Я все приготовилъ для этого.

— Конечно, я съ удовольствіемъ сдѣлаю это, — отвѣчалъ Нэтти. — Мнѣ давно казалось, что отдыхъ вамъ необходимъ. Ваше здоровье за послѣднее время внушало мнѣ опасенія.

— Ну, теперь-то все прошло, — съ улыбкой возразилъ Мэнни. — Вы видите, сегодня я совершенно здоровъ, не правда ли?

Затѣмъ онъ началъ съ Нэтти разговоръ объ его научно-революціонныхъ идеяхъ и планахъ, многое заставлялъ подробно себѣ объяснять, не дѣлая ни возраженій, ни ироническихъ замѣчаній, ни даже обычныхъ прежде оговорокъ о своемъ несогласіи. Напротивъ, моментами онъ какъ-будто совсѣмъ входилъ въ мысли Нэтти, дѣлалъ замѣчанія и дополненія въ духѣ болѣе полного ихъ развитія. Нэтти былъ совершенно очарованъ, и въ живой бесѣдѣ оба не замѣтили, какъ наступила поздняя ночь. Прощаясь, Мэнни сказалъ:

— И все-таки только съ одной изъ вашихъ теорій я согласенъ безусловно. Зато ее, должно быть, я усвоилъ хорошо...

— Какая же это? — быстро спросилъ Нэтти.

— Теорія вампировъ, — отвѣтилъ Мэнни.

Молодой инженеръ возвращался домой въ глубокой задумчивости. Тамъ онъ засталъ Неллу, которая не спала, дожидаясь его. Онъ подробно рассказалъ ей о всей бесѣдѣ и о своихъ впечатлѣніяхъ. По поводу послѣдняго замѣчанія Мэнни Нелла заставила сына точно воспроизвести весь тотъ старый разговоръ, на который оно указывало. Затѣмъ она взяла съ него обѣщаніе притти къ ней на слѣдующій день немедленно послѣ свиданія съ Мэнни.

Всю эту ночь Нелла думала...

Съ утра Нэтти отправился принимать дѣла. Мэнни заявилъ ему:

— Официально я слагаю обязанности на мѣсяцъ; но имѣйте въ виду, что мое отсутствіе, можетъ-быть, продолжится больше. Я хочу серьезно отдохнуть.

Работа заняла нѣсколько часовъ. Когда Нэтти уходилъ, Мэнни на минуту задержалъ его у себя и сказалъ:

Завтра мы съ вами, вѣроятно, не увидимся. По закону, преступниковъ, отбывшихъ свой срокъ, освобождаютъ въ часъ солнечнаго восхода; а я рѣшилъ немедленно же отправиться въ путешествіе. Итакъ, всего лучшаго.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ Нэтти: это было въ первый разъ. Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Передайте мой привѣтъ Нэллѣ.

Нэлла съ нетерпѣніемъ ожидала сына. Когда онъ точно передалъ ей все, она сильно поблѣднѣла. Резюмируя затѣмъ свои впечатлѣнія, Нэтти сказалъ:

— Въ немъ все-таки есть что-то странное, чего я не могу опредѣлить. Я боюсь, что онъ не настолько здоровъ, какъ это по внѣшности кажется. Какъ ты думаешь, не будетъ ли навязчивостью, если я еще разъ зайду къ нему вечеромъ, хотя онъ не приглашалъ меня?

— Не надо, Нэтти,—отвѣтила она.—Я сама пойду къ нему.

— Это, конечно, гораздо лучше. Я очень радъ такому рѣшенію.

Наступалъ вечеръ, когда Нэлла вошла въ зданіе тюрьмы. По запискѣ Нэтти ее пропустили безъ замедленія. Мэнни писалъ у себя въ камерѣ. Когда Нэлла постучалась, онъ предположилъ, что это какой-нибудь курьеръ, и, не поднимая головы, сказалъ: «войдите», а самъ доканчивалъ начатую фразу.

Нэлла тихо затворила за собой дверь и остановилась. Неподвижная и блѣдная, въ слабомъ освѣщеніи, она казалась призракнымъ существомъ. Онъ въ этотъ моментъ писалъ письмо ей, и она, какъ живая, представлялась его воображенію. Когда подъ ея пристальнымъ взглядомъ онъ обернулся, то первая мысль была: «Это—галлюцинація». Онъ всталъ и медленно, осторожно приблизился къ ней, боясь, что она исчезнетъ. Еще съ этимъ страхомъ онъ обнялъ ее, и только тогда, когда она отвѣтила на его поцѣлуй, понялъ, что передъ нимъ не призракъ. Онъ не въ силахъ былъ произнести ни одного слова. Почти машинально онъ подвелъ ее къ своему креслу и посадилъ. Взглядъ его упалъ на начатое письмо; быстрымъ движеніемъ онъ отбросилъ его въ сторону далеко отъ Нэллы.

— Безполезно, Мэнни!—сказала она.—Я знаю, что вы хотите сдѣлать.

Онъ молчалъ. Ему не пришло въ голову ни отрицать, ни удивляться тому, что она угадала его тайну.

— Этого не надо, мой Мэнни!—произнесла она.

Всю силу своей любви и нѣжной ласки она вложила въ эту мольбу.

— Необходимо, Нэлла!—тихо отвѣтилъ онъ.

Она знала, что значать рѣшенія этого человѣка. Чувство безсилія, безнадежности стало овладѣвать ею. Она хотѣла сказать ему многое, очень многое, а теперь мысли разметались, и она не умѣла, не могла.

Наступило молчаніе. Онъ опустился передъ нею на колѣни и прижалъ ея руки къ своему лицу. Она не отнимала ихъ и не замѣчала, какъ ея слезы падали на его волосы.

— Ничто не можетъ измѣнить этого, Мэнни?

— Ничто въ мірѣ, Нэлла.

Тогда у нея нашлось слово упрека:

— А моя любовь имѣетъ для васъ какую-нибудь цѣну?

— Безконечную, Нэлла! И я хочу быть достоинъ ея.

Ея сердце подсказало ей лучшее, что было возможно:

— Расскажите мнѣ все! Все, чтобы я поняла...

Онъ рассказалъ все. Онъ говорилъ спокойно, ясно, съ той силою глубокаго, непреложнаго убѣжденія, которая дается одному изъ милліоновъ. И для Нэллы становилось очевиднымъ, что всякая борьба ненужна и бесплодна и что она была бы только лишнимъ мученіемъ для великой души. Когда онъ кончилъ, Нэлла сказала:

— Я была бы счастлива уйти съ вами, Мэнни. Но, вы знаете, мнѣ еще нельзя оставить его, нашего Нэтти.

— Ахъ, Нэлла, если бы вы знали, сколько счастья вы дали мнѣ даже этими одними словами, вы ни о чемъ бы не жалѣли и не грустили. Вы не слышите, какъ бьется мое сердце? Я удивляюсь, что оно не разорвалось. Да, у меня есть еще нѣсколько капель живой крови... Онъ для васъ, моя Нэлла!

Она отдалась ему, какъ въ ту далекую, минувшую ночь.

2. Образы смерти.

Прошло нѣсколько часовъ. Мэнни заснулъ въ объятіяхъ Нэллы.

Она осторожно освободилась изъ его рукъ и сѣла возлѣ него на постели, чтобы смотрѣть на его лицо. Можетъ-быть, онъ почувствовать сквозь сонъ ея удаленіе. Тяжелыя грезы овладѣли имъ.

.

Холодъ внутри; темнота вокругъ; сплошной камень подъ ногами, съ боковъ, надъ головою. Утомительно идти по узкому, душному коридору. Но идти надо. Какъ долго!

А! вотъ слабый, точно фосфорическій свѣтъ мелькаетъ впереди... Ближе, яснѣе... Стѣны и сводъ начинаютъ тускло выдѣляться изъ мрака. Все тѣснѣе путь.

Кончено! дальше некуда. Та же глухая стѣна замыкаетъ коридоръ. Бѣлая фигура неподвижно прислонилась къ ней. Непонятная тревога охватываетъ душу. Надо, необходимо видѣть...

Полотно скользить и падаетъ. Лицо трупа... странно знакомыя черты. Неподвижны мутные глаза; но съ сѣрыхъ губъ слетаетъ беззвучный шопотъ: «это—ты!» Мэнни узнать себя.

Зеленоватыя пятна выступаютъ на мертвомъ лицѣ, увеличиваются, сливаются. Западаютъ и грязной жидкостью вытекаютъ глаза; вѣlichьями сходить гнѣющее мясо съ костей... Вотъ его уже нѣтъ больше: одна костяная маска съ ея стереотипной улыбкой.

Фосфорическіе огоньки носятся вокругъ, вспыхиваютъ ярче, погасаютъ... Въ колеблющемся свѣтѣ измѣняется пустая улыбка; оживляются пыльно-желтыя черты. Мэнни кажется, что онъ ясно читаетъ ихъ странную, нѣмую рѣчь.

«Это—ты, и это—все», говоритъ насмѣшливая маска. «И даже это—еще слишкомъ много. Человѣкъ думаетъ: тоскливо и скучно разрушаться въ черной ямѣ среди блуждающихъ огоньковъ. Такъ нѣтъ же! на дѣлѣ гораздо хуже. Даже не то печально, что скоро исчезнуть и эти пузырьки фальшиваго свѣта, порожденные разложеньемъ остатковъ твоего собственного тѣла. Пускай былъ бы мракъ. Но—нѣтъ и его!

«Да, если бы были мракъ, скука, тоска... Мракъ, который ты когда-то видѣлъ; скука, которую чувствовалъ; тоска, которую проклиналъ. Ты любилъ яркое солнце и безчисленныя формы, которыя купаются въ его лучахъ; глухая, беспросвѣтная тьма, конечно, не то,—но она все же нѣчто въ родѣ воспоминанія о нихъ. И это здѣсь отнято у тебя. Смѣна впечатлѣній напряженной жизни была твоей радостью; но и самая безнадежная скука заключаетъ въ себѣ смутный ихъ отблескъ, неопредѣленную вѣру въ нихъ. Здѣсь нѣтъ и слѣда этого. Борьба и побѣда были для тебя смысломъ существованія; когда ихъ не хватало, ядовитый голосъ тоски говорилъ тебѣ

о нихъ. Теперь и онъ умолкаетъ на-вѣки... Въ послѣднихъ судорогахъ твоей мысли пойми этотъ итогъ, пойми—и прими его!

«Я—это ты. Даже моя внѣшность и эта моя рѣчь—еще блестяще твоей жизни, той, которая уходитъ. Значитъ, это все-таки что-нибудь, и оно бесконечно лучше того, что остается въ дальнѣйшемъ, той непостижимой вещи, которая называется — ничто».

Мучительнымъ усиліемъ Мэнни преодоливаетъ боль, которая сжимаетъ его сердце.

— Я не вѣрю тебѣ, — говоритъ онъ. — Я узналъ тебя, бесполезно переодѣваться. Ты весь — ложь, и ничего, кромѣ лжи, исходить отъ тебя не можетъ.

Но улыбка черепа становится грустной. «Попробуй опровергнуть!» — читаетъ въ ней Мэнни, — «увы! — это невозможно»...

Гаснутъ огоньки, пропадаютъ контуры. Тьма сгущается вокругъ, холодъ — въ душѣ...

Но откуда это? Мягкій вѣтерокъ, точно чье-то нѣжное дыханіе, коснулся лица. Какъ странно! въ немъ какой-то неясный лучъ надежды, согрѣвающий сердце. Вотъ и мракъ начинаетъ рѣдѣть. Смутный, разсѣянный свѣтъ зарождается въ воздухѣ. Глаза съ жадностью впиваютъ его... Гдѣ же стѣны?

Бесконечная, каменная равнина. Темно-свинцовый сводъ неба надъ нею. Никакихъ признаковъ жизни. Одна сѣрая даль впереди.

Мэнни оборачивается и вздрагиваетъ. Передъ нимъ неподвижная черная фигура, закутанная съ головы до ногъ; не видно даже лица. Сумеречный свѣтъ словно собирается вокругъ нея, и въ этомъ ореолѣ строгія линіи силуэта выдѣляются рѣзко, какъ на гравюрѣ. Мэнни чувствуетъ въ нихъ что-то знакомое.. близкое... дорогое... Онъ старается вспомнить и не можетъ. Онъ осторожно протягиваетъ руки и снова вздрагиваетъ отъ прикосновенія къ холодной, очень холодной ткани. Съ тревожнымъ ожиданіемъ онъ откидываетъ ее... Нѣлла!

Она — и не она... Что такъ странно въ ней измѣнилось? Да — ея глаза стали не тѣ. Они такіе же огромные; но теперь не зелено-ватые, синіе, какъ волны южныхъ морей, а черные, совсѣмъ черные и бездонно-глубокіе. Торжественно и мягко выраженіе матово-блѣднаго лица; дыханіе не колеблетъ грудь подъ неподвижными складками одежды. Все въ ней проникнуто спокойствіемъ, недоступнымъ человѣку.

Она заговорила тихо, такъ тихо, что Мэнни кажется, будто онъ слышитъ мысли, а не звуки:

«Это я, Мэнни, та, которая всегда была твоей судьбою. Ты знаешь—въ моей ласкѣ все кончится для тебя. Ты—человѣкъ, и тебѣ больно. Не надо этой боли.»

«Что ты теряешь? Сіяніе солнца, радость борьбы, любовь Нэллы?.. Ошибаешься, другъ мой: не ты ихъ, а они тебя теряютъ. Развѣ можетъ потерять что-нибудь тотъ, кого нѣтъ? А тебя не будетъ, они же останутся. Еще миллионы лѣтъ будетъ сіять солнце; вѣчно будетъ продолжаться борьба жизни; безконечное число разъ повторится въ женщинахъ будущаго, становясь все болѣе прекрасной и гармоничной, душа Нэллы.

«Да, тебя не будетъ. Исчезнетъ имя, и тѣло, и цѣпь воспоминаній. Но посмотри. Если бы тебѣ предложили вѣчность, и въ ней свѣтъ, радость, любовь, лишь съ тѣмъ, чтобы они существовали для тебя одного и ни для кого больше, чтобы онѣ были яркой и осязаемой, какъ реальность, но—только твоею мечтой? Съ какижъ презрѣніемъ отвергъ бы ты это лживое счастье, эту ничтожную вѣчность! Ты сказалъ бы: лучше самая короткая и самая тяжелая, но дѣйствительная жизнь... И вотъ теперь вся дѣйствительная жизнь остается и идетъ дальше. Умирать только тотъ ея отблескъ и та частица, которые были тобою.

«Въ непредѣльности живого могучаго бытія сохранится то, что ты любилъ сильнѣе себя,—твое дѣло. Оно тебя потеряетъ, и въ этомъ утрата. Но мысль идетъ дальше того, что исчезаетъ, и ты сумѣлъ понять главное: творчество, которое въ тебѣ нашло одно изъ своихъ воплощеній, не имѣетъ конца».

Она замолчала, и неподвижна была ея стройная фигура среди неподвижности пустыни, неподвижны спокойныя черты матово-блѣднаго лица.

Мэнни сдѣлалъ шагъ и въ сильномъ объятіи прижалъ свои губы къ ея холоднымъ губамъ. Его взглядъ потонулъ въ ея бездонно-темныхъ глазахъ; радостная боль пронизала его сердце,—и все счѣшалось.

— Это ты, Нэлла?.. другая или прежняя?—произнесъ Мэнни, еще не освободившійся отъ вліянія бреда.—Ахъ, да! ты, можетъ,

быть, не знаешь... Я сейчас видѣлъ смерть, Нелла... ихъ было двѣ. Одна отвратительная и пустая; о ней не стоитъ даже говорить... Другая—прекрасная, милая; это была ты, Нелла... Я поцѣловалъ ее, вотъ такъ...

3. Завѣщаніе.

Новыя ласки среди ночи... и вновь дѣйствительность расплываясь уходитъ отъ сознанія... и новыя грезы овладѣваютъ душою Мэнни.

.....
Кроваво-красный шаръ высоко на темномъ небѣ. Это не солнце: на него не больно смотрѣть, и его блескъ не въ силахъ заглушить ясныя, спокойно-мерцающія звѣзды. Новая луна? Нѣтъ это слишкомъ ярко для нея. Что же это? Такой видъ имѣло бы гаснущее солнце... Да, такъ оно и есть: солнце, которое умираетъ. Невозможно! миллионы лѣтъ должны были пройти для этого.—Впрочемъ, что же? Для кого время не существуетъ, для того миллионы лѣтъ становятся мгновеніемъ.

Но тогда—конецъ всему: человѣчеству, жизни, борьбѣ! Всему, что рождено солнцемъ, что воплотило въ себѣ его лучистую силу. Конецъ сіянію мысли, усиліямъ воли, конецъ радости и любви! Вотъ оно, то неизбежное неотвратимое, послѣ котораго уже ничего, ничего не останется...

Холодъ въ душѣ и холодъ снаружи. Мэнни осматривается вкругъ. Ровная и гладкая дорога пересѣкаетъ пустынную равнину, которая прежде была, можетъ-быть, полемъ или лугомъ. Вдали видны странныя, красивыя зданія. Неподвиженъ воздухъ и неподвижна природа. Ни человѣка, ни звѣря, ни растенія. Тишина глубокая, бездонная, въ которой тонуть безсильные лучи догорающаго свѣтила.

Неужели всё завершилось и царство вѣчнаго молчанія уже вступило въ свои права? Впрочемъ, не все ли равно? Если гдѣ-нибудь и тлѣютъ остатки жизни, въ тѣхъ зданіяхъ или подъ землею, то агонія—не жизнь...

Здѣсь—послѣдній судъ и окончательный приговоръ, на который нѣтъ апелляціи. Подводится итогъ всему, что было цѣлью и что

было средствомъ, всему, что имѣло смыслъ и значеніе. Скелетъ былъ правъ: этотъ итогъ—ничто. Милліоны лѣтъ стремленія, познанія... Міриады жизней, жалкихъ и прекрасныхъ, ничтожныхъ и могучихъ... Но какая разница, дольше или короче, лучше или хуже—когда ихъ уже нѣтъ, и нѣтъ имъ наследника, кромѣ нѣмого, вѣчнаго ээпра, которому все равно.

Они были, они взяли у жизни свое.—Иллюзія! «Они были»; теперь это только и значить одно—что ихъ нѣтъ. А то, что они брали у жизни, исчезло, какъ и они сами.

Но, вѣдь, жизнь не прекращается во вселенной: угасая въ однихъ мірахъ, она расцвѣтаетъ въ другихъ и зарождается еще въ иныхъ. Обманъ, прикрывающій суровую истину утѣшительными словами! Что за дѣло этой жизни до той, которая ничего о ней не знаетъ и ничего у нея не возьметъ? И если каждая изъ нихъ одинаково исчерпывается въ безплодномъ циклѣ, что прибавляютъ онѣ порознь или вмѣстѣ къ той же неизбѣжной суммѣ? Безсвязныя грезы вселенной, разбѣяныя въ пространствѣ и времени, къ чему онѣ? Зачѣмъ сплетало солнце фальшивую ткань жизни изъ своихъ призрачныхъ лучей? Какое издѣвательство!

Что это? Ярко освѣтилось одно изъ зданій, исполинское, стройное, похожее на храмы феодальныхъ временъ. Надо посмотрѣть. Путь недалекій и легкій по ровной дорогѣ. Вотъ открывается дверь.

Огромная высокая зала, залитая свѣтомъ; тысячи людей. Но люди ли это? Какъ свободны ихъ позы, какъ спокойны и ясны ихъ лица, какой силой дышать ихъ тѣла. И это—обреченные?..

Что собрало ихъ сюда? Какая мысль, какое чувство объединили ихъ въ этомъ общемъ молчаніи?... Входитъ новое лицо и поднимается на возвышеніе въ глубинѣ залы. Очевидно, онъ тотъ, кого ждали: взоры всѣхъ направляются на него. Это—Нэтти? Да, Нэтти, но иной, подобный божеству, въ ореолѣ сверхчеловѣческой красоты. Среди торжественно-глубокой тишины онъ говоритъ:

«Братья, отъ имени тѣхъ, кто взялъ на себя разрѣшеніе послѣдней задачи, я возвѣщаю, что мы выполнили свое дѣло.

«Вы знаете, что судьба нашего міра вполне выяснилась уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Ослабѣвшее солнце давно не въ силахъ питать своими лучами развитіе нашей жизни, нашъ великій общій трудъ. Мы поддерживали солнечное пламя, пока было

возможно. Мы взорвали и обрушили на солнце поочередно всё наши планеты, кроме одной, на которой теперь находимся. Энергия этих столкновений дала намъ лишнюю сотню тысячъ лѣтъ. Большую часть ихъ мы потратили на изслѣдованіе способовъ переселенія въ другіе солнечные міры. Тутъ насъ постигла полная неудача.

«Мы не могли побѣдить окончательно пространства и времени. Гигантскія между-звѣздныя разстоянія требуютъ отъ насъ десятковъ тысячелѣтій пути среди враждебнаго ээира. Ни одно живое существо сохранить при этомъ нельзя. Задачу пришлось поставить иначе.

«Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что и въ другихъ звѣздныхъ системахъ живутъ разумныя существа. На этомъ мы построили нашъ новый планъ.

«То, что мы хотимъ сохранить при неминуемой гибели нашего міра, вовсе не есть наша собственная жизнь, не жизнь нашего человечества. Смерть послѣдняго поколѣнія сама по себѣ значила бы не больше, чѣмъ смерть предыдущихъ,—лишь бы послѣ насъ осталось и продолжилось наше дѣло. То, чего въ тысячахъ вѣковъ достигли наши объединенныя усилія: наши способы властвовать надъ стихіями, наше пониманіе природы, созданная нами красота жизни,—вотъ, что дорого для насъ; и это мы должны сохранить для вселенной во что бы то ни стало, это передать другимъ разумнымъ существамъ, какъ наше наследіе. Тогда наша жизнь воплотится снова въ ихъ работѣ и наше творчество преобразуетъ нныя міры.

«Какъ выполнить эту передачу? Вопросъ былъ труденъ, но уже разрѣшимъ для насъ. Холодъ и пустота ээирныхъ пространствъ, убійственныя для жизни, безсильны противъ мертвой матеріи. Ей можно довѣрить образы и символы, выражающіе смыслъ и содержаніе нашей исторіи, нашего труда, всей борьбы и побѣдъ нашего міра. Брошенная съ достаточной силою, она пассивно и послушно перенесетъ на неизмѣримыя разстоянія нашу дорогую идею, нашу послѣднюю волю.

«Что могло быть естественнѣе этой мысли? Развѣ самъ ээиръ не создалъ нашей первой связи съ тѣми мірами, принося къ намъ лучи ихъ солнцъ, какъ смутную вѣсть о далеской жизни?

«Я возвѣщаю вамъ успѣхъ нашихъ усилій. Изъ самаго прочнаго вещества, какое могла дать намъ природа, мы приготовили миллионы гигантскихъ снарядовъ: каждый есть вѣрная копія нашего завѣщанія. Они составлены изъ тонкихъ свернутыхъ пластинокъ, покрытыхъ художественными изображеніями и простыми знаками, которые безъ труда будутъ разгаданы всякимъ разумнымъ существомъ. Снаряды эти уложены на точно опредѣленныхъ мѣстахъ нашей планеты, и для каждаго вычислены направленіе и скорость, которыя онъ получитъ отъ начального толчка. Вычисленія строги и проверены сотни разъ: цѣль будетъ неизбѣжно достигнута.

«А начальный толчокъ, братья, произойдетъ черезъ нѣсколько минутъ. Внутри нашей планеты мы собрали огромную массу той неустойчивой матеріи, атомы которой, взрываясь, разрушаются въ одно мгновеніе и порождаютъ самую могучую изъ всѣхъ стихійныхъ силъ. Черезъ нѣсколько минутъ наша планета перестанетъ существовать и ея осколки разлетятся въ безконечное пространство, унося наши мертвые тѣла и наше живое дѣло.

«Встрѣтимъ же радостно, братья, это мгновеніе, въ которомъ величіе смерти сольется съ величайшимъ актомъ творчества, это мгновеніе, которое завершитъ нашу жизнь, чтобы передать ея душу нашимъ невѣдомымъ братьямъ!»

И какъ эхо пронеслись по залѣ, воплощая одну мысль и одно чувство людей, слова:

«невѣдомымъ братьямъ!»

А когда вслѣдъ затѣмъ видѣніе поглотилъ налетѣвшій ураганъ свѣта и огня, то послѣднее, что въ немъ потонуло, была у Мэнни та же мысль:

«невѣдомымъ братьямъ!»

.

4. Къ восходу солнца.

Когда Мэнни очнулся, оставалось меньше часу до солнечнаго восхода.

— Ты ни минуты не спала, Нэлла? Теперь мнѣ надо одѣться и написать еще нѣсколько словъ президенту и правительству...

Заря загоралась въ небѣ, и лучи ея проникали черезъ рѣшетку окна. Мэнни, одѣтый, снова лежалъ на постели, и Нелла сидѣла возлѣ него. Она внимательно, жадно смотрѣла на него: ей такъ мало пришлось его видѣть.

— Спой мнѣ пѣсню, моя Нелла.

— Это будетъ пѣсня только для тебя и о тебѣ, Мэнни.

Стѣны тюрьмы слышали на своемъ вѣку много пѣсень тоски, надежды; но едва ли когда-нибудь тамъ раздавался такой чистый, прекрасный голосъ, полный такого чувства...

Въ расцвѣтѣ молодости страстной
Любовь ты отдалъ за борьбу,
Чтобъ волей непреклонно-властной
Идеѣ покорить судьбу.

Творецъ и вождь, великій въ жизни,
Въ ея трудахъ, ея бояхъ,
Ты новый міръ открылъ отчизнѣ
На неизвѣданныхъ путяхъ.

Побѣдъ и славы въ искупленьѣ
Свободу отдалъ ты свою.
Ты долгихъ лѣтъ узналъ томленье,
Тоски холодную змѣю.

Ты ждалъ, спокойный и суровый.
Твой врагъ предъ скованнымъ дрожалъ.
И ты дождался: Жизни Новой
Могучій голосъ прозвучалъ.

Ты въ ней любовь и ласку встрѣтилъ,
Союзомъ съ нею побѣдилъ,
И сердцемъ гордымъ ей отвѣтилъ—
Ее безмѣрно полюбилъ.

Но мыслью строгою своею,
Но волей, твердой какъ алмазъ,
Не въ силахъ былъ ты слиться съ нею;
И—наступилъ рѣшенья часъ.

Навѣкъ уходишь ты изъ строя,
Чтобъ ей открыть свободный путь.
Булатъ, что закаленъ для боя,
Разбить лишь можно, не согнуть.

О прежнихъ жертвахъ не жалѣя,
Ты большую приносишь вновь.
Сильна, какъ жизнь, твоя идея,
Сильнѣй, чѣмъ смерть — твоя любовь!

Послѣднія слова оборвались въ рыданіи, слезы градомъ хлынули изъ глазъ Неллы, и она не могла видѣть одного быстрого движенія Мэнни...

Еъ восходу солнца онъ заснулъ, тихо, радостно, среди поцѣлуевъ любимой женщины, со словами:

Нелла... Нэтти... побѣда!..

Эпилогъ.

Смерть Мэнни развязала много узловъ. Она нанесла жестокой ударъ его врагамъ, опровергнувъ ихъ крики объ его монархическихъ планахъ и сразу поставивъ этихъ людей въ положеніе обличенныхъ фактами клеветниковъ. Въ то же время отпалъ и вопросъ о «диктатурѣ работъ», такъ какъ Нэтти вовсе не желалъ ея для себя. Изъ старыхъ сотрудниковъ Мэнни была образована центральная коллегія работъ; Нэтти, ея председатель, сохранилъ за собою всецѣло руководство техникой. Его вліяніе было очень велико; благодаря ему въ теченіе почти десяти лѣтъ отношенія центральной коллегіи съ рабочими союзами оставались мирными. Но самъ Нэтти прекрасно понималъ, что такое положеніе лишь временное, и употребилъ эти годы на подробную дальнѣйшую разработку плана Великихъ работъ, чтобы онѣ могли успѣшно продолжаться и тогда, когда ему самому придется уйти.

Мало-по-малу составъ правленія мѣнялся: одни умирали, другіе уходили на отдыхъ, третьи измѣняли свою позицію. Наконецъ, Нэтти остался въ меньшинствѣ. Наступилъ промышленный кризисъ, и, по внушенію правительственной партіи, правленіе рѣшило имъ воспол-

зоваться, чтобы ухудшить условия труда. Нэтти тотчас же вышла в отставку и приняла энергичное участие в организации борьбы против этого покушения. Гигантская забастовка, приостановившая Великие работы, энергичная атака рабочей партии против правительства и несколько восстаний в разных местах вызвали жестокое обострение кризиса; правящие круги в виду такой массы трудностей решились пока уступить. Но с этого момента исчезли последние неясности в классовых тенденциях, и разрыв пролетариата со всем старым общественным строем был закреплён.

Около того же времени умерла Нелла. Она словно нарочно для этого дождалась, пока около Нэтти появилась другая женщина, прекрасная и молодая, с ясными, лучистыми глазами. Рабочие любили Неллу и называли ее просто «матерью»; сотни тысяч провожали ее гроб и засыпали ее могилу цветами. Вечером, в день похорон, умер и Арри.

Покончив с инженерством, Нэтти всю свою научную работу направил на выполнение старого плана: преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу. Вокруг Нэтти создавалась целая культурно-революционная школа: ряд его учеников, частью выдвинувшихся из рабочей среды, частью пришедших из другого лагеря молодых ученых, работали вместе с ним над созданием знаменитой «Рабочей Энциклопедии», которая послужила затем опорой и знаменем идейного единства пролетариата.

На этом пути Нэтти пришел к своему величайшему открытию,—положил начало всеобщей организационной науке.

Он искал упрощения и объединения научных методов, а для этого изучал и сопоставлял самые различные приемы, применяемые человечеством в его познании и в труде; оказалось, что те и другие находятся в самом тесном родстве, что методы теоретические возникли всецело из практических, и что все их можно свести к немногим простым схемам. Когда же Нэтти сравнил эти схемы с различными жизненными сочетаниями в природе, с теми способами, посредством которых она стихийно образует устойчивые и развивающиеся системы, то его опять поразили сходства и совпадения. В конце концов, у него получился такой вывод: как ни различны элементы вселенной,—электроны, атомы, вещи, люди, идеи, планеты, звёзды,—и как ни различны по выш-

ности ихъ комбинаціи, но возможно установить небольшое число общихъ методовъ, по которымъ эти какіе угодно элементы соединяются между собою, какъ въ стихійномъ процессѣ природы, такъ и въ человѣческой дѣятельности. Нэтти удалось отчетливо опредѣлить три основные изъ этихъ «универсальныхъ организаціонныхъ методовъ»; его ученики пошли дальше, развили и точнѣе изслѣдовали полученные выводы. Такъ возникла всеобщая наука, быстро охватившая весь организаціонный опытъ человѣчества. Прежняя философія была не чѣмъ инымъ, какъ смутнымъ предчувствіемъ этой науки; а законы природы, общественной жизни и мышленія, найденные разными спеціальными науками, оказались частичными выраженіями ея принциповъ въ отдѣльныхъ областяхъ.

Съ того времени рѣшеніе самыхъ сложныхъ организаціонныхъ задачъ стало дѣломъ не индивидуальнаго таланта или гения, а научнаго анализа, въ родѣ математическаго вычисленія въ задачахъ практической механики. Благодаря этому, когда настала эпоха коренного реформированія всего общественнаго строя, величайшія трудности новой организаціи сравнительно легко и вполне планомерно удалось преодолѣть: какъ еще раньше естествознаніе стало орудіемъ научной техники, такъ теперь универсальная наука явилась орудіемъ научнаго построенія соціальной жизни въ ея цѣломъ. А еще раньше та же наука нашла широкое примѣненіе въ развитіи организацій рабочаго класса и ихъ подготовкѣ къ послѣдней, рѣшающей борьбѣ.

Самъ Нэтти, хотя и дожилъ до старости, могъ видѣть только первыя битвы этой борьбы, которая продолжалась полъ-вѣка. Его дѣти не были выдающимися людьми, но и не унизили памяти великихъ предковъ: они такъ же честно и мужественно сражались за дѣло человѣчества.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

КАТАЛОГЪ КНИГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНАГО СКЛАДА ПЕТРОГРАДСКАГО
СОВѢТА РАБОЧИХЪ И КРАСНОАРМЕЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Смольный, 2-й этажъ, комната 51, телефонъ—34, контора—комната 54.

Книжный магазинъ—Невскій, 116.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

	Цѣна. р. к.		Цѣна. р. к.
Алексѣевъ и Варленъ. «Двѣ рѣчи».	— 70	Вандервельде. «Соціализмъ и ис-	
Арну. «Мертвецы коммуны» . . .	— 45	кусство»	— 90
Его-же. «Народная исторія Па-		Ватинъ. «Что такое коммуна?» . .	— 20
рижской Коммуны»	7 50	Вейтлингъ. «Человѣчество, каково	
Афиногеновъ (Степной), Н. «За-		оно есть и какимъ должно быть» .	— 85
писки ополченца». Разошл.	1 25	Величкина, В. «Борецъ за свободу	
Баксъ. «Великая французская		Вильгельмъ Вейтлингъ»	1 —
революція»	— —	«Вѣнокъ коммунаровъ», сборн. па-	
Его-же. «Парижская коммуна» .	1 75	мяти В. Володарскаго, съ рис. . .	4 —
Барбюсъ. «В огнѣ». Дневникъ		Войничъ, В. «Оводъ». Ром. Пер.	
полувзвода. Перев. Арде-		съ англійск. З. Венгеровой.	4 50
нина. 1-е и 2-е изд. разошл.		В-икъ, Л. «Уголокъ нѣмецкой окку-	
Печатается 3-е изд.	10 —	паціи»	— 50
Басовъ-Верхоянецъ. «Вѣнокъ».		Володарскій, В. «Напутственная	
Сказки.	5 —	рѣчь агитаторамъ». 3-е изд. . .	— 50
Бebelъ, А. «Изъ моей жизни».		Волховскій. «Сказаніе о царѣ	
Мемуары, т. I	4 20	Симеонѣ»	1 25
т. II, ч. I	7 50	«Враги ли евреи рабочимъ и кре-	
Его-же. «Интеллигенція и соці-		стьянамъ». Раз. Печ. 2-е изд. . .	— 65
ализмъ»	1 25	Гайкъ-Ад-янцъ. «Крестьянскій во-	
Его-же. «Христіанство и соці-		просъ во Франціи»	— 55
ализмъ».	— 50	Гауптманъ. «Ткачи». Драма	3 —
Безсалько. «Алмазы востока».		Герронтъ, Г. «Отъ революціи къ	
Сказки съ иллюстраціями . . .	8 —	революціи»	1 20
Богдановъ. «Красная звѣзда» . .	2 60	Горичевъ. «Таблица исчисленія	
Его-же. «Инженеръ Мэнни» . . .	7 —	заработной платы от 150 до	
Браке. «Долой социаль-демокра-		1000 р. при 6 и 8-час. ра-	
товъ»	1 —	бочемъ днѣ»	5 —
Брусянинъ. «Въ борьбѣ за трудъ».	3 —	Горловъ, Н. «Темныя силы, война	
«Программа коммуни-		и погромы»	— 40
стовъ».	1 75	Горькій, Максимъ. «Макарь Чудра».	
Его-же. «Долой международныхъ		Съ иллюстр.	1 —
разбойниковъ». Разошл. Печ.		Его-же. «Челкашъ»	1 50
2-е изд.	— 40	Его-же. «Двадцать шесть и одна»	1 50
Его-же. «Классовая борьба и ре-		Его-же. «Дѣдъ Архипъ и Ленъка» .	1 10
волюція въ Россіи»	1 80	Его-же. «Емельянъ Пилыжъ» . . .	1 20
Быстрянский. «Имперіализмъ» . .	— 35	Его-же. «Дѣло съ застѣжками» . .	— 80
Его-же. «Армія имперіализма и		Его-же. «На плотахъ»	1 30
армія революціи». «Война		Его-же. «Мальва»	1 80
имперіалистическая и война		Его-же. «Коноваловъ»	2 60
революціонная»	2 —	Его-же. «Тюрьма»	2 25
Его-же. «Имперіалистическая Анг-		Его-же. «Проходимецъ»	2 —
лія противъ социалистиче-		Его-же. «Скуки ради»	1 40
ской Россіи»	— 40	Его-же. «Васька Красный»	1 40
Его-же. «Рабоче-крестьянская ре-		Его-же. «Кирилка»	1 30
волюція въ Россіи въ опѣнкѣ		Его-же. «О евреяхъ»	1 10
буржуазной публицистики» . . .	2 —	Его-же. «Какъ я учился»	— 90